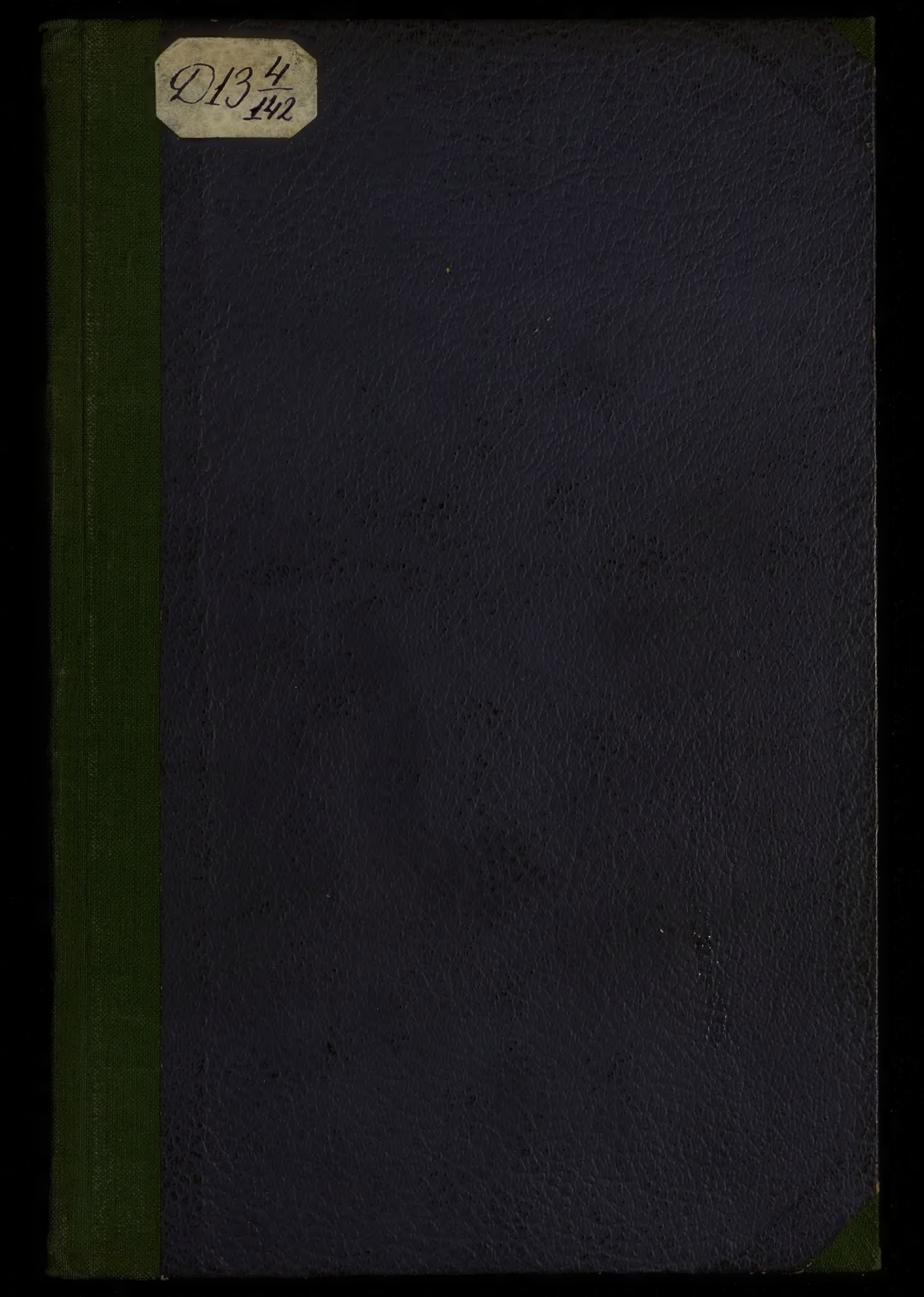

D13 4/142

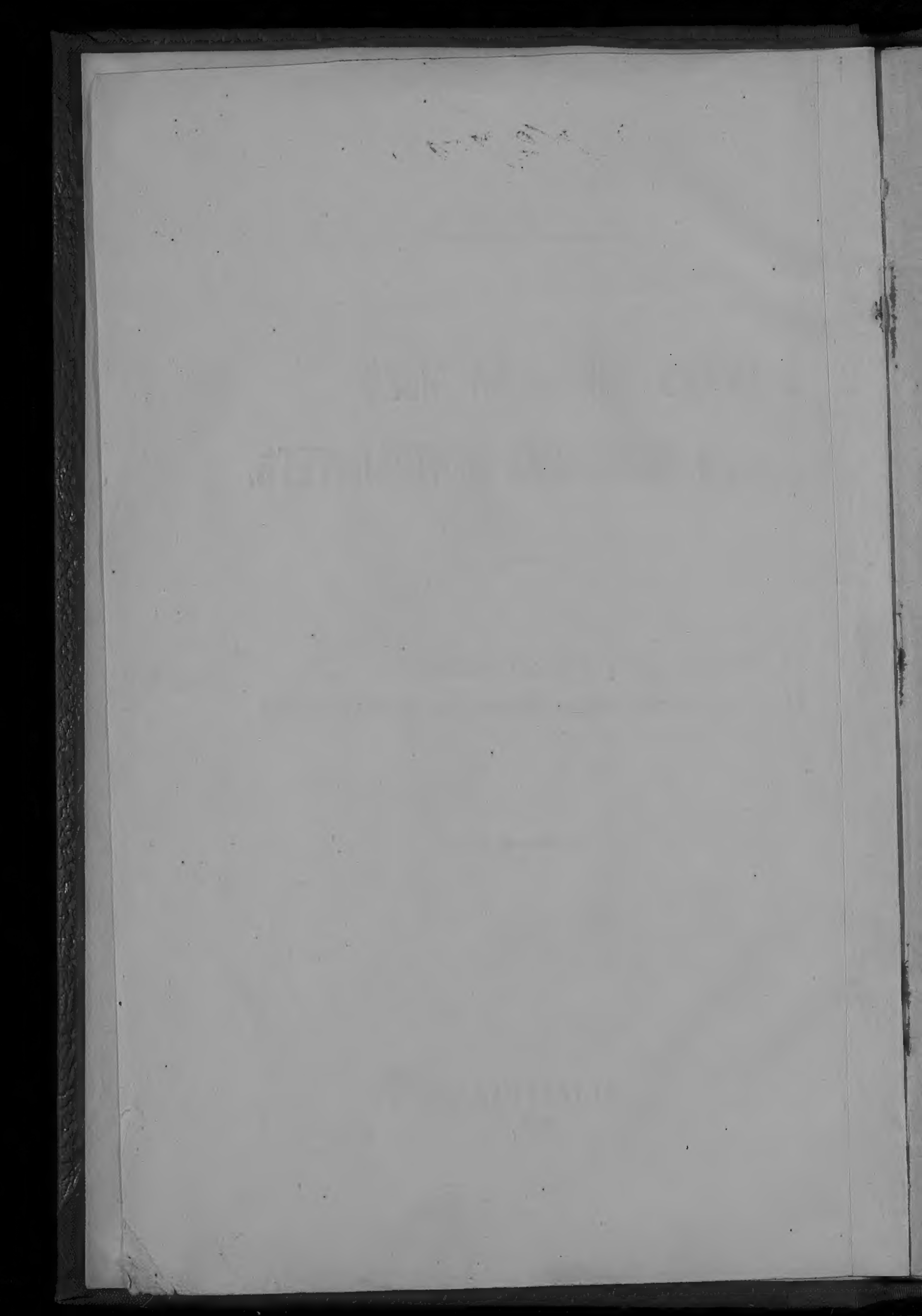
А. Н. СОБОЛЕВЪ.

О ПРАВѢ ВОЙНЫ НА МОРѢ и МОРСКОМЪ НЕЙТРАЛИТЕТѢ.

I. Очерки права морской войны.

II. О морскомъ нейтралитетѣ въ мiровой войнѣ.

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

А. Н. СОБОЛЕВЪ.

О ПРАВѢ ВОЙНЫ НА МОРѢ И МОРСКОМЪ НЕЙТРАЛИТЕТѢ.

I. Очерки права морской войны.
II. О морскомъ нейтралитетѣ въ мiровой войнѣ.

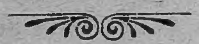
ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

Печатано по распоряженію Морского Генеральнаго Штаба.

Типографія Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Обѣ статьи были напечатаны въ №№ 7, 8, 10 и 11 «Морского Сборника» за 1915 г.

ОЧЕРКИ ПРАВА МОРСКОЙ ВОЙНЫ (*).

Право морской войны регламентировано значительно менѣе, чѣмъ право войны сухопутной, для которой представителями 41 державы, собравшимися на 2 Гаагской Конференціи мира 1907 г. были выработаны подробныя правила («Положеніе о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны». Приложено къ 4 конвенціи о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны).

Право войны на морѣ въ гораздо худшемъ состояніи, за исключеніемъ его отдѣла—призового права, которому посчастливилось, особенно за послѣднее время; это случилось, конечно, потому, что оно затрагиваетъ слишкомъ насущные интересы не только воюющихъ, но и нейтральныхъ державъ. За этой же оговоркой можно повторить, что право морской войны обижено и законодательствомъ и литературой международнаго права. Въ «Очеркахъ призового права» (Петроградъ 1915) я пробовалъ обрисовать состояніе главныхъ вопросовъ права захвата частной собственности во время морской войны; теперешней же моей задачей явится изложеніе права веденія самой войны на морѣ какъ таковой, т. е. права военно-морскихъ операцій, оставляя по возможности въ сторонѣ призовое право.

Приступая къ изложенію права войны, я не обманываю себя и не хочу обманывать читателя мыслью о томъ, что эти общепризнанныя правила примѣняются на войнѣ неукоснительно. Въ наши дни объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

(*) Призовое право въ этихъ очеркахъ исключено, такъ какъ этой части права посвящены очерки, печатавшіеся въ «Морскомъ Сборникѣ» за 1914 №№ 11 и 12 и 1915 г.г. №№ 1, 2, 3 и 4.

еще недавно германскій канцлеръ заявилъ въ Рейхстагѣ о рѣшимости вести войну всѣми доступными средствами. О правѣ Германія намѣренно позабыла, и когда правовыя нормы нашими противниками не нарушаются, то исключительно потому, что ихъ нарушеніе было бы Германіи или вредно, или въ лучшемъ случаѣ безполезно. Приводить примѣры такихъ правонарушеній было бы слишкомъ утомительно, да и излишне, вслѣдствіе общеизвѣстности фактовъ, въ дальнѣйшемъ же изложеніи попутно я буду иллюстрировать право морской войны германскимъ его проведеніемъ въ жизнь; это будетъ въ нѣкоторомъ родѣ «доказательствомъ отъ противнаго».

Германскій образъ дѣйствій вызываетъ соотвѣтствующія репрессіи нашихъ союзниковъ, и это тоже не остается безъ вліянія на право войны. Гдѣ то мнѣ пришлось прочесть, что не всегда возможно примѣнять къ противнику его методы борьбы, и напримѣръ врядъ ли кто въ войнѣ съ людоѣдами будетъ зажаривать плѣнныхъ. Это несомнѣнно, но безспорно также, что съ людоѣдами въ войнѣ церемониться никто не станетъ, и всѣ правила войны отпадутъ, какъ основанныя на началахъ взаимности; что же касается формы репрессіи, то она опредѣлится исключительно соображеніями ихъ дѣйствительности въ предѣлахъ допустимаго вообще нашимъ нравственнымъ чувствомъ.

Современное право войны далеко отъ совершенства. Оно какъ оказывается, страдаетъ въ значительной степени и теоретичностью, такъ какъ создавалось во многомъ внѣ соображенія съ реальной обстановкой, въ которой приходится дѣйствовать на войнѣ. Мягкія кресла дипломатовъ представляютъ слишкомъ большой контрастъ съ траншеями воиновъ и полной лишеній и случайностей службой на морѣ, чтобы это не отразилось на работахъ составителей конвенцій, несмотря даже на близкое участіе практиковъ, техническихъ делегатовъ.

Въ «частныхъ войнахъ» недостатки правилъ не такъ обнаруживались, такъ какъ передъ опасеніемъ міроваго «концерта» отдѣльныя государства ограничивали себя во многомъ,

предпочитая не доводить дѣла до вмѣшательства третьихъ державъ.

Съ міровой войной все стало иначе. Германія рѣшила не считаться ни съ чѣмъ, кромѣ непосредственнаго интереса, и ей поздно отступать отъ этого теперь, когда ея образъ дѣйствій вызвалъ вмѣшательство Англіи, Японіи и Италіи, и стоилъ добрыхъ отношеній съ Ам. Соед. Штатами. Теперь бояться уже не кого, стѣсняться не съ кѣмъ, грань между дозволеннымъ и недозволеннымъ исчезла, и тутъ со всей откровенностью проявляется степень культурности каждаго воюющаго...

Очевидно, что безъ большой ломки понятій не обойтись послѣ этой войны. То, о чемъ съ ужасомъ говорили цѣлое столѣтіе, не вѣря въ самую возможность этого — міровая, небывалая до сихъ поръ война, — оказалось еще ужаснѣе, чѣмъ можно было предполагать.

Изъ создавшейся обстановки могутъ быть два рѣшенія, имѣющія одну цѣль: вырожденіе войны. Эти рѣшенія: или право войны включитъ въ себя, узаконитъ всю безпощадную правду войны, значитъ отмѣнитъ почти всякую нормировку права, почти упразднитъ себя,—и тогда устрашенные народы пойдутъ на войну лишь при рѣшеніи вопроса о самомъ своемъ существованіи; или же, наоборотъ, право войны будетъ сужено до минимальныхъ предѣловъ подъ дѣйствительной гарантіей державъ въ его соблюденіи.

Такіе два исхода были бы логическимъ послѣдствіемъ событій, свидѣтелями которыхъ мы являемся.

Возможенъ, правда, и третій исходъ — «такъ было, такъ будетъ»: — т. е. незначительный ремонтъ права войны подъ вліяніемъ совершающагося и знакомый по прежнимъ примѣрамъ дальнѣйшій путь человѣчества — «культурнаго» отъ войны до войны, и не знающаго удержу и не гнушающагося ничѣмъ для конечнаго успѣха—въ военное время.

Неужели же, однако, это не было бы святотатствомъ? Неужели потрясеніе слишкомъ слабо, чтобы вызвать рѣшительныя мѣры? Неужели же всѣ рѣки крови, проливаемыя для

сокрушенія милитаризма, олицетвореннаго теперь Германіей, всѣ беззавѣтныя усилія нашихъ братьевъ и союзниковъ останутся тщетными, и человѣчество не окажется способнымъ выйти изъ ужасной катастрофы обновленнымъ и прозрѣвшимъ?..

Во всѣхъ однако случаяхъ, при всякомъ исходѣ, современные законы веденія войны будутъ приняты во вниманіе. Въ событіяхъ настоящей войны правонарушенія слишкомъ многочислены, чтобы оказалось нелишнимъ остановиться на тѣхъ правилахъ, которыя приняты для этого въ международномъ правѣ. И при всей неполнотѣ и недостаткахъ этихъ правилъ, не надо ихъ недооцѣнивать. Даже въ текущей войнѣ они играютъ свою роль, и уже самая степень возмущенія народовъ при правонарушеніяхъ, бывшая причиной вмѣшательства въ войну трехъ великихъ державъ,—показываетъ, какъ глубоко самыя основы права внѣдрились въ общественное сознаніе и даетъ утѣшительную надежду на дальнѣйшее развитіе этихъ правовыхъ основъ.

Высочайшимъ Указомъ Правительствующему Сенату 28-го іюля 1914 г. перечислены правила, коими Россія руководствуется въ текущую войну. Согласно этому списку, дѣйствующее право морской войны содержится въ слѣдующихъ актахъ:

1. Парижская морская декларація 4-го (16-го) апр. 1856 г.

2. Декларація объ отмѣнѣ употребленія взрывчатыхъ и зажигательныхъ пуль, заключенная въ С.-Петербургѣ 29-го ноября 1868 г.

Конвенціи 1 Гаагской Конференціи Мира 1899 г.:

3. Декларація о воспрещеніи употреблять снаряды, имѣющіе единственное назначеніе распространять удушающіе или вредоносные газы.

4. Декларація о воспрещеніи употреблять пули, легко разворачивающіяся или сплющивающіяся въ человѣческомъ тѣлѣ.

Конвенціи 2 Гаагской Конференціи Мира 1907 г.

5. Третья конвенція объ открытіи военныхъ дѣйствій.

6. Шестая конвенція о положеніи непріятельскихъ военныхъ судовъ при началѣ военныхъ дѣйствій.

7. Седьмая конвенція объ обращеніи торговыхъ судовъ въ военныя.

8. Девятая конвенція о бомбардированіи морскими силами во время войны.

9. Десятая конвенція о примѣненіи къ морской войнѣ началъ Женевской конвенціи.

10. Тринадцатая конвенція о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ державъ въ случаѣ морской войны.

11. Лондонская Декларація о правѣ морской войны съ нѣкоторыми въ ней измѣненіями и дополненіями.

Эти акты содержатъ все дѣйствующее официіальное право морской войны. Такъ какъ однако ихъ постановленія далеко не исчерпываютъ возможныхъ положеній войны на морѣ, то 2 Гаагская Конференція въ своемъ Заключительномъ Актѣ 18-го октября 1907 г. выразила пожеланіе (4 пунктъ), «чтобы выработка Положенія касательно законовъ и обычаевъ морской войны вошла въ программу будущей Конференціи и чтобы во всякомъ случаѣ государства примѣняли въ той мѣрѣ, въ которой это возможно, къ морской войнѣ начала конвенціи о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны». (Actes de la 2 Conférence Internationale, I, стр. 700).

Такъ какъ 3 Конференціи мира еще не было и такъ какъ морская война еще не получила своего «Положенія», то цитированное пожеланіе Конференціи ни для кого не обязательно. Несомнѣнно, однако, что въ сухопутномъ «Положеніи» содержится значительное количество постановленій, которыя могли бы быть примѣнены и въ морской войнѣ, и не даромъ это «Положеніе» включено въ «Сборникъ дѣйствующихъ трактатовъ, конвенцій и другихъ международныхъ актовъ, имѣющихъ отношеніе къ военному мореплаванію», составленный проф. Овчинниковымъ (Пгр. 1914). При добро-

совѣстномъ и вдумчивомъ отношеніи къ дѣлу со стороны морского офицера и сухопутныя правила могутъ ему пригодиться.

На 2 Конференціи обсуждались также и были приняты нѣкоторыми государствами еще нѣкоторыя конвенціи, относящіяся къ морской войнѣ: 8 конвенція о постановкѣ подводныхъ, автоматически взрывающихся отъ соприкосновенія, минъ; 11 конвенція о нѣкоторыхъ ограниченіяхъ въ пользованіи правомъ захвата въ морской войнѣ; 12 конвенція объ учрежденіи Международной Призовой Палаты и 14 Декларація о запрещеніи метанія снарядовъ и взрывчатыхъ веществъ съ воздушныхъ шаровъ или при помощи иныхъ подобныхъ новыхъ способовъ.

Эти конвенціи Россіей и главнѣйшими государствами не подписаны, а потому также не обязательны; однако онѣ имѣютъ значеніе какъ вѣхи на пути развитія права войны. Въ этомъ же смыслѣ нельзя не отмѣтить попытки Ам. Соед. Штатовъ восполнить отсутствія «Положенія» изданіемъ «Кодекса морской войны», составленнаго кап. Стоктономъ и опубликованнаго 27-го іюня 1900 г. «Кодексъ» въ 1904 г. былъ отмѣненъ Морскимъ Департаментомъ очевидно подъ вліяніемъ Русско-Японской войны; по мнѣнію американцевъ, «Кодексъ» стѣснилъ бы дѣйствія американскаго флота сравнительно съ другими флотами, не имѣющими подобныхъ правилъ. (См. Naval War Code, фр. переводъ кодекса проф. Dupuis). Небезынтересно указать, что Институтъ Международнаго Права, давно пытающійся заполнить пробѣлъ въ разсматриваемой правовой области, послѣ выраженнаго 2 Конференціей Мира «Пожеланія», выработалъ «Законы морской войны въ отношеніяхъ между воюющими», принятые единогласно 9-го августа 1913 г. въ Оксфордской Сессіи. Работы Института конечно имѣютъ большое значеніе и имъ суждено не малое вліяніе на дальнѣйшее регламентированіе права,—какъ изъ за отмѣченной скудости международныхъ правовыхъ постановленій въ этой области, такъ и вслѣдствіе участія въ работахъ Института самыхъ выдающихся ученыхъ, главнѣйшихъ дѣятелей бывшихъ, а вѣроятно и будущихъ мирныхъ конференцій.

Въ своемъ изложенiи я намѣренъ придерживаться слѣдующаго порядка:

А. Участники морской войны.

Б. Поле дѣйствiй морской войны.

В. Враждебныя дѣйствiя: I. Начало военныхъ дѣйствiй. II. Средства борьбы: 1. Безусловно недозволенныя 2. Дозволенныя; ихъ ограниченiя въ отношенiи къ: а) нейтральнымъ, б) мирному населенiю, в) несражающимся. Военно-плѣнные. Раненые. III. Перемирiе. IV. Окончанiе военныхъ дѣйствiй.

Г. Право нейтралитета въ морской войнѣ.

А. Участники морской войны—вооруженныя силы воюющихъ. «Общая цѣль войны состоитъ въ достиженiи полнаго подчиненiя непрiятеля въ возможно кратчайшiй срокъ и съ наименьшими потерями жизней и средствъ. Спецiальныя же цѣли морской войны: захватить или уничтожить военныя или морскiя силы противника, его укрѣпленiя, арсеналы, доки и верфи, его различныя военныя и морскiя учрежденiя и морскую торговлю; воспрепятствовать снабженiю его военными припасами нейтральнаго происхожденiя; помогать военнымъ дѣйствiямъ на сушѣ и защищать нацiональную территорiю, а также нацiональную собственность и торговлю на морѣ». («Кодексъ» Ам. Соед. Штатовъ, п. 1).

Кто же имѣетъ право участiя въ непосредственномъ достиженiи этихъ цѣлей? Кто можетъ быть участникомъ морской войны? Такъ какъ войну ведетъ лишь государство и противъ государства же, то и принимать въ ней участiе могутъ только организованныя для этого силы воюющихъ сторонъ. На морѣ, какъ и на сушѣ, въ составѣ вооруженной силы различаются сражающiеся и не сражающiеся.

Въ первую категорiю входятъ:

1. Военные корабли, коими считаются всѣ принадлежащiя государству вооруженныя суда, состоящiя подъ командой военнаго начальника, имѣющiя военный экипажъ и законно поднимающiя военный флагъ.

2. Вспомогательныя суда, преобразованныя изъ коммерческихъ въ военныя при соблюденiи установленныхъ спецiально для этого правилъ.

3. Гидроаэропланы, дирижабли, цеппелины и прочіе летательные аппараты, состоящіе въ спискахъ военнаго воздушнаго флота и находящіеся подъ управленіемъ военныхъ летчиковъ.

Эта послѣдняя категорія должна быть непремѣнно упомянута, такъ какъ воздухоплавательные и летательные аппараты принимаютъ дѣятельное участіе въ военно-морскихъ операціяхъ. Одинъ цеппелинъ участвовалъ даже въ эскадренномъ бою, хотя только при его ликвидаціи: послѣ потопленія англичанами «Блюхера» этотъ цеппелинъ, сбрасывая бомбы, старался помѣшать..... спасенію тонувшихъ германскихъ моряковъ. Наши гидроаэропланы атаковали турецко-германскіе суда при ихъ появленіи у Севастополя, извѣстно участіе воздушнаго флота при бомбардировкѣ морскими силами Дарданеллъ и Босфора и т. д. Теперь уже на летательныхъ аппаратахъ ставятся пулеметы и орудія. Трудно сказать, насколько можетъ быть развита въ будущемъ дѣятельность летчиковъ, однако, если сохранится призовое право, то вѣроятно и въ немъ цеппелины и пр. найдутъ примѣненіе, и теоретически имъ нельзя будетъ отказать въ правѣ осмотра и захвата судовъ, какъ и подводнымъ лодкамъ: но, какъ и для подводныхъ лодокъ и прочихъ военныхъ судовъ,—для воздушнаго флота должны быть непререкаемы международныя правила. Если же летчики окажутся не въ состояніи осуществлять свои обязанности,—они потеряютъ права, подобно германскимъ подводнымъ лодкамъ, которыя въ текущую войну фактически не смогли удовлетворить требованіямъ призового права и занялись пиратствомъ. Но эти подробности касаются уже призового права, притомъ въ дальнѣйшемъ его гадательномъ развитіи. Въ морской же войнѣ воздушный флотъ показалъ свою полную примѣнимость и не можетъ быть вычеркнутъ изъ состава морскихъ вооруженныхъ силъ воюющихъ.

Перечисленныя три категоріи силъ однѣ только и имѣютъ право на непріязненныя дѣйствія противъ врага. Признается, конечно, право необходимой обороны за всякими судами, незаконно атакованными кѣмъ либо, какъ, напримѣръ, правы были коммерческіе пароходы, сопротивлявшіеся пиратскимъ

нападеніямъ германскихъ подводныхъ лодокъ; но это обусловлено уже нарушеніемъ права, и борьба съ пиратствомъ не имѣетъ ничего общаго съ правомъ войны, будучи допущена и въ мирное время.

По словамъ лорда Стоуэля, сопротивленіе, оказанное законно употребляемой силѣ, не можетъ быть законнымъ; въ военное время эта формула должна быть нѣсколько измѣнена; употребленіе силы въ рамкахъ права войны признается конечно въ равной степени закономѣрнымъ какъ со стороны нападающаго, такъ и его противника.

Изъ приведенныхъ выше трехъ пунктовъ въ международномъ правѣ самый сложный второй,— о вспомогательныхъ судахъ, преобразованныхъ изъ коммерческихъ въ военныя. Этотъ вопросъ имѣетъ за собой длинную исторію и до сихъ поръ не рѣшенъ окончательно. Собственно говоря вспомогательныя суда въ теперешнемъ смыслѣ появились очень недавно, лишь съ франко-германской войны 1870 г., замѣнивъ собой прежнее каперство.

Плохо организованныя государства среднихъ вѣковъ, для борьбы противъ пиратовъ и для веденія войнъ обращались къ патріотизму отдѣльныхъ лицъ, выдавая имъ разрѣшенія на борьбу съ врагомъ и захватъ непріятельскихъ судовъ и грузовъ, какъ и нейтральныхъ, имѣвшихъ какое либо отношеніе къ непріятелю. Довольно быстро патріотизмъ смѣнился жаждой къ наживѣ, commissions en guerre (выдававшіяся для борьбы съ противникомъ) смѣшались съ lettres de course, de marque (для сведенія личныхъ счетовъ), и названіе корсара заслуженно стало синонимомъ пирата. Контроль за каперами былъ чрезвычайно труденъ; къ тому же государственность быстро развивалась. Парижской Декларацiей 1856 г. (которая не подписана теперь лишь Ам. Соед. Штатами) каперство уничтожено навсегда.

Однако въ войнѣ 1870—71 гг. германское правительство, оказавшееся въ затруднительномъ положеніи вслѣдствіе перевѣса французскаго флота и запрещенія каперства, нашло выходъ въ созданіи вспомогательнаго флота, вооруживъ коммерческія суда и давъ имъ военную организацію и управле-

ніе. (24 августа 1870 г.). Несмотря на протесты Франціи, это нововведеніе удержалось, и государства нашли выгоднымъ держать вспомогательныя суда, которыя, поддерживая торговлю въ мирное время, были бы полезны и въ войнѣ. Многіе (La Mache и др.) считаютъ такія суда лишь замаскированными каперами, и фактически эти суда заняты главнымъ образомъ препятствованіемъ морской торговлѣ непріятеля (примѣры текущей войны конечно у всѣхъ еще живы въ памяти). Надо, однако, замѣтить, что пока существуетъ призовое право легко находить такое сходство съ каперствомъ въ дѣйствіяхъ любого военнаго судна, использующаго свое право осмотра и захвата. Что же касается существа дѣла, то хотя дѣйствующія правила и оставляютъ желать лучшаго, все же представляемыя ими гарантіи достаточно серьезны, чтобы забыть о каперахъ, особенно наряду съ поведеніемъ безспорно-военныхъ судовъ, подводныхъ лодокъ. Главнымъ зломъ каперства было то, что въ стремленіи къ наживѣ всѣ средства считались годными, средства стали цѣлью; недисциплинированностью экипажа и отсутствіемъ какихъ либо нравственныхъ побужденій объясняется отмѣченное выше пиратство. Въ противовѣсъ этому во вспомогательномъ флотѣ при преобразованіи судовъ въ военныя считается необходимимъ поставленіе судна въ условія военной службы. Командиромъ назначается морской офицеръ, команда милитаризуется, корыстныя побужденія устраняются и замѣнены намѣреніемъ выполнить по мѣрѣ силъ свой долгъ передъ родиной.

Дѣйствующія международныя правила выражены въ статьяхъ 1—6 конвенціи объ обращеніи торговыхъ судовъ въ военныя. На 2 Гаагской Конференціи, гдѣ вырабатывалась эта конвенція, неоднократно слышалась забота о томъ, чтобы вспомогательные крейсера не явились повтореніемъ каперовъ.

Конечно международное право интересуетъ лишь вопросъ о томъ, на какихъ условіяхъ частные корабли какого бы ни было вида (пассажирскіе, грузовые и пр.) могутъ считаться военными судами, имѣть ихъ права и нести ихъ обязанности. Этотъ вопросъ затрагиваетъ и воюющихъ и нейтраль-

ныхъ. Кромѣ возможнаго нарушенія Парижской Декларацiи (о каперахъ), возникаетъ вопросъ о поведенiи нейтральныхъ относительно новопреобразованнаго судна: касательно нахожденія въ нейтральныхъ водахъ, забора припасовъ, осмотра и захвата судовъ и грузовъ, и т. д. Этимъ обусловливается необходимость по возможности опредѣленнаго рѣшенія поставленнаго вопроса. На Конференцiи были предложены очень суровыя мѣры, однако было сочтено достаточнымъ удовлетвориться слѣдующими пунктами:

1. Ни одно торговое судно, обращенное въ военное, не можетъ имѣть правъ и обязанностей присвоенныхъ военному судну, если оно не поставлено подъ прямую власть, непосредственный контроль и отвѣтственность державы, которой флагъ оно несетъ.

2. Торговыя суда, обращенныя въ военныя, должны носить внѣшнія отличительныя знаки военныхъ судовъ ихъ національности.

3. Командиръ долженъ состоять на государственной службѣ и быть надлежащимъ образомъ назначеннымъ компетентными властями. Его имя должно значиться въ спискѣ офицеровъ военнаго флота (въ 10 засѣданiи Комитета 4 Комиссiи г. Хагерупъ сообщилъ, что въ Норвегiи большинство командировъ коммерческихъ судовъ состоитъ изъ отставныхъ офицеровъ, которые съ объявленіемъ войны призываются на дѣйствительную службу и могутъ отбывать ее на томъ же посту. Это конечно не противорѣчитъ п. 3. *А. С.*).

4. Экипажъ долженъ быть подчиненъ правиламъ воинской дисциплины.

5. Каждое торговое судно, обращенное въ судно военное, обязано соблюдать въ своихъ дѣйствіяхъ законы и обычаи войны.

6. Воюющій, который обращаетъ торговое судно въ военное, долженъ въ возможной скорости сдѣлать отмѣтку о таковомъ обращенiи въ спискѣ судовъ своего военнаго флота.

Къ сожалѣнію два весьма важныхъ вопроса не могли быть рѣшены на Конференцiи. Во-первыхъ, о невозможности обратнаго превращенія вспомогательнаго крейсера снова въ

торговое судно по крайней мѣрѣ до окончанія войны; частая смѣна то коммерческаго, то военнаго флага, разумѣется можетъ внести лишь еще большую неопредѣленность въ этотъ сложный вопросъ. Все же, не включая въ конвенцію особаго пункта, Комитетъ Комиссіи 30-го августа 1907 г. выяснилъ свое отрицательное отношеніе къ такимъ послѣдующимъ смѣнамъ флага. (Actes, III, 1013—1014). Вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣшено, конечно, могутъ ли быть превращены въ коммерческія всѣ вообще военныя суда. Институтъ Международнаго Права въ п. 10 своего проекта предполагаетъ запретить такое превращеніе; такого примѣра однако до сихъ поръ не было и онъ представляется мало вѣроятнымъ и въ будущемъ.

Второй нерѣшенный вопросъ касается мѣста превращенія коммерческаго судна въ военное. Комиссія единодушно согласилась допустить преобразованіе въ портахъ національныхъ, временно занятыхъ воюющими, но относительно открытаго моря мнѣнія ея раздѣлились.

Англійская делегація, къ которой присоединились голландская и бразильская, доказывала, что такое превращеніе должно быть производимо лишь въ портахъ, такъ какъ перемѣна характера судна, вышедшаго изъ послѣдняго порта въ качествѣ, торговаго, осталась бы неизвѣстной нейтральнымъ; это вызвало бы для нихъ большія неудобства и недоразумѣнія; къ тому же превращеніе составляетъ актъ суверенитета, который долженъ быть допущенъ лишь тамъ, гдѣ этотъ суверенитетъ можетъ примѣняться. При этомъ англичане проектировали такое опредѣленіе боевого судна: будетъ считаться боевымъ судномъ всякій корабль подъ признаннымъ флагомъ, вооруженный на средства государства для атаки непріятеля и офицеры и экипажъ котораго законно назначены для этого правительствомъ, которому они подчинены. Не дозволяется кораблю принимать этотъ характеръ (боевого судна, *А. С.*) иначе какъ передъ отправленіемъ изъ національнаго порта, ни отказываться отъ него иначе какъ по прибытіи въ національный портъ. (Actes I, 242).

Однако эта точка зрѣнія встрѣтила возраженія Германіи, Россіи и Франціи, находившихъ невозможнымъ запретъ пре-

вращенія въ открытомъ морѣ; по мнѣнію этихъ державъ, въ открытомъ морѣ суверенитетъ каждаго государства надъ своими судами несомнѣненъ и использованіе его составляетъ неотъемлемое право воюющихъ; что же касается нейтральныхъ, то предлагалось установить обязательность особыхъ для нихъ оповѣщеній и т. п. мѣръ.

Третье мнѣніе было высказано Италіей и сводилось къ тому, чтобы разрѣшить перемѣну характера судна въ открытомъ морѣ, если судно покинуло свои воды до начала войны; тѣмъ же, которыхъ война застала въ портахъ, никто не мѣшаетъ совершить свое превращеніе въ военныя до выхода въ море.

Не придя къ единодушію, Конференція включила въ конвенцію спеціальную оговорку: «.... такъ какъ договорившіяся державы не могли достигнуть соглашенія по вопросу, можетъ ли обращеніе торговаго судна въ военное имѣть мѣсто въ открытомъ морѣ, слѣдуетъ считать, что вопросъ о мѣстѣ обращенія остается открытымъ и не затрагивается нижеслѣдующими правилами».

Цѣлямъ же обезпеченія возможно широкой гласности должны служить приведенные выше пп. 2 (объ отличительныхъ знакахъ) и 6 (о внесеніи въ списокъ военнаго флота). Этотъ вопросъ поднимался и на Лондонской Конференціи 1909 г., но и ея попытки найти удовлетворительное рѣшеніе остались безуспѣшными. Изъ великихъ державъ конвенцію не подписали только Ам. Соед. Штаты. Турція приняла конвенцію со слѣдующей оговоркой: «Императорское Турецкое Правительство отнюдь не обязывается признавать характеръ военныхъ кораблей за судами, которыя, находясь въ его водахъ или въ открытыхъ водахъ, съ открытіемъ враждебныхъ дѣйствій были бы преобразованы въ военныя».

Что касается личнаго состава вооруженныхъ морскихъ силъ воюющихъ, то таковымъ являются прежде всего экипажи военныхъ или преобразованныхъ изъ коммерческихъ въ военныя судовъ, какъ и летательныхъ аппаратовъ, при условіи нахожденія на военной службѣ; затѣмъ состоящія на дѣйствительной службѣ или въ резервѣ войска, предназначенныя для

службы на морѣ; наконецъ лица, согласно «Положенія о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны» имѣющія право на участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ (*).

Разъ такія лица правоспособны для веденія войны, нѣтъ причины препятствовать ихъ участію въ морской войнѣ.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ относительно того несражающагося элемента вооруженныхъ силъ, который встрѣчается въ морской войнѣ.

Нѣкоторыя изъ судовъ временно пріобрѣтаютъ такой «мирный» характеръ, какъ напримѣръ парламентерскія суда; они уже собственно говоря вошли въ перечисленные выше три пункта. Типическими же чертами несражающихся обладаютъ состоящія при флотѣ госпитальныя суда, ихъ экипажи, духовныя лица, врачи и лазаретная прислуга. Собственно въ эту же категорію могутъ быть помѣщены и всѣ суда воюющихъ, преслѣдующія религіозныя, научныя и филантропическія цѣли.

Б. Поле дѣйствій морской войны. Поле дѣйствій въ морской войнѣ составляютъ:

I. Прежде всего воды воюющихъ, въ каковое понятіе входятъ всѣ заливы, каналы, проливы, (напр. Кильскій, Спит-

---

(*) Ст. 1. Военные законы, права и обязанности примѣняются не только къ арміи, но также къ ополченію и добровольческимъ отрядамъ, если они удовлетворяютъ всѣмъ нижеслѣдующимъ условіямъ:

1) имѣютъ во главѣ лицо, отвѣтственное за своихъ подчиненныхъ;

2) имѣютъ опредѣленный и явственно видимый издали отличительный знакъ;

3) открыто носятъ оружіе и

4) соблюдаютъ въ своихъ дѣйствіяхъ законы и обычаи войны

Ополченіе или добровольческіе отряды въ тѣхъ странахъ, гдѣ они составляютъ армію или входятъ въ ея составъ, понимаются подъ наименованіемъ арміи.

Ст. 2. Населеніе незанятой территоріи, которое при приближеніи непріятеля добровольно возьмется за оружіе для борьбы съ вторгающимися войсками и которое не имѣло времени устроиться согласно ст. 1-й, будетъ признаваться въ качествѣ воюющаго, если будетъ открыто носить оружіе и будетъ соблюдать законы и обычаи войны.

Ст. 3. Вооруженныя силы воюющихъ сторонъ могутъ состоять изъ сражающихся и несражающихся. Въ случаѣ захвата непріятелемъ, какъ тѣ такъ и другіе пользуются правами военноплѣнныхъ.

хэдскій, Мессинскій, Керченскій), внутреннія моря (Мертвое, Аральское, Байкалъ), бухты и рѣки, поскольку въ нихъ могутъ проникать военныя суда, а также береговыя воды воюющихъ (все это относится и къ водамъ колоній воюющихъ государствъ, хотя бы эти колоніи пользовались самой широкой автономіей; такъ же и относительно подчиненныхъ полусуверенныхъ государствъ (Тунисъ и пр.).

Полоса, которую составляютъ береговыя воды, опредѣляется собственно говоря, каждымъ государствомъ въ отдѣльности. Общимъ мѣриломъ при этомъ со времени Бейнскерсхука съ 1702 года до сихъ поръ признается дальность пушечнаго выстрѣла съ берега, что является какъ бы символомъ власти прибрежнаго государства; слѣдовательно съ каждымъ прогрессомъ техники ширина береговой полосы должна бы увеличиваться. Къ 19 столѣтію и трактатами и законодательствомъ она была установлена въ три мили.

По этому поводу Holland пишетъ: «Трехмильное пространство стало, несомнѣнно, недостаточнымъ при улучшенныхъ качествахъ новыхъ орудій, но никакое другое не можетъ замѣнить его безъ особаго соглашенія державъ. Едва ли возможно допустить взглядъ, который былъ поддержанъ проф. Мартенсомъ, что разстояніе измѣняется автоматически въ соотвѣтствіи съ успѣхами артиллеріи». (Letters on War and Neutrality, 2 изд. 1914 г., стр. 153). Однако Holland не приводитъ ничего больше въ опроверженіе Мартенса, если же допустить мѣрку пушечнаго выстрѣла, то выводъ Мартенса былъ только строго логиченъ. Holland, впрочемъ, считаетъ, что «пушечный» принципъ теперь смѣненъ общимъ договорнымъ признаніемъ трехмильной полосы.

За послѣднее время давно поднимавшійся вопросъ о недостаточности трехъ миль сталъ на очередь. Институтъ Международнаго права занялся имъ въ Парижской сессіи 1894 г., и его общія постановленія выражены во 2 и 3 пунктахъ:

«2. Береговое море простирается на шесть морскихъ миль (считая 60 миль въ градусѣ широты) отъ линіи наибольшаго отлива по всему протяженію береговъ.

3. Въ заливахъ береговое море слѣдуетъ по извивамъ берега, кромѣ случая, когда оно исчисляется отъ прямой линіи проведенной черезъ заливъ въ ближайшей его части къ выходу въ море, гдѣ разстояніе между берегами залива не превышаетъ 12 морскихъ миль, если постоянный и вѣковой обычай не установилъ большой ширины». (Annuaire de l'Institut, XXIII, стр. 329)

Закономъ 10 декабря 1909 г. ширина полосы русскихъ береговыхъ водъ вмѣсто прежнихъ 3 миль (по уставу таможенному 1904 г., ст. 4 Прил. къ ст. 2-й) установлена въ 12 миль (около 21 километра) 3-ій П. С. З. Р. И. 1909 г. № 32 777 т. XXIX отд. 1, стр. 957) (*).

Французскій декретъ 19-го марта 1909 г. еще упоминалъ трехмильную полосу, но уже декретъ 18-го октября 1912 г. установилъ для нейтральной Франціи границу береговыхъ водъ въ 6 миляхъ отъ побережья, а декретомъ 26-го мая окончательно установлено на время войны, въ которой могла бы принять участіе Франція,—слѣдующее раздѣленіе: общая береговая полоса остается въ три мили, но въ мѣстахъ базъ флота (указаны границы этихъ мѣстностей для Шербурга, Бреста, Тулона и Бизерты), полоса расширяется до 6 миль (Jahrbuch des Völkerrechts, т. II—1, 1914, стр. 506).

II. Кромѣ береговыхъ водъ воюющихъ, враждебныя дѣйствія могутъ происходить и въ открытомъ морѣ, которое ограничено лишь береговыми водами нейтральныхъ державъ. Эти береговыя воды опредѣляются въ общемъ такъ же, какъ и воды воюющихъ. Впрочемъ въ п. 4 цитированныхъ уже резолюцій Института Международнаго права признается за нейтральными право увеличивать ширину своихъ водъ и за 6 миль до дальности пушечнаго выстрѣла. Какъ мы только

(*) «Включенъ въ видѣ ст. 5 въ «Правила объ отдѣльномъ корпусѣ Пограничной Стражи», выдѣленныя изъ «Уст. Тамож.» въ изд. 1910 г.: «Пространство воды въ двѣнадцать морскихъ миль отъ линіи наибольшаго отлива отъ морскихъ побережій Государства Россійскаго, какъ на материкѣ, такъ и на островахъ, признается морскою таможенною полосою, въ предѣлахъ которой всѣ, какъ русскія, такъ и иностранныя суда подлежатъ надзору со стороны тѣхъ русскихъ властей, на которыя возложена пограничная охрана государства».

что видѣли, Францiя въ Итало-Турецкую войну уже использовала этотъ принципъ, примѣнительно только не къ 6 милямъ, а къ установленнымъ прежде 3.

Кромѣ того запрещены военныя дѣйствiя также въ предѣлахъ слѣдующихъ «нейтрализованныхъ» пунктахъ на указываемыхъ тутъ же условiяхъ:

1. Суэцкiй каналъ, включая гавани при его входахъ и водное пространство въ три мили отъ этихъ гаваней (Константинопольскiй договоръ 29-го октября 1888 г., п. 4, абз. 1).

2. Босфоръ и Дарданеллы, пока сама Турцiя не участвуетъ въ войнѣ (Лондонскiй договоръ, 13-го iюля 1841 г.; п. 10 Парижскаго мира, 30-го марта 1856 и 1-е приложенiе къ нему; Лондонскiй договоръ 13-го марта 1871 г.; Берлинскiй договоръ 13-го iюля 1878 г., п. 63).

3. Воды Корфу и Наксоса, пока въ войнѣ участвуютъ только Грецiя, Великобританiя, Францiя, Россiя, Австро-Венгрiя и Германiя (Лондонскiй договоръ 14-го ноября 1863 г., п. 2 и Лондонскiй договоръ 24-го марта 1864, п. 2).

4. Устья Дуная (Берлинскiй договоръ 13-го iюля 1878 г.).

5. Устья Конго и Нигера и прилегающiя къ нимъ части береговаго моря (общiй актъ Берлинской Конференцiи 26-го февраля 1885 г. п.п. 25 и 33 (*).

Воюющiе въ открытомъ морѣ стѣснены нѣсколько въ средствахъ борьбы въ виду того, что нейтральные на одинаковыхъ правахъ пользуются тѣми же водами, но эти стѣсненiя, какъ увидимъ ниже, очень незначительны.

III. Надо еще упомянуть въ качествѣ поля дѣйствiй участниковъ морской войны воздушное пространство надъ водами, означенными въ двухъ предыдущихъ пунктахъ. Это поле дѣйствiй еще совсѣмъ новое и теперь получаетъ впервые свое «боевое крещенiе».

Въ указанныхъ выше предѣлахъ и развертываются указанныя выше дѣйствiя на морѣ, къ изложенiю средствъ которыхъ я и перехожу.

(*) См. германскiй Reichs-Gesetzblatt, 1914, № 50, стр. 277.

В. Враждебныя дѣйствія. Выше означены рамки, въ которыхъ возможны враждебныя дѣйствія на морѣ: ихъ участники и театръ войны. Теперь перейду къ самымъ враждебнымъ дѣйствіямъ.

Они нормируются и различными конвенціями и трактатами и просто обычаями, часто спорными. Здѣсь кодификація очень нужна, настоятельно требуется возможно большая ясность въ сложныхъ вопросахъ войны,—и приходится еще разъ пожалѣть о неимѣніи морского «Положенія о законахъ и обычаяхъ войны»!..

I. *Начало военныхъ дѣйствій.* Первый моментъ борьбы, начало войны,—регулируется 3 конвенціей объ открытіи военныхъ дѣйствій, заключенной на 2 Конференціи Мира. Изъ 8 статей, составляющихъ конвенцію, существо дѣла выражено въ двухъ первыхъ:

«Ст. 1. Договаривающіяся державы признаютъ, что военныя дѣйствія между ними не должны начинаться безъ предварительнаго и недвусмысленнаго предупрежденія, которое будетъ имѣть или форму мотивированнаго объявленія войны или форму ультиматума съ условнымъ объявленіемъ войны».

2-я статья устанавливаетъ необходимость оповѣщенія нейтральныхъ державъ о состояніи войны.

Эти статьи впервые узаконили съ незапамятныхъ временъ существовавшій обычай предпосылать нападенію свое «иду на вы»! Обычай этотъ, однако, столь часто нарушался, и его несоблюденіе представляетъ столь значительныя выгоды для нападающаго, что заключеніе особой для этого конвенціи конечно представлялось необходимымъ; ясно, однако, что если текстъ конвенціи не будетъ дополненъ установленіемъ строгой санкціи за нарушеніе, — не однажды еще придется быть свидѣтелями неожиданныхъ вторженій и внезапныхъ атакъ на морѣ—изъ практики недавняго прошлаго. И въ текущей войнѣ: начало русско-турецкой войны вызвано внезапнымъ нападеніемъ германо-турецкихъ судовъ на наше Черноморское побережье, причемъ, насколько извѣстно, главными виновниками нарушенія подписанной конвенціи являются не турки, а германцы, дѣйствовавшіе, впрочемъ, въ полномъ согласіи съ турецкимъ правительствомъ.

Лишними являются, конечно, и сѣтованія и протесты. Повторю: право должно имѣть гарантію, а при ея отсутствіи надо ждать всякихъ сюрпризовъ. Если соблюденіе или несоблюденіе конвенціи въ теперешнемъ порядкѣ вещей зависитъ только отъ доброй воли договаривающихся сторонъ, можно ли удивляться, что эта добрая воля выбираетъ дорогу, подсказываемую собственными интересами. А худо или хорошо поняты «собственные интересы» воюющихъ,—для международнаго права конечно безразлично.

Во всякомъ случаѣ война, начинающаяся нарушеніемъ права,—многообѣщающее вступленіе къ дальнѣйшимъ «правовымъ дѣйствіямъ» въ предѣлахъ права войны.

II. *Средства борьбы.* Составители «Положенія о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны» отдѣлу о военныхъ дѣйствіяхъ предпослали ст. 22, устанавливающую общій принципъ: «воюющіе не пользуются неограниченнымъ правомъ въ выборѣ средствъ нанесенія вреда непріятелю». Этотъ принципъ, конечно, сохраняетъ свою силу и въ морской войнѣ.

Право нанесенія вреда непріятелю развивалось параллельно появленію новыхъ средствъ войны, причемъ было принято не перечисленіе допустимыхъ способовъ войны, а установленіе средствъ недозволенныхъ, изъ которыхъ a contrario вытекало,—что всѣ остальныя разрѣшены. Разрѣшены, слѣдовательно, и всѣ новыя изобрѣтенія, не предусмотрѣнныя прежними правилами, какъ бы жестоки они ни были, — пока въ порядкѣ новыхъ договоровъ на такія изобрѣтенія не будетъ наложено запрета.

Запретные способы войны могутъ быть двоякіе: 1) воспрещенные принципіально, слѣдовательно повсемѣстно, во всѣхъ условіяхъ, 2) воспрещенные лишь при нѣкоторыхъ условіяхъ и дозволенные при другихъ.

Къ первой категоріи относится употребленіе взрывчатыхъ и зажигательныхъ пуль, удушающихъ или вредоносныхъ газовъ, а также вѣроломные способы веденія войны. По дѣйствующему праву войны, эти средства не могутъ быть примѣнены ни противъ кого. На первой Гаагской Конференціи

была принята Декларація о воспрещеніи на пятилѣтній срокъ метать снаряды и взрывчатыя вещества съ воздушныхъ шаровъ или при помощи иныхъ подобныхъ новыхъ способовъ. Однако по истеченіи въ 1904 г. пятилѣтняго срока, эта Декларація не была возобновлена, а дальнѣйшее развитіе авіаціи помѣшало въ 1907 г. главнѣйшимъ военнымъ державамъ (Россія, Франція, Италія, Японія, Германія и пр.) отказаться отъ новаго оружія и присоединиться къ другимъ 28 государствамъ, возобновившимъ Декларацію до окончанія 3 Конференціи мира. Собственно противъ Деклараціи вотировали лишь 8 державъ, остальныя 8 воздержались, причемъ Японія мотивировала отказъ позиціей другихъ великихъ державъ: эта позиція принуждала использовать новое средство войны, иначе Японія оказалась бы въ невыгодномъ сравнительно съ другими положеніи (Actes, I, стр. 87—88). Во всякомъ случаѣ, запретъ бросать бомбы нельзя уже считать абсолютнымъ, и этотъ вопросъ приходится перенести во вторую категорію.

Въ этой второй категоріи слѣдуетъ считать ограниченіе права бомбардировки, отношеніе къ несражающимся,— госпитальнымъ судамъ, парламентерамъ и пр., употребленіе подводныхъ минъ, все призовое право, касаться котораго я впрочемъ не предполагаю.

1. Безусловно недозволенныя средства войны.

Разрывныя пули. По почину Императора Александра II, въ 1868 г. въ С.-Петербургѣ была созвана «Военная Международная Комиссія», которая и составила «Декларацію объ отмѣнѣ употребленія взрывчатыхъ и зажигательныхъ пуль», заключенную 29-го ноября 1868 г. Въ ея вступительной части, высказывалось, что «успѣхи цивилизаціи должны имѣть послѣдствіемъ уменьшеніе по возможности бѣдствій войны; что единственная законная цѣль, которую должны имѣть государства во время войны состоитъ въ ослабленіи военныхъ силъ непріятеля; что для достиженія этой цѣли достаточно выводить изъ строя наибольшее по возможности число людей;

что употребленіе такого оружія, которое по нанесеніи противнику раны безъ пользы увеличиваетъ страданія людей, выведенныхъ изъ строя, или дѣлаетъ смерть ихъ неизбѣжной, должно признать несоотвѣтствующимъ упомянутой цѣли; что употребленіе подобнаго рода оружія было бы противно законамъ человѣколюбія».

А затѣмъ Декларація постановляла: «договаривающіяся стороны обязуются въ случаѣ войны между собою отказаться взаимно отъ употребленія какъ сухопутными, такъ и морскими войсками снарядовъ, которые, при вѣсѣ менѣе 400 граммовъ, имѣютъ свойство взрывчатости или снаряжены ударнымъ или горючимъ составомъ».

Техника выработала новый видъ пуль, которыя не были предусмотрѣны С.-Петербургской Деклараціей, но совершенно подобно запрещеннымъ причиняли страданія, не оправдывавшіяся, повидимому, военными цѣлями, такъ какъ на первой же Конференціи Мира была подписана «Декларація о запрещеніи употреблять пули, легко разворачивающіяся или сплющивающіяся въ человѣческомъ тѣлѣ». Вдохновляясь «чувствами, нашедшими себѣ выраженіе въ С.-Петербургской Деклараціи», державы (всѣ воюющія теперь въ томъ числѣ) обязались «не употреблять пуль, легко разворачивающихся или сплющивающихся въ человѣческомъ тѣлѣ, къ каковымъ относятся оболочечныя пули, коихъ твердая оболочка не покрываетъ всего сердечника или имѣетъ надрѣзы».

Несмотря на то, что всѣ воюющіе связаны этой деклараціей, употребленіе разрывныхъ пуль нашими противниками введено въ систему, эти пули выдаются каждому солдату, и хотя по условіямъ морской войны употребленіе разрывныхъ пуль можетъ быть очень рѣдкимъ, надо думать, что при ихъ распредѣленіи въ войскахъ не забытъ и флотъ.

Слѣдующее абсолютное запрещеніе касается *употребленія удушливыхъ газовъ*. Этотъ запретъ содержится въ «Деклараціи о воспрещеніи употреблять снаряды, имѣющіе единственнымъ назначеніемъ распространять удушающіе или вредоносные газы», явившейся результатомъ работъ Первой же Конференціи въ Гаагѣ.

Излишне, пожалуй, повторять, что и въ этомъ пунктѣ Германцы остались вѣрны себѣ, и подписавъ Декларацію подобно прочимъ государствамъ, нынѣ находящимся въ войнѣ, наши противники употребили всю изобрѣтательность, чтобы отравить удушливыми газами сначала войска нашихъ союзниковъ на западномъ фронтѣ, а затѣмъ и наши. Достойно замѣчачанія, что и это нарушеніе права войны, какъ прочія, совершается германцами не потихоньку, а торжественно, съ афишированіемъ своихъ поступковъ, съ наградами химикамъ и выпускомъ особаго манифеста.

До сихъ поръ не было случая нарушенія этой конвенціи въ правѣ морской войны, если не считать употребленія японцами при Цусимѣ снарядовъ, распространявшихъ удушливые газы. Необходимо все же указать на то, что въ послѣднемъ случаѣ распространеніе газовъ не было единственнымъ назначеніемъ японскихъ снарядовъ, и такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ формально, конвенція не была нарушена.

Къ абсолютно запрещеннымъ способамъ войны относятся наконецъ *вѣроломные пріемы*; поэтому на морѣ, какъ и на сушѣ, по аналогіи съ сухопутнымъ «Положеніемъ» (ст. 23), не можетъ быть дозволено: «а) употреблять ядъ или отравленное оружіе; б) предательски убивать или ранить лицъ, принадлежащихъ къ населенію или войскамъ непріятеля; в) убивать или ранить непріятеля, который, положивъ оружіе или не имѣя болѣе средствъ защищаться, безусловно сдался; г) объявлять, что никому не будетъ дано пощады; д) употреблять оружіе, снаряды или вещества, способныя причинить излишнія страданія (это болѣе общее выраженіе двухъ разсмотрѣнныхъ выше случаевъ. *А. С.*); е) незаконно пользоваться парламентерскимъ или національнымъ флагомъ, военными знаками и форменной одеждой непріятеля, равно какъ и отличительными знаками, установленными Женевскою Конвенціею».

При чтеніи послѣдняго пункта сразу вспоминаются совсѣмъ недавнія событія: потопленіе «Жемчуга» въ Пенангѣ «Эмденомъ» съ приставленной трубой и поднятымъ русскимъ флагомъ (согласно офиц. французскому сообщенію 18-го окт.

1914.). Лишняя труба, конечно, представляется дозволенной военной хитростью, чего однако нельзя сказать объ употребленіи русскаго флага; атака турецкихъ миноносцевъ въ Одессѣ 16-го окт. 1914 г. была произведена подъ русскимъ флагомъ съ произнесеніемъ русскихъ командныхъ словъ и въ первые же дни итало-австрійской войны австрійскіе миноносцы подъ британскимъ флагомъ обстрѣливали итальянское побережье.

Этихъ фактовъ нельзя сравнивать съ недавнимъ употребленіемъ американскаго флага англійской «Лузитаніей», впослѣдствіи потопленной германскими подводными пиратами: корабль былъ не военный, ни на кого не нападалъ, а выкидываніемъ чужого флага требовалъ установленной правомъ войны повѣрки права на флагъ, что германцами считается излишнимъ. По этому поводу Ам. Соед. Штаты имѣли дипломатическую переписку съ Англіей, опубликованную въ особой книгѣ, представленной парламенту (*).

На ноту американскаго правительства, дружески выражавшую опасеніе, что при повторномъ выкидываніи американскаго флага британскими судами американскимъ судамъ и гражданамъ можетъ грозить опасность (очевидно вслѣдствіе того, что германцы перестанутъ довѣрять американскому флагу, однако для этого и существуетъ право провѣрки. *А. С.*), — сэръ Грей отвѣтилъ указаніемъ, что 1) на «Лузитаніи» флагъ былъ поднятъ по просьбѣ американскихъ пассажировъ и для ихъ охраны, 2) что British Mercant Shipping Act разрѣшаетъ иностраннымъ судамъ употребленіе англійскаго флага для избѣжанія захвата. Этимъ пользовались и американскія торговыя суда во время «гражданской» войны, и было бы только справедливо предоставить англійскимъ судамъ такую же льготу. При полномъ же забвеніи права германскими подводными лодками, перешедшемъ въ пиратство, — употребленіе англичанами иностраннаго флага особенно извинительно.

(*) Correspondence between His Majesty's Government and the United States Government respecting the rights of belligerents. Miscellaneous № 6 (1915), докум. № 5 и 8, стр. 16 и 20.

Надо еще разъ отмѣтить, что «Лузитанія» не военное судно и не воевавшее, что чужой флагъ ею не использовался ни для какихъ предательскихъ цѣлей и слѣдовательно не нарушалъ правилъ добропорядочнаго веденія войны, въ которой вообще «Лузитанія» не была участницей.

2. Дозволенныя средства борьбы.

Вторая категорія средствъ борьбы съ непріятелемъ характеризуется ограниченіемъ въ примѣненіи дозволенныхъ вообще пріемовъ. Мѣриломъ этого ограниченія служитъ то или иное отношеніе къ затрагиваемымъ въ войнѣ интересамъ: а) совершенно постороннихъ конфликту, т. е. нейтральныхъ государствъ и ихъ подданныхъ; б) мирнаго населенія воюющихъ странъ, принципіально считающагося не принимающимъ участія въ войнѣ («война ведется лишь государствами»); и в) лицъ, хотя и входящихъ въ составъ вооруженныхъ силъ непріятеля, но по своему постоянному или временному характеру не участвующихъ активно въ нанесеніи вреда непріятелю (военно-госпитальныя суда, парламентеры и пр.).

а) Что касается нейтральныхъ государствъ, то общія постановленія объ ихъ правахъ и обязанностяхъ мнѣ кажется болѣе удобнымъ выдѣлить въ особую главу, здѣсь же я остановлюсь лишь на ограниченіяхъ въ выборѣ средствъ войны, полагаемыхъ существованіемъ нейтральныхъ державъ.

Къ такимъ ограниченіямъ въ морской войнѣ относится прежде всего запрещеніе *блокировать* какую либо часть нейтральной территоріи. Поскольку эта нейтральная территорія имѣетъ свои береговыя воды, такое запрещеніе ясно вытекало бы изъ общаго правила о дозволеніи враждебныхъ дѣйствій лишь внѣ нейтральныхъ водъ и лишь противъ непріятеля, но мыслимо положеніе, при которомъ возможна такая блокада непріятельскаго берега въ непріятельскихъ водахъ или открытомъ морѣ, отъ которой въ то же время страдаетъ непосредственно и нейтральная держава, напримѣръ блокада устья международныхъ (и не «нейтрализованныхъ») рѣкъ, проливовъ и т. д. Тутъ права воюющихъ стѣснены, такая блокада дозво-

лена лишь поскольку не мѣшаетъ нейтральнымъ. Въ исторіи извѣстны случаи такихъ блокадъ: при блокированіи нидерландскаго побережья (въ томъ числѣ устья Эско-Шельды) сообщеніе по рѣкѣ съ Антверпеномъ не было затронуто. Также при блокадѣ во время междоусобной американской войны устья Ріо-Гранде, одинъ берегъ которой принадлежалъ конфедератамъ, а другой—Мексиканцамъ, доступъ къ мексиканскимъ городамъ оставался свободнымъ. Kleen сообщаетъ, что подверглось нападкамъ даже понятное требованіе блокирующаго въ послѣднемъ случаѣ, чтобы пропущенныя суда держались нейтральной стороны рѣки, не приближаясь къ блокируемой (Kleen. Lois et usages de la Neutralité. T. I, стр. 565).

Въ настоящее время этотъ вопросъ регламентируется ст. 18 Лондонской Деклараціи 1909 г. о правилахъ морской войны: «блокирующія силы не должны преграждать доступъ къ нейтральнымъ портамъ и берегамъ».

Подводныя мины относятся также къ средствамъ, отъ которыхъ могутъ пострадать ни въ чемъ неповинныя нейтральныя суда, и употребленіе минъ поэтому также ограничено если не конвенціей, которая такъ и не получила оффиціальнаго признанія, то «неписаннымъ» международнымъ правомъ.

Согласно указанію Schücking'a (*), употребленіе подводныхъ минъ ведется съ 1848 г. Однако свое значеніе въ морской войнѣ мины получили совсѣмъ недавно, собственно съ русско-японской войны. Широкое примѣненіе минъ въ этой войнѣ и опасность, которой при этомъ подвергались нейтральныя суда даже спустя не одинъ годъ послѣ войны (извѣстны случаи гибели на минахъ нѣсколькихъ кораблей), вызвали особенно внимательное отношеніе къ этому вопросу.

Изъ сказаннаго о полѣ дѣйствій въ морской войнѣ слѣдуетъ, что употребленіе минъ, какъ и всѣ вообще враждебныя дѣйствія, можетъ имѣть мѣсто въ водахъ или собственныхъ, или непріятельскихъ, или наконецъ въ открытомъ морѣ. Характеръ борьбы установкой и разбрасываніемъ минъ сразу заставляетъ разграничить эти случаи. Если почти не нахо-

(*) Die Verwendung von Minen im Seekrieg. Zeitschrift für Privat-und Off. Recht, XVI.

дится возраженій противъ права воюющихъ ставить мины въ собственныхъ водахъ (это средство оборонительное). и если несмотря на нѣкоторые протестующіе голоса все же лишь немного ограничивается право на постановку минъ и въ водахъ противника (это уже атака),—то разбрасываніе минъ въ открытомъ морѣ поднимаетъ цѣлую бурю возмущенія, особенно конечно въ нейтральныхъ странахъ.

Дѣйствительно, открытое море принадлежитъ всѣмъ,—и этимъ самымъ никому въ отдѣльности. Государства, остающіяся посторонними конфликту, въ правѣ требовать, чтобы ихъ интересы не были до такой степени принесены въ жертву воюющимъ. Проф. Holland въ рѣчи въ британской академіи въ 1905 г. заявилъ: «Воюющій не имѣетъ никакого права устанавливать скрытыя средства уничтоженія, напр. мины, внѣ трехмильной полосы; это признано во всѣхъ изслѣдованіяхъ, занимавшихся вопросомъ о нейтральныхъ корабляхъ, которые пострадали во время осады П.-Артура отъ минъ, выплывавшихъ изъ русскихъ береговыхъ водъ или поставленныхъ внѣ предѣла этихъ водъ»

Это до извѣстной степени предвѣщало отношеніе Англіи къ вопросу. Дѣйствительно на 2 Гаагской Конференціи великобританскій делегатъ выступилъ съ предложеніемъ совершенно запретить употребленіе подводныхъ автоматически взрывающихся отъ соприкосновенія минъ, за исключеніемъ укрѣпленныхъ и при томъ становящихся безвредными въ случаѣ срыва съ мѣста; причемъ и этими минами пользоваться предполагалось только въ водахъ воюющихъ. (Actes, III, стр. 660). Это предложеніе встрѣтило однако оппозицію другихъ государствъ, которымъ мины казались удобнымъ средствомъ защиты. Главнымъ противникомъ Англіи и здѣсь оказалась Германія.

Восьмая конвенція о постановкѣ подводныхъ автоматически взрывающихся отъ соприкосновенія минъ великими державами не подписана (за исключеніемъ Сѣв.-Ам. Соед. Штатовъ) и слѣдовательно не подлежитъ примѣненію, но представляетъ интересъ, будучи выработана и принята Конференціей послѣ внимательнаго обсужденія. Да и содержащіяся въ ней нормы не заключаютъ въ себѣ постановленій, рѣзко отличающихся отъ болѣе или менѣе общепризнанныхъ.:

Ст. 1. Воспрещается: 1. Устанавливать неприкрѣпленныя автоматически взрывающіяся отъ соприкосновенія мины, если онѣ не становятся безвредными черезъ часъ послѣ того, какъ установившій ихъ теряетъ надъ ними контроль; 2. Устанавливать автоматически взрывающіяся при соприкосновеніи мины, которыя не становятся безвредными съ момента когда онѣ оторвутся отъ привязи; 3. Употреблятъ мины, которыя не становятся безвредными въ случаѣ промаха по цѣли.

Ст. 2. Воспрещается ставить автоматически взрывающіяся отъ соприкосновенія мины передъ берегами и портами противника исключительно съ цѣлью прервать торговое мореплаваніе.

Ст. 3. При употребленіи прикрѣпленныхъ автоматически взрывающихся отъ соприкосновенія минъ должны быть приняты всѣ возможныя мѣры для безопасности мирнаго плаванія. Воюющіе обязуются заботиться о томъ, чтобы эти мины стали безвредны спустя опредѣленное время, и въ томъ случаѣ если бы надзоръ за ними прекратился, оповѣщать объ опасныхъ зонахъ какъ только позволятъ военныя требованія объявленіемъ мореплавателямъ съ сообщеніемъ этого и правительствамъ дипломатическимъ путемъ.

Ст. 4. Всякое нейтральное государство, ставящее мины передъ своимъ побережьемъ, должно соблюдать тѣ же правила и принимать тѣ-же предосторожности, которыя предписаны воюющимъ. Нейтральное государство должно предварительнымъ объявленіемъ оповѣстить объ областяхъ, гдѣ будутъ поставлены мины. Это оповѣщеніе должно быть сообщено правительствамъ дипломатическимъ путемъ.

Ст. 5. По окончаніи войны договаривающіяся державы обязуются сдѣлать все, что отъ нихъ зависитъ, чтобы снять каждая со своей стороны мины, которыя она поставила. Что касается минъ, поставленныхъ однимъ воюющимъ у береговъ другого, ихъ мѣстонахожденіе будетъ сообщено другой сторонѣ державой, которая ихъ поставила, и каждое государство должно будетъ приступить въ самый краткій срокъ къ снятію минъ, находящихся въ его водахъ.

Недостатки этихъ правилъ очевидны. И выраженіе 1 пункта о контролѣ за минами, и выраженіе 2 пункта о цѣляхъ постановки минъ конечно могутъ быть принимаемы очень субъективно, а это почти лишаетъ правила сколько нибудь серьезнаго значенія.

Въ отношеніи современной войны интересно отмѣтить заявленіе германскаго представителя на 2 Конференціи Marschall von Bieberstein'а на 8 засѣданіи при голосованіи проекта. Задѣтый косвенно упрекомъ англійскаго уполномоченнаго въ недостаточномъ результатѣ работъ Конференціи по этому вопросу, баронъ Marschall отвѣтилъ: «Воюющій, который устанавливаетъ мины, принимаетъ на себя тяжелую отвѣтственность передъ нейтральной и мирной торговлей. Въ этомъ пунктѣ мы всѣ согласны. Никто не прибѣгнетъ къ этому средству безъ абсолютной военной необходимости. Военныя дѣйствія управляются не только постановленіями международнаго права. Существуютъ и другіе факторы: совѣсть, здравый смыслъ и чувство долга, внушаемаго чувствомъ человѣчности, будутъ вѣрнѣйшими совѣтчиками въ поведеніи моряковъ и составятъ дѣйствительнѣйшую гарантію противъ злоупотребленій. Офицеры германскаго флота, я это говорю во всеуслышаніе, всегда будутъ исполнять строжайшимъ образомъ обязанности вытекающія изъ неписаннаго закона гуманности и цивилизаціи... Что же касается чувства гуманности и цивилизаціи, я не могу допустить, чтобы какое бы то ни было правительство или страна стояли въ этомъ отношеніи выше той, которую я и имѣю честь представлять». (Actes, III, стр. 281—282).

Сопоставленіе этихъ громкихъ, «во всеуслышаніе» сказанныхъ словъ, съ дѣйствіями нашихъ противниковъ какъ нельзя лучше показываетъ, какъ далеко отъ мягкаго кресла на конференціи до дѣйствительности

Наконецъ, интересы нейтральныхъ задѣваются и поврежденіемъ *подводныхъ кабелей.* О порчѣ кабелей, соединяющихъ только нейтральныя страны, не приходится говорить, такъ какъ разумѣется ихъ поврежденіе не можетъ быть допущено, такъ же какъ не можетъ быть опротестовано уничтоженіе кабелей между двумя непріятельскими пунктами. Однако

иначе обстоитъ дѣло съ кабелями, сообщающими непріятельскую территорію съ нейтральной, такъ какъ здѣсь интересы воюющаго могутъ быть слишкомъ затронуты. Такой кабель можетъ передавать свѣдѣнія, вредныя для воюющаго, и облегчать переговоры, мѣшающіе его успѣху. На этомъ основаніи ст. 54 «Положенія о сухопутной войнѣ» постановляетъ: «подводные кабели, соединяющіе занятую территорію съ территоріей нейтральной, захватываются или уничтожаются лишь въ случаяхъ крайней необходимости. Они должны быть равнымъ образомъ возвращены, а возмѣщеніе убытковъ производится по заключеніи мира». Выраженіе «занятая» территорія могло бы быть неправильно истолковано, какъ дозволеніе уничтожать кабели лишь предварительно обосновавшись на непріятельской территоріи. Это было бы нелѣпо и это не такъ. Въ датскомъ предложеніи о включеніи ст. 54 было прямо оговорено «занятую или непріятельскую». Однако Конференція выкинула эти два слова по слѣдующимъ соображеніямъ: «мы нашли, что слово «занятую» принимало здѣсь смыслъ насколько возможно широкій, оно примѣняется къ присутствію противника на непріятельской территоріи путемъ ли высадки, или вторженія или «занятія» въ техническомъ смыслѣ, но оно могло бы быть примѣнено также и къ незакономѣрному «занятію» воюющимъ, который проникаетъ на нейтральную территорію и тамъ разрушаетъ кабель. Мы не поставили «занятую или непріятельскую», такъ какъ мы тогда не могли бы объяснить слово «занятую» иначе какъ занятіемъ нейтральной территоріи, это же фактъ совершенно анормальный, котораго мы не могли установить въ юридической конвенціи». (Рѣчь докладчика Рено въ 10 засѣданіи конференціи, Actes, I, стр. 582).

Въ примѣненіи къ морской войнѣ это могло бы имѣть особое значеніе, и въ будущемъ «Положеніи о законахъ и обычаяхъ морской войны» необходимо оговорить «и непріятельскую», права же нейтральныхъ на случай недоразумѣнія должны быть защищены или конвенціей объ ихъ правахъ и обязанностяхъ (см. п. 1-й XIII конвенціи о правахъ и обязанностяхъ нейтр. державъ въ случаѣ морской войны) или спеціальнымъ примѣчаніемъ въ этомъ смыслѣ.

На этомъ кончаются ограниченія воюющихъ въ употребленіи собственно военныхъ средствъ, которыя могли бы вредить интересамъ нейтральныхъ государствъ.

б) Однако въ виду того, что мирное населеніе воюющихъ странъ считается постороннимъ конфликту,—и оно пользуется нѣкоторыми льготами; было бы непослѣдовательно лишить населеніе права сопротивленія и не вознаградить этого ограниченіемъ воюющихъ. Помимо общей «принципіальной» неприкосновенности мирнаго населенія непріятельской страны, кромѣ охраненія права собственности на морѣ, воюющіе стѣснены и въ самыхъ средствахъ борьбы.

Главнѣйшее ограниченіе въ этомъ смыслѣ установлено «Конвенціей о бомбардированіи морскими силами во время войны».

Этотъ вопросъ обсуждался еще 1 Мирной Конференціей, которая однако отложила его рѣшеніе до 1907 г. 2 Конференція при выработкѣ конвенціи сообразовалась въ общемъ съ постановленіемъ выработанной въ 1899 г. 3 «Конвенціей о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны», которая въ 1907 г. замѣнена нынѣ дѣйствующимъ положеніемъ.

Конвенція содержитъ: общее правило, допускаемыя изъ него исключенія и правила бомбардировки на случай допущенныхъ исключеній.

Общее правило весьма категорично выражено въ 1 абзацѣ 1 статьи: «Воспрещается бомбардировать морскими силами незащищенные порты, города, селенія, жилища или строенія». По предположенію французской делегаціи, въ сухопутное «Положеніе» 1907 г. въ отличіе отъ «Положенія» 1899 г. послѣ «бомбардировать» вставлены слова: «какимъ бы то ни было способомъ». Это имѣетъ цѣлью подчеркнуть запрещеніе бомбардированія незащищенныхъ мѣстъ съ воздуха. Въ виду того, что гидроаэропланы и пр. входятъ въ составъ морскихъ вооруженныхъ силъ, было бы не лишнимъ сдѣлать подобное добавленіе и въ ст. 1, разсматриваемой конвенціей.

Принципъ оказался пріемлемымъ для всѣхъ, но разногласія возникли при опредѣленіи понятія «незащищенныхъ портовъ.....» и пр.

Сѣв. Ам. Соед. Штаты и Нидерланды предлагали добавить «и неукрѣпленные». Однако Конференція рѣшила, что если укрѣпленія не защищаются, то одной ихъ наличности недостаточно для ихъ бомбардировки; впрочемъ этотъ случай подходитъ конечно подъ исключеніе оговоренное въ ст. 2 (см. ниже). Въ поднятомъ затѣмъ вопросѣ о городѣ, защищенномъ лишь со стороны моря, комиссія Конференціи не сочла возможнымъ вынести точное постановленіе; однако установлена была разница между защитой побережья и города, расположеннаго около этого побережья; бомбардировка такихъ защитныхъ пунктовъ не должна повлечь за собою бомбардировки мѣстности, лишь косвеннымъ образомъ состоящей подъ защитой означенныхъ пунктовъ.

Однако большія разногласія вызвало предположеніе устройства миннаго загражденія передъ незащищенной иначе мѣстностью. Достаточно ли этого для бомбардировки? Сторонники утвердительнаго отвѣта нашли много доводовъ въ свою пользу; было упомянуто и объ опасности минъ для мирнаго судоходства вообще и о безполезности минировать доступы къ городу, который вслѣдствіе своей беззащитности не долженъ опасаться врага, и о томъ, что воюющій, оставляя неприкосновенными незащищенныя мѣстности, имѣетъ право на безопасный ходъ въ эти мѣстности и т. д. Несмотря на это, комиссія большинствомъ 22 голосовъ противъ 5 при 10 воздержавшихся добавила во 2 абзацѣ 1 статьи слѣдующее разъясненіе общаго правила: «Мѣсто не можетъ быть бомбардируемо единственно на томъ основаніи, что у его береговъ поставлены подводныя автоматически взрывающіяся отъ соприкосновенія мины».

Всѣ доводы за бомбардировку не убѣдили Конференціи, опасавшейся уступкой въ этомъ пунктѣ лишить значенія всю конвенцію. Но этотъ объяснительный абзацъ стоилъ оговорки 4 великихъ державъ, участвующихъ въ нынѣшней войнѣ: Германіи, Франціи, Великобританіи и Японіи. Въ эту войну слѣдовательно 2 абзацъ силы не имѣетъ.

Статья 2 указываетъ первое исключеніе изъ правила: въ незащищенной мѣстности могутъ находиться такія зданія, склады и пр., уничтоженіе которыхъ можетъ быть важно

изъ чисто военныхъ цѣлей. Такъ какъ однако необходимо уничтоженіе лишь нѣкоторыхъ пунктовъ, то логично 1) предоставить самому населенію устранить поводъ къ бомбардировкѣ, или 2) уничтожить лишь тѣ зданія, которыя создаютъ этотъ поводъ: ст. 2. «Однако такое воспрещеніе не распространяется на военныя укрѣпленія, военныя или морскія учрежденія, склады оружія или военныхъ матеріаловъ, мастерскія и приспособленія, могущія быть использованными для нуждъ непріятельскихъ флота или арміи, и военныя суда, находящіяся въ порту. Начальникъ морской силы, предъявивъ требованіе и давъ достаточный срокъ, можетъ ихъ разрушить артиллеріею, если никакимъ инымъ способомъ это не достижимо и если мѣстныя власти не выполнятъ такого разрушенія въ назначенный срокъ.

Въ этомъ случаѣ начальникъ не несетъ никакой отвѣтственности за невольные убытки, которые могли бы быть причинены бомбардировкой.

Если военная необходимость, требуя немедленныхъ дѣйствій, не допускаетъ предоставленія срока, то считается, что воспрещеніе бомбардировать незащищенный городъ продолжаетъ дѣйствовать какъ и въ случаѣ, указанномъ въ первой части настоящей статьи, и что начальникъ обязанъ принять всѣ необходимыя мѣры, чтобы такой городъ испыталъ отъ бомбардировки возможно меньше потерь».

Нѣкоторая неясность текста конвенціи могла бы быть устранена вставкой: «... предъявивъ требованіе *объ ихъ уничтоженіи мѣстнымъ властямъ* и давъ *для этого* достаточный срокъ...».

Слова 2 абзаца «если никакимъ инымъ способомъ это не достижимо» указываютъ на предпочтительность всякого иного способа. Здѣсь могутъ сыграть роль минныя загражденія, о которыхъ упоминается въ статьѣ. Дѣйствительно ея выраженіе «единственно» указываетъ на возможность бомбардировки въ томъ случаѣ, когда безъ наличія миннаго загражденія можно было бы къ ней и не прибѣгать: это въ случаѣ ст. 2: если населеніе не разрушитъ указанныхъ пунктовъ въ назначенный срокъ, командиръ вынужденъ будетъ эти пункты

бомбардировать, такъ какъ мины лишатъ его возможности произвести десантъ для разрушенія.

Абзацъ 3 былъ вызванъ указаніями техническихъ делегатовъ, считавшихъ необходимымъ предвидѣть невозможность для командира эскадры выполнить требованія 1 абзаца. Особенно это касалось «военныхъ судовъ, находящихся въ порту», и могущихъ въ «достаточный срокъ» получить помощь съ моря.

Характерно, что начальникъ не отвѣчаетъ за убытки лишь въ случаѣ исполненія всѣхъ требованій правилъ. При спѣшной же бомбардировкѣ (безъ предупрежденія и пр.) очевидно убытки должны быть возмѣщены.

Будутъ ли возмѣщены убытки потерпѣвшимъ жителямъ англійскихъ беззащитныхъ курортовъ, обстрѣлянныхъ германскими крейсерами? а также населенію нашего черноморскаго побережья, пострадавшему отъ набѣговъ турецкихъ судовъ?

Техническіе же делегаты указали на другое исключеніе въ запрещеніи бомбардировки. Основаніемъ для нея можетъ явиться также отказъ въ доставленіи морскимъ силамъ необходимыхъ припасовъ. Однако сразу же возникъ вопросъ о границахъ реквизиціи. Безусловно недопустимымъ признано взиманіе денежной контрибуціи. Въ этомъ смыслѣ составлена 4 статья: «Воспрещается бомбардированіе незащищенныхъ портовъ, городовъ, селеній, жилищъ или строеній за неуплату денежныхъ контрибуцій».

Неподчиненіе же реквизиціямъ признано уважительнымъ поводомъ къ репрессіямъ:

Статья 3. «Бомбардированіе незащищенныхъ портовъ, городовъ, селеній, жилищъ или строеній допускается послѣ спеціальнаго оповѣщенія, если мѣстныя власти, предупрежденныя формальнымъ требованіемъ, откажутся подчиниться реквизиціямъ продовольствія или запасовъ, необходимыхъ въ данное время для нуждъ морской силы, находящейся передъ этимъ мѣстомъ.

Таковыя реквизиціи должны соотвѣтствовать средствамъ мѣста. Онѣ могутъ быть требуемы лишь съ разрѣшенія начальника означенной морской силы и должны, по возможности,

быть оплачиваемы наличными деньгами; въ противномъ случаѣ онѣ удостовѣряются росписками».

2 глава конвенціи заключаетъ «общія постановленія». Эти постановленія и по своему характеру, и по мысли конференціи (Actes, III, стр. 117) относятся ко всякой бомбардировкѣ укрѣпленныхъ и неукрѣпленныхъ мѣстъ, защищенныхъ и незащищенныхъ, слѣдовательно не будутъ забыты и при составленіи «Положеніи о морской войнѣ». Въ разбираемую же конвенцію эти правила попали какъ разъ изъ за неимѣнія «Положенія». Глава эта совершенно соотвѣтствуетъ пп. 25—27 первыхъ Гаагскихъ правилъ о сухопутной войнѣ (повторены въ новомъ Положеніи), съ нѣкоторыми нововведеніями, напримѣръ точнымъ означеніемъ вида щитовъ, указывающихъ мѣстонахожденіе памятниковъ искусства и пр.

Статья 5. «При бомбардировкѣ морскими силами должны быть приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы щадить, насколько возможно, храмы, зданія, служащія цѣлямъ науки, искусствъ и благотворительности, историческіе памятники, госпитали и мѣста, гдѣ собраны больные или раненые, подъ условіемъ чтобы таковыя зданія и мѣста не служили одновременно военнымъ цѣлямъ.

Жители обязаны обозначать эти памятники, зданія или сборныя мѣста видимыми знаками, которые будутъ состоять изъ большихъ твердыхъ щитовъ прямоугольной формы, раздѣленныхъ по одной изъ діагоналей на два треугольника, изъ коихъ верхній чернаго цвѣта, а нижній бѣлаго».

Комитетомъ техническихъ делегатовъ, установившимъ видъ этихъ щитовъ, указано, что они «могутъ быть деревянные или на полотнѣ (garnis en toile) или даже нарисованы на стѣнѣ; число и расположеніе щитовъ для каждаго подлежащаго защитѣ зданія можетъ быть опредѣлено условіемъ, чтобы они были хорошо видны со всѣхъ направленій, откуда по нимъ могъ бы быть направленъ огонь непріятельскихъ судовъ». (Actes III, стр. 117).

Статья 6. «За исключеніемъ случаевъ, когда военныя требованія того не допускаютъ, начальникъ морской нападающей силы, ранѣе чѣмъ приступить къ бомбардированію, долженъ

дѣлать все отъ него зависящее для предупрежденія о семъ властей».

Статья 7. «Воспрещается отдавать на разграбленіе городъ или мѣсто, даже взятые приступомъ».

Обращаясь къ текущей войнѣ, надо сказать, что и эта конвенція неоднократно нарушалась германцами, и притомъ самымъ циническимъ образомъ, безъ малѣйшей военной надобности. Какой, напримѣръ, военной надобностью объясняются набѣги на англійское побережье? А нападеніе на нашъ черноморскій берегъ?

Конвенція, въ сущности, мало что запрещаетъ, и обходъ ея постановленій въ высшей степени нетруденъ. Тѣмъ ярче выступаетъ образъ дѣйствій германцевъ, не желающихъ соблюсти хотя бы внѣшняго подчиненія международнымъ правиламъ.

На II Конференціи обсуждались, но не были подписаны и ратификованы Россіей еще нѣкоторыя ограниченія воюющихъ, составившія VI-ю «Конвенцію о нѣкоторыхъ ограниченіяхъ въ пользованіи правомъ захвата въ морской войнѣ». Предоставляемыя этой конвенціей льготы касаются: 1. Почтовой корреспонденціи какъ нейтральныхъ, такъ и воюющихъ, какъ официальнаго, такъ и частнаго характера, найденной въ морѣ на нейтральномъ или непріятельскомъ суднѣ. Такая корреспонденція неприкосновенна и, кромѣ случая прорыва блокады, должна быть отправлена взятелемъ по назначенію возможно скорѣе. 2. Освобожденія отъ захвата рыбачьихъ судовъ съ ихъ инструментами и запрета использовать ихъ въ военныхъ цѣляхъ; освобожденія также отъ захвата судовъ съ назначеніемъ религіознаго, ученаго или филантропическаго характера. 3. Режима экипажа непріятельскихъ торговыхъ судовъ, захваченныхъ воюющимъ. Какъ нейтральные, такъ и непріятельскіе подданные не считаются военноплѣнными подъ условіемъ обязательства для первыхъ не служить до конца войны на непріятельскихъ судахъ, а для вторыхъ не принимать участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. При чемъ, конечно, эти правила не распространяются на суда, участвующія въ войнѣ.

Что касается почтовой корреспонденціи, этотъ вопросъ имѣетъ свою давность и разрѣшеніе его въ смыслѣ постановленій конвенціи предуказывалось уже практикой, вошедшей въ обычай.

По свѣдѣніямъ Nys (Le droit international, III, стр. 447), «уже въ Allgemeines Landrecht, прусскомъ кодексѣ 1794 г., заключалось постановленіе, въ силу котораго въ военное время собственность непріятельскихъ подданныхъ на почтовыхъ судахъ и корабляхъ, принадлежащихъ государству, была свободна отъ захвата». Многіе договоры XIX вѣка съ разными варіаціями повторяли эту тему и къ II Гаагской Конференціи вопросъ былъ общепризнаннымъ.

Статья 7 германской «Prisenordnung» 20 сентября 1909 г. (перепечатано въ Reichs-Gesetzblatt 3 августа 1914 г.) въ точности переводитъ первый и второй пункты конвенціи: «найденные въ морѣ на нейтральныхъ или вражескихъ судахъ почтовыя отправленія нейтральныхъ или воюющихъ неприкосновенны, будь они казеннаго или частнаго характера. Въ случаѣ захвата, они подлежатъ возможно скорому дальнѣйшему отправленію захватившимъ».

Постановленія предыдущаго абзаца не подлежатъ примѣненію въ случаѣ прорыва блокады къ почтовымъ отправленіямъ, которыя назначены въ блокированный портъ или идутъ оттуда.

Неприкосновенность почтовой корреспонденціи не освобождаетъ нейтральные почтовые пароходы отъ законовъ и обычаевъ морской войны, относящихся къ нейтральнымъ коммерческимъ судамъ вообще. Все же осмотръ долженъ быть произведенъ лишь въ случаѣ необходимости, съ возможной внимательностью и быстротой».

Тутъ же Prisenordnung оговаривается, что этотъ пунктъ не примѣняется относительно Китая, Черногоріи и Россіи.

Еще недавно, въ итало-турецкую войну 1912 г. возникъ споръ между Италіей и Франціей изъ за остановки, осмотра и захвата французскихъ почтовыхъ пароходовъ «Carthage» и

«Manouba», на которыхъ итальянцы нашли аэропланъ и 29 турокъ, показавшихся имъ подозрительными. Аэропланъ былъ направленъ въ Тунисъ, и итальянцы подозрѣвали, что онъ предназначался для Турокъ. Я не буду останавливаться на различныхъ вопросахъ призового права, возбуждаемыхъ этими случаями (о нихъ см. статьи De Boeck'a (франц. точка зрѣнія): Les incidents franco-italiens. «Journal de droit int-l privé» (Clunet) 1912, стр. 449 и пр., а также Rapisardi-Mirabelli (итальянская точка зрѣнія): La guerre italo-turque et le droit des gens, «Revue de droit int-l» (Rolin), 1913 г., т. XV стр. 128 и пр.); слѣдовательно я не буду обсуждать, законно ли былъ произведенъ захватъ или нѣтъ, для меня важно, что въ обоихъ случаяхъ на осмотръ почтоваго судна итальянцы имѣли несомнѣнное право на основанiи ст. 2 конвенцiи; этого имъ не запрещала и ст. 14 итало-французской конвенцiи 18-20 ноября 1875 г.; что же до самой корреспонденцiи, то итальянскiя власти немедленно предложили отправить ее по назначенiю.

Въ германскую Prisenordnung включены аналогичныя конвенцiи постановленiя (ст. 6) и относительно: рыбачьихъ судовъ, (п. в) и судовъ религiознаго, научнаго и гуманитарнаго характера (п. с.). Относительно нихъ сдѣлана также оговорка о непримѣненiи къ Россiи, Черногорiи и Китаю.

По аналогiи съ сухопутной войной, на морѣ должны бы примѣняться и слѣдующiя ограниченiя для воюющихъ относительно мирнаго населенiя: запрещенiе принуждать подданныхъ противной стороны принимать участiе въ военныхъ дѣйствiяхъ, направленныхъ противъ ихъ страны; запрещенiе принуждать къ присягѣ на вѣрность непрiятельской державѣ; запрещенiе нарушать честь и права семейныя, жизнь отдѣльныхъ лицъ, равно какъ и религiозныя убѣжденiя и отправленiя обрядовъ вѣры; запрещенiе принуждать давать свѣдѣнiя о силахъ и средствахъ обороны другого воюющаго.

Впрочемъ относительно послѣдняго «запрещенія» Россіей, Черногоріей, Японіей, Германіей и Австро-Венгріей въ сухопутномъ «Положеніи» сдѣланы оговорки, и въ этой войнѣ этотъ пунктъ силы не имѣетъ.

в) Перейду теперь къ *несражающемуся элементу* вооруженныхъ силъ воюющихъ, составляющему третью категорію, ограничивающую воюющихъ въ борьбѣ дозволенными принципіально средствами.

Мною уже упоминалось, что среди несражающихся можно различать «некомбаттантовъ» постоянныхъ и лишь временныхъ.

Постоянными некомбаттантами являются суда и лица, числящіяся при флотѣ и не имѣющія права активной борьбы съ непріятелемъ. Сюда можно отнести во первыхъ лицъ, присутствіе которыхъ объясняется служебной обязанностью, напримѣръ, военные юристы, военные чиновники, представители другихъ государствъ, санитарныя учрежденія и обслуживающій ихъ персоналъ и пр.; во вторыхъ—лицъ, находящихся при флотѣ съ особаго разрѣшенія, напримѣръ корреспондентовъ и пр.

Особенно подробно регламентировано въ правѣ положеніе санитарныхъ учрежденій и ихъ персонала, обладающихъ всѣми признаками некомбаттантовъ. Совершенно иначе квалифицируются больные и раненые, пользующіеся услугами этихъ госпиталей. О нихъ будетъ сказано ниже.

Исторія санитарныхъ учрежденій въ правѣ войны вообще крайне коротка, она ведется съ Женевской Конвенціи 1864 г., явившейся слѣдствіемъ войнъ 1854 и 1859 годовъ, на которыхъ выяснилась настоятельная потребность въ такого рода организаціяхъ. Для морской войны на слѣдующей Женевской Конференціи 1868 г. (20—X) выработаны дополнительно 9 статей, не получившія, однако, ратификаціи.

Трудность положенія, по замѣчанію Despagnet (Cours de droit international public, 1905, p. 771), зависѣла отъ двухъ причинъ: 1) Непріятельскіе корабли подлежали захвату по призовому праву, а 2) нейтральныя суда, помогавшія одному

изъ воюющихъ, обвинялись другимъ въ услугахъ непріятелю и нарушеніи нейтралитета. Проектъ 1868 г. безуспѣшно старался найти удовлетворительное рѣшеніе.

Такимъ положеніе вещей оставалось до 1-й Гаагской Конференціи 1899 г., на которой были выработаны правила о примѣненіи къ морской войнѣ началъ Конвенціи 1864 г. Русско-японская война повлекла за собой пересмотръ устарѣвшей Женевской Конвенціи, и государствами была заключена вмѣсто этой Конвенціи новая въ 1906 г. Соотвѣтственно этому и для морской войны на 2-й Гаагской Конференціи 1907 г. были составлены новыя условія о примѣненіи на морѣ началъ новой Конвенціи, составившія 10 Гаагскую Конвенцію.

Конвенція состоитъ изъ 28 статей, причемъ первыя девять касаются военно-госпитальныхъ судовъ и лазаретовъ на прочихъ корабляхъ, десятая—ихъ персонала, 11—17 трактуютъ о погибавшихъ, раненыхъ и больныхъ, 21 устанавливаетъ требованіе санкціи за нарушеніе Конвенціи, а въ остальныхъ статьяхъ содержатся общія постановленія.

Изъ этихъ послѣднихъ въ ст. 20 договаривающіяся государства обѣщаютъ принять необходимыя мѣры для ознакомленія съ Конвенціей населенія и флотовъ; ст. 19 предоставляетъ главнымъ начальникамъ флотовъ распорядиться подробностями исполненія Конвенціи, а также разрѣшать непредусмотрѣнные случаи соотвѣтственно общему духу принятыхъ правилъ; ст. 22 предусматриваетъ военныя дѣйствія съ участіемъ также сухопутныхъ силъ и на этотъ случай опредѣляетъ примѣненіе Конвенціи «лишь къ силамъ, находящимся на судахъ».

Согласно первымъ 3 статьямъ Конвенціи, основнымъ требованіемъ, предъявляемымъ къ военно-госпитальнымъ судамъ, является сообщеніе воюющимъ непріятелю названій такихъ судовъ, состоящихъ при его флотѣ; причемъ названія должны быть сообщены «съ открытіемъ или во время военныхъ дѣйствій, но во всякомъ случаѣ ранѣе употребленія ихъ въ дѣло».

Прежде всего здѣсь, конечно, имѣются въ виду «суда, построенныя или приспособленныя государствами (разумѣется

воюющими! А. С.) со специальной и единственной цѣлью оказанія помощи раненымъ, больнымъ и погибающимъ» (ст. 1); однако Конвенція предвидитъ и частную помощь. Во первыхъ населенія воюющихъ государствъ, могущаго предоставить «госпитальныя суда, снаряженныя вполнѣ или отчасти на средства частныхъ лицъ или официально признанныхъ обществъ поданія помощи» (ст. 2); въ этомъ случаѣ требуется официальное разрѣшеніе воюющей державы, отъ которой снаряженныя суда зависятъ; кромѣ того, «эти суда должны имѣть свидѣтельство отъ подлежащей власти, удостовѣряющее, что при ихъ вооруженіи и при окончательномъ отправленіи они находились подъ ея надзоромъ». Во вторыхъ допускается частная помощь и со стороны нейтральныхъ: дозволены «госпитальныя суда, снаряженныя вполнѣ или отчасти на средства частныхъ лицъ или официально признанныхъ обществъ нейтральныхъ странъ... при условіи, что они поставили себя подъ управленіе одного изъ воюющихъ съ предварительнаго согласія ихъ собственнаго правительства и съ разрѣшенія самого воюющаго» (ст. 3).

Этотъ пунктъ отличенъ отъ прежняго правила 1899 г.: прежній порядокъ былъ со слѣдующимъ условіемъ: «если нейтральная держава, отъ которой они (суда) зависятъ, дастъ имъ официальное порученіе и сообщитъ ихъ названія воюющимъ». На Конференціи 1907 г. этотъ порядокъ показался крайне неудобнымъ. По германскому предложенію, основанному на ст. 11 новой Женевской Конвенціи, принята цитированная редакція статьи, т. е. нейтральныя госпитальныя суда поставлены въ зависимость отъ воюющаго, при которомъ числятся. Возраженія французской делегаціи противъ принятыхъ измѣненій сводились къ указанію разницы въ положеніи сухопутныхъ госпиталей, необходимо связанныхъ съ воюющимъ,—и судовъ, свободно плавающихъ и оказывающихъ одновременно помощь обѣимъ сторонамъ, не принадлежа ни къ одной. Однако эта «автономія» госпитальныхъ судовъ вызвала опасенія въ неясности ихъ положенія, могущаго дать поводъ къ злоупотребленіямъ или недоразумѣніямъ. (Actes III de la II Conf. de la paix III pp. 305 etc.,

553 etc.). Безусловно, рѣшеніе Конференціи такую неясность устраняетъ.

Въ обоихъ случаяхъ допущенія частной помощи остается въ силѣ постановленіе о предварительномъ сообщеніи воюющимъ противнику названій такихъ госпитальныхъ судовъ до введенія ихъ въ дѣйствіе.

Отличительные признаки госпитальныхъ судовъ должны быть слѣдующіе: для государственныхъ судовъ установлена «наружная бѣлая окраска съ зеленой продольной полосой шириной около полутора метра (ст. 5)». На судахъ же частныхъ, независимо отъ національности, при наружной бѣлой окраскѣ полоса будетъ краснаго цвѣта. Подобнымъ же образомъ окрашиваются шлюпки госпитальныхъ судовъ и прочія мелкія суда, несущія госпитальную службу. На всѣхъ госпитальныхъ судахъ долженъ быть поднятъ бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ, установленный Женевской Конвенціей, а также свой національный флагъ, при чемъ для нейтральныхъ госпитальныхъ судовъ обязателенъ еще третій флагъ того воюющаго, подъ началомъ котораго они находятся. Постановленіе о выкидываніи трехъ флаговъ не имѣло прецедентовъ до Конвенціи 1907 г. Такимъ образомъ нейтральныя госпитальныя суда отличаются отъ государственныхъ цвѣтомъ, а отъ частныхъ госпитальныхъ судовъ воюющаго— лишнимъ флагомъ, своимъ національнымъ.

При этомъ оговорено, что въ случаѣ задержанія госпитальныхъ кораблей непріятелемъ, на нихъ долженъ быть спущенъ національный флагъ воюющаго; слѣдовательно на госпитальномъ суднѣ воюющаго останется лишь флагъ Краснаго Креста, на нейтральномъ же госпиталѣ кромѣ того—и его національный флагъ.

На Конференціи обсуждался вопросъ объ отличительныхъ знакахъ госпитальныхъ судовъ въ ночное время; германской делегаціей были предложены три огня, расположенныхъ вертикально съ разстояніемъ между ними не менѣе 3-хъ метровъ: зеленый, бѣлый, зеленый. Однако, опять таки изъ опасенія злоупотребленій, а также въ цѣляхъ предоставленія воюющимъ большей свободы, рѣшено было лишь оставить за госпиталь-

ными судами право, съ согласія воюющаго, котораго они сопровождаютъ, принимать необходимыя мѣры къ тому, чтобы отличительная окраска была достаточно видимою». Не касаясь цѣлесообразности выкидыванія огней, надо замѣтить, что разрѣшеніе этого вопроса Конференціей врядъ ли удовлетворительно: даже если технически возможно сдѣлать ночью видимою окраску судна, остается открытымъ вопросъ о флагахъ, которыхъ на нейтральныхъ судахъ цѣлыхъ три. Кромѣ того возможность злоупотребленій не исключена этими правилами. Теперь такъ часто приходится слышать о замаскированіяхъ подводныхъ лодокъ и пр., что симуляція госпитальнаго судна очевидно не такъ ужъ затруднительна.

Права и обязанности госпитальныхъ судовъ сводятся къ слѣдующему: ни одно изъ военно-госпитальныхъ судовъ согласно пп. 1, 2 и 3 Конвенціи «не подвергается военнымъ дѣйствіямъ и не подлежитъ захвату въ продолженіе войны». (Послѣ войны и подавно). Обязанности же выражены въ ст. 4:

«Суда, упомянутыя въ статьяхъ 1, 2 и 3, будутъ оказывать помощь и попеченіе раненымъ, больнымъ и погибающимъ воюющихъ безъ различія національностей.

Правительства обязуются не пользоваться этими судами для какихъ либо военныхъ цѣлей.

Эти суда ни въ чемъ не должны стѣснять движеній сражающихся.

Во время боя и послѣ боя они дѣйствуютъ на свой собственный страхъ.

Воюющіе имѣютъ надъ ними право надзора и осмотра; они могутъ отказаться отъ ихъ услугъ, приказать имъ удалиться, предписать имъ опредѣленный курсъ, и посадить на нихъ комиссара, даже задержать ихъ, если того потребуютъ важныя обстоятельства.

Насколько возможно, воюющіе будутъ записывать въ вахтенномъ журналѣ госпитальныхъ судовъ тѣ приказанія, которыя они будутъ имъ давать».

Статья эта взята безъ измѣненій изъ Конвенціи 1899 г.

Очевидно, что здѣсь подразумѣвается контроль обоихъ воюющихъ надъ всѣми госпитальными судами; это слѣдуетъ и

изъ сличенія этой статьи съ 5-й (выше упоминалось о снятіи флага въ случаѣ задержанія непріятелемъ). Согласно 5-му абзацу 4-й статьи воюющій (стало быть и непріятель) имѣетъ право посадить на госпитальное судно комиссара; возникаетъ вопросъ о положеніи этого комиссара въ случаѣ встрѣчи съ военнымъ судномъ, при флотѣ котораго состоитъ этотъ госпиталь. Можетъ ли комиссаръ считаться военно-плѣннымъ? Этимъ вопросомъ Конференція занималась въ связи съ другой статьей (8) и онъ рѣшенъ отрицательно: «Его присутствіе (комиссара) объясняется, какъ и роль часового, охраняющаго больницы, необходимостью позволить судну выполненіе его благотворной миссіи; этотъ мотивъ въ обоихъ случаяхъ оправдываетъ изъятіе отъ плѣненія» (Докладъ Рено на 3-мъ засѣданіи Конференціи. Actes, I, стр. 74).

«По аналогіи съ госпитальными судами, и лазареты на военныхъ судахъ воюющихъ въ случаѣ боя на самомъ военномъ суднѣ должны по возможности пользоваться покровительствомъ и пощадой». (Ст. 7). Случай боя на суднѣ очевидно можетъ встрѣтиться очень рѣдко при современныхъ условіяхъ борьбы. Эти лазареты не могутъ быть лишены своего назначенія, пока они необходимы для раненыхъ и больныхъ. «Однако командиръ, во власти котораго они находятся, имѣетъ право ими распорядиться въ случаѣ настоятельной военной необходимости, обезпечивъ предварительно участь раненыхъ и больныхъ, которые тамъ находятся».

Въ случаѣ совершенія вредныхъ непріятелю дѣйствій госпитали лишаются покровительства (по ст. 8). Это естественно: некомбаттанты, не исполняя своихъ обязанностей, теряютъ и обусловленныя ими права. Нарушенію обязанностей госпитальныхъ судовъ уже есть прецеденты: въ англійскихъ сообщеніяхъ многократно указывалось на разбрасываніе минъ германцами подъ видомъ госпитальныхъ и рыбачьихъ судовъ.

Однако въ цѣляхъ защиты отъ придирчивости воюющихъ, установлено, что наличность радіотелеграфнаго аппарата и даже вооруженіе личнаго состава «для охраны порядка и защиты раненыхъ и больныхъ» не составляетъ нарушеніе обязанностей несражающихся: преступленіе можетъ крыться лишь

въ употребленіи, которое будетъ дано оружію. Не надо однако увлекаться и въ другую сторону. Поэтому Конференція отвергла германское предложеніе снабдить госпитальныя суда небольшими орудіями «въ виду опасностей плаванія и въ частности для защиты отъ пиратовъ». (Actes, III стр. 685).

Германское предложеніе было отвергнуто, пушки на госпитальныхъ судахъ были признаны излишними, на томъ основаніи, что коммерческія суда, плавая невооруженными, слѣдовательно въ одинаковыхъ условіяхъ, не подвергаются въ XX вѣкѣ пиратскимъ нападеніямъ. Если бы германская подводная «блокада» англійскаго побережья происходила до II-й Конференціи Мира, постановленія Конвенціи несомнѣнно мотивировались бы иначе.

Добавлю еще объ одной льготѣ, «объ освобожденіи госпитальныхъ судовъ отъ портовыхъ и иныхъ сборовъ», установленномъ Конвенціей подъ этимъ названіемъ, заключенной въ Гаагѣ 8-го декабря 1904 г.

Для пользованія этой льготой требуется «выполненіе условій, предусмотрѣнныхъ ст. 1, 2 и 3 Конвенціи» 1899 г., замѣненной только что разсматривавшимися правилами. Разумѣется ссылка на Гаагскую Конвенцію должна теперь относиться къ новому соглашенію 1907 г. «Въ военное время, въ портахъ договаривающихся сторонъ», госпитальныя суда освобождаются «отъ всѣхъ судовыхъ пошлинъ и сборовъ, взимаемыхъ въ пользу государства». (П. 1). Этимъ, однако, и ограничиваются льготы Конвенціи, какъ подчеркнуто въ ст. 2-й. Согласно «Сборнику дѣйствующихъ трактатовъ» проф. Овчинникова (1914), Конвенція подписана 24 государствами, въ число которыхъ изъ воюющихъ не вошла Турція. По ст. 3 Конвенціи это нарушаетъ ея обязательность.

Возвращаюсь къ Конвенціи о примѣненіи женевскихъ правилъ къ морской войнѣ. Она не ограничиваетъ своихъ рамокъ военно-госпитальными судами ex-officio. Въ ст. 9 упоминается о правѣ воюющихъ обращаться съ просьбой къ командирамъ нейтральныхъ торговыхъ судовъ, яхтъ и шлюпокъ — о принятіи раненыхъ и больныхъ и объ уходѣ за ними. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что освобожденіе отъ портовыхъ и пр. сбо-

ровъ такихъ судовъ не касается. Однако параллельно ст. 5 сухопутной женевской конвенціи 1906 г. п. 9 разсматриваемаго договора устанавливаетъ и для нейтральныхъ торговыхъ судовъ нѣкоторыя льготы. Конвенція не касается подробностей, которыя могутъ быть опредѣлены непосредственно обращающимися за помощью: обстановку слишкомъ трудно предвидѣть и при этихъ условіяхъ предпочтительна нѣкоторая недоговоренность. На Конференціи были перечислены нѣкоторыя возможныя льготы, напр. освобожденіе отъ осмотра и т. п. Конечно нейтральные не должны пользоваться обстоятельствами для нарушенія нейтралитета, за такое нарушеніе они всегда подлежатъ отвѣтственности, «развѣ бы имъ были даны иныя обѣщанія». Во всякомъ случаѣ, перевозка раненыхъ, больныхъ или погибающихъ не можетъ служить поводомъ для захвата судна.

Это все относится и къ судамъ, принявшимъ раненыхъ, больныхъ или погибающихъ по собственному побужденію, безъ обращенія со стороны воюющаго.

Послѣдняя статья Конвенціи—о «некомбаттантахъ постоянныхъ»,—десятая, опредѣляетъ положеніе персонала госпитальныхъ судовъ. Къ нему относятся — духовныя лица, врачи и лазаретная прислуга на всякомъ кораблѣ. Эти лица «признаются неприкосновенными и не подлежатъ военному плѣну». Оставляя корабль, они въ правѣ взять съ собой тѣ вещи и хирургическіе инструменты, которые составляютъ ихъ частную собственность.

Означенныя лица продолжаютъ исполненіе своихъ обязанностей пока это будетъ необходимо, и могутъ затѣмъ удалиться, когда главный начальникъ признаетъ удаленіе ихъ возможнымъ.

Воюющіе должны обезпечить такимъ оказавшимся въ ихъ власти лицамъ то же довольствіе и то же содержаніе, какъ и должностнымъ лицамъ тѣхъ же степеней въ ихъ собственномъ флотѣ».

Духовныя лица, какъ «находящіеся по служебной обязанности» пользуются неприкосновенностью, о ней уже упоминалось въ 10-й статьѣ X Гаагской конвенціи. Но одинаково

разсматриваетъ международное право и суда, посвященныя религіознымъ цѣлямъ, наравнѣ съ судами характера научнаго и филантропическаго. 4-й статьей II конвенціи о «нѣкоторыхъ ограниченіяхъ въ пользованіи правомъ захвата въ морской войнѣ» устанавливается для такихъ судовъ свобода отъ захвата. Институтъ международнаго права въ п. 47 Оксфордскаго «Руководства» 1913 г. упоминаетъ о свободѣ отъ захвата и для судовъ лоцманскихъ, а также обслуживающихъ маяки.

б) Что же до «временныхъ» некомбаттантовъ, то для нихъ характерна случайность ихъ положенія. Временно они принимаютъ на себя обязанности и пользуются правами некомбаттантовъ, которыя обычно имъ не свойственны. Таково положеніе парламентера.

Парламентеромъ можетъ быть каждый комбаттантъ (это обычно, но не обязательно, парламентеромъ можетъ быть и любое другое лицо), имѣющій полномочіе на веденіе переговоровъ съ противникомъ. Онъ пользуется неприкосновенностью и не можетъ быть даже задержанъ иначе, какъ въ случаѣ злоупотребленій своимъ званіемъ. Его отличительнымъ знакомъ является бѣлый флагъ. На морѣ, разумѣется, всѣми правами парламентера пользуется везущее его судно подъ бѣлымъ флагомъ, «navire de cartel». Этотъ же «navire de cartel» служитъ для обмѣна военноплѣнными и тогда онъ снабжается особымъ пропускомъ отъ офицера, посланнаго въ вражескую страну для контроля при обмѣнѣ плѣнныхъ.

При этомъ такому судну воспрещены всякія дѣйствія, неоправдывающіяся его назначеніемъ. То есть не только не допускаются враждебныя мѣры относительно противника, но и просто торговыя операціи, хотя бы самаго невиннаго характера.

г) Послѣдняя категорія ограниченій установлена международнымъ правомъ по отношенію къ *раненымъ, больнымъ и погибающимъ*. Несмотря на то, что раненые и пр., числящіеся въ вооруженныхъ силахъ непріятеля, временно выведены изъ строя, и не имѣютъ возможности принести непріятелю непосредственнаго вреда, т. е. какъ будто входятъ въ

определеніе временныхъ некомбаттантовъ, было бы ошибочно поддаться видимому сходству; юридическое положеніе раненыхъ и пр. совсѣмъ иное. Некомбаттанты всѣ вообще не имѣютъ права бороться съ врагомъ, въ то время какъ за ранеными и пр. это право остается въ полной мѣрѣ, ихъ невозможность нанесенія вреда зависитъ лишь отъ ихъ физическаго состоянія. Юридически, значитъ, эта категорія лицъ относится къ комбаттантамъ. Но особенности положенія раненыхъ и больныхъ также даютъ имъ право на бережное отношеніе воюющихъ. Это выражается въ предписываемомъ Конвенціею поведеніи непріятеля и до того, какъ въ его власть попали выведенные изъ строя, и послѣ этого.

Прежде всего конечно относительно раненыхъ и больныхъ, уже находящихся въ лазаретахъ и на госпитальныхъ судахъ автоматически дѣйствуютъ всѣ правила, охраняющія самые лазареты. Затѣмъ, по ст. 16 Конвенціи 1907 г. о примѣненіи женевскихъ правилъ, «послѣ каждаго боя обѣ воюющія стороны, насколько то позволяютъ военные интересы, примутъ мѣры для разысканія погибающихъ, раненыхъ и больныхъ и охраны ихъ, равно какъ и умершихъ, отъ грабежа и дурного обращенія.

Они будутъ слѣдить за тѣмъ, чтобы ихъ погребенію на сушѣ или въ морѣ предшествовалъ внимательный осмотръ ихъ труповъ».

Такъ какъ по выздоровленіи раненыхъ и больныхъ исчезаетъ основаніе, по которому они безопасны для непріятеля, онъ имѣетъ всѣ причины стремиться помѣшать этому. Понятно, что при такомъ положеніи выведенные изъ строя сравнены со здоровыми противниками: во 1-хъ «если раненые и пр. приняты на нейтральное военное судно, то должно въ предѣлахъ возможнаго озаботиться чтобы они не смогли снова принять участіе въ военныхъ операціяхъ» (ст. 13). Во 2-хъ та же обязанность возлагается на нейтральныя государства, въ портахъ которыхъ могли бы быть высажены погибавшіе, раненые и больные (ст. 15) (При этомъ расходы по леченію возмѣщаются государствомъ, которому принадлежатъ лечащіеся). Въ 3-хъ, въ тѣхъ же цѣляхъ военнымъ судамъ вою-

ющихъ предоставлено требовать передачи раненыхъ и пр. съ военно-госпитальныхъ и всѣхъ прочихъ судовъ, конечно кромѣ нейтральныхъ военныхъ (по ст. 12).

Относительно этого пункта Англія сдѣлала слѣдующую оговорку: «Британское Правительство разумѣетъ, что ст. 12 примѣняется единственно въ отношеніи комбаттантовъ, принятыхъ во время или послѣ морского сраженія, въ которомъ они приняли участіе». Рено въ докладѣ Конференціи отмѣтилъ, что воюющій ни въ коемъ случаѣ не можетъ принудить частное нейтральное судно съ больными перемѣнить свой курсъ; это право предоставлено воюющему лишь относительно судовъ, спеціально занятыхъ такой перевозкой, т. е. означенныхъ въ 1—3 ст. разсматриваемой Конвенціи.

Положеніе погибавшихъ раненыхъ и больныхъ одного изъ воюющихъ, попавшихъ во власть другого, опредѣляется опять таки юридическимъ сходствомъ съ положеніемъ другихъ комбаттантовъ; поэтому раненые, какъ и здоровые, признаются военноплѣнными (ст. 14). Особенно это ясно въ отношеніи здоровыхъ погибавшихъ, положеніе которыхъ снова стало нормальнымъ съ момента миновавія опасности.

Конвенція даетъ взятелю обычное право оставить плѣнныхъ у себя, отправить ихъ въ свой или нейтральный портъ и даже въ непріятельскій. Въ послѣднемъ случаѣ текстъ оригиналенъ: «... военноплѣнные, такимъ образомъ возвращенные въ свою страну, не могутъ нести службу во все продолженіе войны» (ст. 14).

Это было бы довольно простое средство избавиться отъ хлопотъ съ военноплѣнными, сохранивъ главное удобство: неучастіе ихъ въ войнѣ. Однако для этого неучастія необходимо, конечно, чтобы отпускаемые обѣщали отказаться отъ участія въ войнѣ. Это настолько установлено, что недоговоренность Конвенціи конечно случайна. Вообще это постановленіе относится уже болѣе къ военноплѣннымъ, какъ и ст. 17 о взаимномъ освѣдомленіи воюющими другъ друга относительно такихъ плѣнныхъ.

Есть и санкція за нарушеніе постановленій конвенціи; по крайней мѣрѣ она обѣщана въ ст. 21: державы обязуются

дополнить свои законы въ цѣляхъ «борьбы съ отдѣльными случаями грабежа и дурного обращенія по отношенію къ раненымъ и больнымъ морякамъ и пр.». Проф. Овчинниковъ указываетъ по этому поводу, что «въ русскихъ военно-морскихъ уголовныхъ законахъ имѣются нижеслѣдующія постановленія. Грабежъ, разбой и насильственное обобраніе раненыхъ и больныхъ, предусмотрѣны 326 ст. XVI кн. Св. М. П. Не насильственное обобраніе раненыхъ и больныхъ въ военное время почти всегда будетъ имѣть характеръ вооруженной кражи, предусмотрѣнной 1653 ст. Улож. о наказ. Дурное обращеніе какъ со своими, такъ и съ непріятельскими ранеными и больными предусмотрѣно 291[3] ст. XVI кн. Самовольное ношеніе повязки Краснаго Креста, — 291[5] ст. XVI кн. Самовольное поднятіе флага Краснаго Креста—291[2] ст. XVI кн. Окраска судна въ отличительный цвѣтъ госпитальныхъ судовъ—ст. 291[4] кн. XVI Св. М. П. (Сборникъ дѣйствующихъ трактатовъ. 1914, стр. 746 примѣч.).

Въ настоящую войну мало слышно чего либо о дѣятельности госпитальныхъ судовъ и о раненыхъ и больныхъ на морѣ. Правила очень осторожны, эластичны, и въ то же время кажутся въ достаточной степени подробными. Увы! И это не спасло Конвенціи отъ германскаго «духа разрушенія». Германскія госпитальныя суда повидимому разбрасываютъ мины, подрывая такимъ образомъ довѣріе къ Красному Кресту, а цеппелины бомбами мѣшаютъ подбирать погибающихъ. (Послѣ гибели «Блюхера» и др.). Насколько извѣстно, отношеніе германцевъ къ погибающимъ вообще самое хладнокровное, и послѣ гибели «Лузитаніи» и многихъ десятковъ другихъ пароходовъ часто съ ихъ экипажами и пассажирами, всѣ пункты, упоминающіе и о. «погибающихъ», надо считать для текущей войны черезчуръ «либеральными». Это, разумѣется, не опорочиваетъ ихъ по существу.

Военноплѣнные. Съ положеніемъ раненыхъ, больныхъ и погибающихъ довольно близко положеніе военноплѣнныхъ. Какъ тѣ, такъ и другіе безопасны для непріятеля, перейдя изъ активнаго военнаго положенія въ пассивное, притомъ не юридически, какъ напр. парламентеры, а фактически, въ за-

висимости отъ внѣшнихъ условій. Разница въ юридическомъ основаніи положенія военноплѣнныхъ отъ положенія раненыхъ и пр., находящихся на свободѣ, въ слѣдующемъ: сдача въ плѣнъ знаменуетъ нѣкоторый отказъ отъ свободы дѣйствій, которая до этого момента неоспорима за комбаттантами въ любомъ состояніи: какъ за здоровыми и вооруженными, такъ и за безоружными (*), погибающими, больными и ранеными.

Какъ указываетъ Owen (Declarations of war и т. д. 1889, стр. 55), «въ морской войнѣ для сдачи нѣтъ необходимости, чтобы непріятель вошелъ на корабль: сдача считается съ момента спуска флага».

Въ прежнія времена вопросъ о положеніи военноплѣнныхъ ставился очень просто: даруя жизнь сдавшемуся взятіемъ въ плѣнъ, «взятель» получалъ право полнаго распоряженія этой дарованной имъ жизнью («я далъ, я и взялъ»), до продажи въ рабство и лишенія жизни включительно, при чемъ право это было личнымъ, принадлежало самому «взятелю». Съ теченіемъ времени «собственность» на плѣнныхъ перешла къ государству, но отношеніе къ нимъ еще долго осталось прежнимъ (**).

Съ тѣхъ поръ, какъ было установлено, что «война ведется «государствами», со второй половины XVIII вѣка, конечно все перемѣнилось. Цѣлью воюющаго стало воспрепятствованіе дальнѣйшему участію военноплѣнныхъ въ войнѣ, и это опредѣляетъ отношеніе къ плѣннымъ. Вотъ какъ германскій генеральный штабъ резюмируетъ современныя правила (собственно—правила 1899 г. См. «Военные обычаи въ сухоп. войнѣ». Перев. полк. Михельсонъ 1904. Стр. 17): «Военноплѣнные подчиняются законамъ и правовому порядку страны и мѣстности, гдѣ они находятся, а именно постановленіямъ,

(*) Вотъ почему неправильно опредѣленіе германскаго генеральнаго штаба «военный плѣнъ—это право обезоруженнаго». Какъ увидимъ далѣе, военноплѣнный подчиняется законамъ взявшаго въ плѣнъ, тогда какъ «обезоруженный» отъ этого подчиненія еще свободенъ.

(**) По указанію Nys (Le droit int-l. 1912. III, стр. 511), въ 1415 г. Генрихъ V Англійскій распорядился убить 4 000 плѣнныхъ, въ 1441 г. Карлъ VII Французскій утопилъ плѣнныхъ въ Сенѣ и т. д.

существующимъ для войскъ соотвѣтствующаго государства. Обращеніе съ ними должно быть такое же, какъ и съ собственными военнослужащими, не хуже, но и не лучше». Послѣ того, что слышно объ обращеніи германцевъ съ военноплѣнными, руководство германскаго генеральнаго штаба кажется явной насмѣшкой.

Особыхъ правилъ о военноплѣнныхъ, взятыхъ въ морской войнѣ, не существуетъ, поэтому глава II «Положенія о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны» 1907 г. должна быть примѣнена и на морѣ.

Кто же можетъ быть военноплѣннымъ, то есть пользоваться правами военноплѣннаго? Прямой отвѣтъ на это дается ст. 3 «Положенія»: «Вооруженныя силы воюющихъ сторонъ состоятъ изъ сражающихся и несражающихся. Въ случаѣ захвата непріятелемъ, какъ тѣ, такъ и другіе пользуются правами военноплѣнныхъ». А ст. 13 «Положенія» спеціально подтверждаетъ: «Лица, сопровождающія армію, но не принадлежащія собственно къ ея составу, какъ-то газетные корреспонденты и репортеры, маркитанты, поставщики, въ томъ случаѣ, когда будутъ захвачены непріятелемъ и когда послѣдній сочтетъ полезнымъ задержать ихъ, пользуются правами военноплѣнныхъ, если только имѣютъ удостовѣреніе отъ военной власти той арміи, которую они сопровождали».

Предоставленныя военноплѣннымъ права заключаются въ томъ, что 1) «съ ними надлежитъ обращаться человѣколюбиво», 2) они не теряютъ права собственности на принадлежащія имъ лично вещи кромѣ оружія, лошадей и военныхъ бумагъ, 3) имѣютъ свободу отправленія религіозныхъ обрядовъ, 4) составляютъ духовныя завѣщанія на одинаковыхъ правахъ съ мѣстными военнослужащими, 5) могутъ вести переписку, отправлять и получать посылки, притомъ безъ уплаты почтовыхъ, таможенныхъ и иныхъ сборовъ, 6) получаютъ пищу, содержаніе и одежду наравнѣ съ войсками «взятеля», 7) въ частности офицеры получаютъ окладъ, одинаковый съ окладомъ мѣстныхъ офицеровъ того же ранга, 8) нижнимъ же чинамъ предоставляется имѣть заработокъ и получать жалованіе въ случаѣ привлеченія къ какимъ либо работамъ, 9) раненые и

больные военноплѣнные, какъ указывалось уже, имѣютъ право на уходъ и леченіе.

Обязанности же военноплѣнныхъ въ слѣдующемъ.

Какъ упоминалось, съ момента сдачи сдающіеся теряютъ свободу; ставъ военноплѣнными они подчиняются законамъ «взятеля», и «всякое неповиновеніе съ ихъ стороны даетъ право на примѣненіе къ нимъ необходимыхъ мѣръ строгости» (ст. 8 «Положенія»). Нижніе чины могутъ быть привлекаемы къ платнымъ работамъ, которыя не должны однако имѣть отношенія къ военнымъ дѣйствіямъ.

Спеціальныя «справочныя бюро для военноплѣнныхъ» ведутъ имъ регистрацію и способствуютъ облегченію ихъ положенія.

Попытки къ побѣгу отдѣльныхъ лицъ германскій генеральный штабъ въ своемъ руководствѣ не считаетъ преступленіемъ, а лишь «проявленіемъ вполнѣ естественнаго стремленія къ свободѣ».

«Положеніемъ» допускается освобожденіе военноплѣнныхъ «на честное слово» (ст. 10), т. е. съ обязательствомъ не принимать дальнѣйшаго участія въ войнѣ. Нарушеніе этого обязательства при новомъ плѣненіи лишаетъ нарушителя правъ военноплѣннаго.

Не пользуются правами военноплѣнаго также дезертиры, перебѣжчики и лазутчики. Дезертирами считаются лица, бѣжавшія съ цѣлью болѣе не участвовать вообще въ военныхъ дѣйствіяхъ, перебѣжчики же руководствуются побужденіемъ сражаться на другой сторонѣ. Для лазутчиковъ, согласно ст. 29 «Положенія», характерно собираніе «тайнымъ образомъ или подъ ложными предлогами» свѣдѣній въ районѣ дѣйствій одного изъ воюющихъ, съ намѣреніемъ сообщить таковыя противной сторонѣ».

Всѣ захваченныя лица, не пользующіяся правами военноплѣнныхъ, подлежатъ суду. Однако отвѣтственность лазутчика ограничивается случаемъ захвата его «на мѣстѣ преступленія», «за прежнія же свои дѣйствія въ качествѣ лазутчика» онъ не отвѣчаетъ.

Какъ видно, всѣ постановленія о военноплѣнныхъ могутъ быть легко примѣнены въ морской войнѣ, при томъ, конечно,

предположенiи, что военноплѣнные будутъ находиться при флотѣ лишь «транзитомъ» къ мѣстамъ постояннаго своего пребыванiя.

Въ текущей войнѣ извѣстны интересныя попытки англичанъ примѣнить санкцiю къ нарушителямъ законовъ войны. Между этими попытками непосредственно касаются обсуждаемаго предмета мѣры относительно попавшихъ въ плѣнъ нарушителей, въ частности въ морской войнѣ—относительно экипажей пиратствующихъ подводныхъ лодокъ.

Согласно толкованiю, данному англичанами постановленiямъ международнаго права, эти экипажи не имѣли правъ военноплѣнныхъ, такъ какъ неоспоримымъ образомъ нарушали законы войны. Насколько извѣстно, однако, плѣнные экипажи не были преданы суду, ихъ просто подвергли особо строгому режиму. Притомъ германцы не преминули отвѣтить на это примѣненiемъ репрессiй къ нѣсколькимъ англiйскимъ офицерамъ. Этотъ ходъ германцамъ неизмѣнно удается, удался и на этотъ разъ—послѣ образованiя въ Англiи коалицiоннаго министерства плѣнные германскихъ подводныхъ лодокъ переведены были на общiй режимъ военноплѣнныхъ.

Между тѣмъ въ основѣ нельзя не признать правильности взгляда англiйскаго адмиралтейства. Правда, при проведенiи его въ жизнь неизбѣженъ произволъ воюющихъ, главнымъ образомъ при опредѣленiи, нарушено ли международное право вмѣняющимися въ вину фактами; но въ концѣ концовъ вѣдь и во всемъ правѣ войны, какъ мы видимъ, произволъ по самому порядку вещей несравненно болѣе частъ и рѣзокъ, чѣмъ во всѣхъ прочихъ областяхъ права.

Было бы справедливо и въ случаяхъ, подобныхъ разсматриваемому, установить возможность аппеляцiи къ международному суду, въ родѣ Международной Призовой Палаты, проектированной II-й Конференцiей Мира. Это, конечно, въ томъ случаѣ, если не повернуть въ другую сторону—какъ разъ къ предоставленiю воюющимъ полной свободы дѣйствiй, упразднивъ право войны, которое въ такомъ случаѣ звучало бы «правомъ безправiя». Логика требуетъ того или другого, не-

обходимо обезпеченіе дѣйствительности нормъ, иначе онѣ не только излишни, но и вредны.

Напомню, что существующее право войны даетъ нѣкоторыя гарантіи, въ числѣ ихъ ту, которую хотѣли примѣнить англичане; однако что же это за гарантія, если на нее нельзя рѣшиться изъ опасенія германскихъ репрессій! Въ началѣ этихъ «Очерковъ» говорилось уже, что репрессіи—пока надежнѣйшее средство воздѣйствія на недобросовѣстнаго противника. Поэтому германцы оправдываютъ свои мѣры, обвиняя англичанъ въ нарушеніи права. И обратно. И т. д.

Создается безнадежный логическій кругъ, изъ котораго выходъ можно было бы найти лишь въ указанномъ выше международномъ судѣ. Сейчасъ, конечно, каждое слово на эту тему слишкомъ утопично.

Неужели же, однако, и въ XX вѣкѣ Гордіевы узлы удовлетворительно развязываются лишь мечемъ?

. . . .

За перечисленными ограниченіями, всѣ прочія средства борьбы не запрещены, слѣдовательно дозволены. При этомъ, однако, для нѣкоторыхъ военныхъ пріемовъ не установлено никакихъ условій, для иныхъ же мѣръ существуютъ обязательныя требованія, несоблюденіе которыхъ лишаетъ ихъ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ юридически. Къ такимъ мѣрамъ относятся:

1) установленіе блокады

2) запретъ провоза военной контрабанды.

Что касается блокады, практически она относится главнымъ образомъ къ призовому праву (см. мои «Очерки призового права», «М. Сб.» 1915, февраль и отд. оттискъ, стр. 61—75, 96—99 и 116—120). Въ качествѣ чисто военной мѣры, соотвѣтствующей осадѣ крѣпости, блокада примѣняется все рѣже. Въ послѣдній разъ такая блокада поддерживалась японскимъ флотомъ въ 1904 г. вокругъ Портъ-Артура.

Не повторяя сказаннаго о блокадѣ въ вышеупомянутой работѣ, извѣстной уже читателямъ «Морского Сборника», я ограничусь здѣсь краткимъ резюме требованій, предъявля-

емыхъ статьями 1—21 Лондонской Декларацiи 1909 г., нератификованной, но принятой на эту войну воюющими и не подвергшейся въ этихъ пунктахъ никакимъ измѣненiямъ.

Блокада состоитъ въ закрытiи доступа какихъ-либо судовъ, грузовъ или лицъ (кромѣ нейтральныхъ военныхъ судовъ съ особаго разрѣшенiя блокирующаго) — къ точно опредѣленной территорiи, принадлежащей непрiятелю или имъ занятой.

Обязательными условiями блокады являются ея дѣйствительность (причемъ это «есть вопросъ факта») и общеизвѣстность. Для послѣдняго требуется спецiальное оповѣщенiе, опредѣляющее: 1) день начала блокады; 2) географическiе предѣлы блокируемаго побережья; 3) срокъ, даваемый нейтральнымъ судамъ для выхода. Оповѣщаются и мѣстныя власти и нейтральныя государства, а кромѣ того спецiально — всѣ суда, приближающiяся къ блокированнымъ портамъ, не зная о блокадѣ.

Санкцiей за попытку прорыва блокады служитъ прежде всего захватъ судна въ предѣлахъ «раiона дѣйствiй» военныхъ судовъ, поддерживающихъ блокаду, а затѣмъ — и конфискацiя, которой подвергается и грузъ за нѣкоторыми исключенiями.

Въ качествѣ примѣрнаго объявленiя блокады приведу слѣдующее сообщенiе Отдѣла Торговаго Мореплаванiя (газеты 1-го iюля 1915 г.): «Согласно доставленнымъ Императорскимъ Россiйскимъ Посольствомъ въ Лондонѣ свѣдѣнiямъ, великобританское правительство объявило блокаду побережья Малой Азiи, срокъ которой начался въ полдень 2-го iюля (нов. ст.). Раiонъ дѣйствiя блокады простирается отъ 37°. 35′ сѣверной широты до 40° 5′ сѣверной широты и охватываетъ входъ въ Дарданеллы. Нейтральнымъ судамъ былъ предоставленъ срокъ въ 72 часа, начиная съ момента дѣйствiя блокады, для безпрепятственнаго выхода изъ блокированной зоны».

Это объявленiе кстати послужитъ лишнимъ опроверженiемъ мнѣнiя, что блокада уже выродилась и поддержанiе ея невозможно въ современной войнѣ, а потому и регламентацiя Лондонской Декларацiи запоздала. Разумѣется развитiе дѣятельности подводныхъ лодокъ и воздушныхъ аппаратовъ многое

измѣняетъ въ веденіи войны, но до вырожденія блокады еще далеко.

Тамъ, гдѣ по какимъ-либо условіямъ установленіе блокады не входитъ въ разсчетъ воюющаго, — онъ, конечно, примѣнитъ другія средства борьбы, но случаи объявленія блокады уже въ эту войну нерѣдки [приведенный выше примѣръ блокады, блокада германской Восточной Африки англичанами, блокада ими же Камеруна (съ полуночи 23-го на 24-го апр. с. г. нов. ст.; см. London Gazette 24-го—IV подробно), блокада австрійскаго побережья итальянцами (объявленіе 26-го и 28-го мая), распространеніе 6-го іюля с. г. послѣдней блокады «на всѣ зоны Адріатическаго моря на сѣверъ отъ линіи Отранто — Аспри Руга», при чемъ для судовъ съ назначеніемъ въ итальянскіе и черногорскіе порты выдаются особые пропуски]. Мѣропріятія же германскихъ подводныхъ лодокъ, охотно именуемыя «блокадой», а за ними и отвѣтныя англо-французскія репрессаліи, какъ я имѣлъ случай упоминать, общее съ блокадой имѣютъ только въ желательномъ результатѣ своей дѣятельности. Этимъ и ограничивается все сходство между строго опредѣленнымъ правовымъ институтомъ и пиратствомъ германцевъ съ вынужденными репрессивными мѣрами нашихъ союзниковъ.

О военной контрабандѣ упомяну также вкратцѣ и по тѣмъ же основаніямъ, съ ссылкой на стр. 75—107 той же моей работы (или «М. Сб.» III и IV 1915).

Въ то время, какъ блокада имѣетъ цѣлью прекратить всякое сношеніе съ опредѣленной непріятельской территоріей, установленіемъ военной контрабанды воюющій стремится прекратить подвозъ лишь нѣкоторыхъ особо означенныхъ предметовъ, зато во всякое мѣсто непріятельской территоріи или непріятелю вообще, гдѣ бы онъ ни былъ.

Лондонской Декларацiей установлено было 3 списка предметовъ: 1) абсолютной контрабанды; 2) контрабанды условной, т. е. запретной лишь при назначеніи военнымъ силамъ или управленію непріятеля, при чемъ это назначеніе считалось доказаннымъ при адресованіи поставщикамъ непріятельскихъ государственныхъ учрежденій или въ его военныя базы; 3) наконецъ, такъ называемый «свободный» списокъ предметовъ, не могущихъ вовсе быть объявленными военной контрабандой.

Въ противность статьямъ о блокадѣ, постановленія о военной контрабандѣ, регламентированныя слишкомъ подробно, не выдержали грозы міровой войны. Дѣйствительность потребовала другихъ рамокъ, лондонскіе списки были нѣсколько разъ измѣнены и дополнены и въ значительной степени потеряли свой первоначальный характеръ.

Санкція за провозъ контрабанды варьируется, въ зависимости отъ важности случая провоза,—между простымъ захватомъ и конфискаціей судна и груза.

Въ непосредственной связи съ военной контрабандой стоитъ вопросъ о «единомъ» или «длящемся плаваніи», также сильно пострадавшій въ текущую войну. Это случай отправленія военной контрабанды кружнымъ путемъ, т. е. непріятелю черезъ посредство нейтральныхъ. Лондонской Деклараціей такая доставка допущена при блокадѣ и для условной контрабанды за исключеніемъ случая, когда эта контрабанда назначена для военныхъ силъ и управленій непріятельскаго государства и врагъ притомъ не имѣетъ морскихъ границъ, абсолютная же контрабанда захватывается безразлично: при доставкѣ прямо-ли или съ перегрузкой или съ перевозкой сухимъ путемъ.

Въ настоящую войну, однако, и на условную контрабанду распространены въ этомъ отношеніи постановленія о контрабандѣ абсолютной.

На этомъ заканчивается регламентація международнымъ правомъ средствъ нанесенія вреда непріятелю, въ остальномъ воюющимъ предоставляется полная свобода.

III. *Перемиріе* и прочіе военные договоры. Въ войнѣ часто могутъ представиться случаи, требующіе того или иного соглашенія воюющихъ. Предметомъ такихъ соглашеній бываютъ перемиріе, обмѣнъ плѣнными, капитуляція.

Въ виду особыхъ условій заключенія такихъ соглашеній, для нихъ не требуется ратификаціи. Нужно только, разумѣется, участіе компетентнаго военачальника въ зависимости отъ важности каждаго отдѣльнаго случая. По ст. 37 сухопутнаго Положенія, «перемиріе можетъ быть общимъ или мѣст-

нымъ. Первое пріостанавливаетъ повсюду военныя дѣйствія между воюющими государствами; второе—только между извѣстными частями воюющихъ армій и на опредѣленномъ пространствѣ».

Перемиріе перваго рода, общее, большею частью является предвѣстникомъ заключенія мира. Въ этомъ случаѣ оно пріобрѣтаетъ уже политическое значеніе.

Въ правилахъ сухопутнаго «Положенія», примѣнимыхъ и въ морской войнѣ, указано, что «перемиріе пріостанавливаетъ военныя дѣйствія по взаимному соглашенію сторонъ». Условія перемирія зависятъ отъ договаривающихся. При этомъ нарушеніе этихъ условій однимъ воюющимъ возвращаетъ другому немедленно свободу дѣйствій. Однако нарушеніе соглашенія отдѣльными лицами даетъ только право требовать наказанія виновныхъ и возмѣщенія убытковъ. Въ случаѣ неозначенія срока перемирія, военныя дѣйствія могутъ начаться въ любое время, однако съ предупрежденіемъ противника.

При вступленіи въ какіе либо переговоры съ непріятелемъ, воюющимъ посылается парламентеръ, отличаемый бѣлымъ флагомъ. О парламентерахъ уже говорилось выше.

IV. *Окончаніе военныхъ дѣйствій* можетъ быть троякое: 1) исчезновеніе государства, полное завоеваніе его врагомъ; 2) фактическое прекращеніе военныхъ дѣйствій безъ заключенія какого либо соглашенія; 3) заключеніе мира. Послѣдній конецъ войны теперь самый обычный. Мирный договоръ исполняется, разумѣется, со времени его ратификаціи, однако уже подписаніе такого договора влечетъ за собою прекращеніе враждебныхъ дѣйствій, если оно не было установлено еще передъ этимъ «общимъ перемиріемъ».

Г. Право нейтралитета въ морской войнѣ. Въ заключеніе въ нѣсколькихъ словахъ коснусь вопроса о нейтральныхъ въ морской войнѣ, поскольку это не было затронуто выше.

Основная предпосылка положенія нейтральныхъ—ихъ желаніе оставаться посторонними происходящему конфликту. Однако это желаніе осложняется стремленіемъ не только поддерживать дружескія отношенія съ обѣими воюющими сторонами,

но и продолжать съ ними торговлю. Пока эти отношенія не служатъ къ усиленію врага, воюющимъ нѣтъ до нихъ никакого дѣла. Иначе обстоитъ, когда нейтральные начинаютъ оказывать непріятелю услуги, прямо поддерживающія его военную мощь.

Исторіей и выработанъ рядъ взаимныхъ ограниченій и уступокъ, на которые сочли возможнымъ пойти воюющіе и нейтральные.

Правила нейтралитета въ морской войнѣ опредѣляются главнымъ образомъ Парижской Декларацiей 1856 г., XII Гаагской Конвенціей о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ державъ въ случаѣ морской войны и Лондонской Декларацiей 1909 года.

Ближайшимъ предметомъ Парижской и Лондонской Декларацій является призовое право, вопросы же чисто военнаго характера, касающіеся нейтральныхъ, трактуются XIII Конвенціей, а также нѣкоторыми отдѣльными постановленіями другихъ Гаагскихъ соглашеній: объ обращеніи торговыхъ судовъ въ военныя, о постановкѣ подводныхъ минъ и др. Въ виду того, что въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ «Очерковъ» было упомянуто объ этихъ послѣднихъ правилахъ, я здѣсь ограничусь XIII Конвенціей.

Конвенція не претендуетъ на исчерпывающую полноту своихъ постановленій, и сама рекомендуетъ въ непредусмотрѣнныхъ ею случаяхъ «считаться съ общими началами международнаго права», однако несомнѣнно ея большое значеніе въ смыслѣ устраненія многихъ разногласій, столь трудно разрѣшавшихся въ былыя времена.

Въ Конвенціи надо различить два рода постановленій:

I. Болѣе общаго характера—о запрещеніи снабженія воюющихъ военными судами и припасами.

II. Регулирующія условія доступа судовъ воюющаго въ нейтральныя воды:

1) О враждебныхъ дѣйствіяхъ въ нейтральныхъ водахъ.

2) Проходъ черезъ нейтральныя воды.

3) Пребыванiе въ водахъ и портахъ.
4) Снабженiе въ этомъ случаѣ судовъ воюющаго различными припасами.
5) Условiя доступа въ нейтр. воды и пребыванiя въ нихъ призовъ.
6) Санкцiя этихъ постановленiй Конвенцiи.

Первое запрещенiе,—снабженiя воюющихъ военными судами и припасами («по какому бы то ни было основанiю, прямо или косвенно»),—разумѣется самое элементарное условiе соблюденiя нейтралитета.

При этомъ, однако, на нейтральное государство не возлагается обязанности слѣдить за соблюденiемъ требованiй Конвенцiи частными лицами, хотя бы своими подданными. За однимъ, впрочемъ, исключенiемъ, установленнымъ еще 1-мъ пунктомъ «Вашингтонскихъ правилъ» (ст. VI договора Ам. С. Штатовъ съ Великобританiей 8-го мая 1871 г., вызваннаго извѣстнымъ дѣломъ «Алабамы» послѣ междоусобной американской войны): признано справедливымъ, чтобы нейтральная держава «препятствовала, въ предѣлахъ своей юрисдикцiи, снаряженiю и вооруженiю всякаго судна, которое она имѣетъ разумное основанiе считать предназначеннымъ для крейсерства или для содѣйствiя военнымъ операцiямъ противъ державы, съ которой она находится въ мирѣ», а равно препятствовала выходу такого судна изъ предѣловъ своей юрисдикцiи.

Конечно на томъ же основанiи запрещена и передача судна, заказаннаго воюющими еще въ мирное время.

Остальныя постановленiя опредѣляютъ условiя доступа воюющихъ въ нейтральныя воды. Въ противность сухопутнымъ условiямъ, при которыхъ доступъ вооруженныхъ силъ на нейтральную территорiю запрещенъ въ мирное время и гдѣ поэтому война не вноситъ измѣненiй,—на морѣ положенiе существенно различно. Въ мирное время военныя суда всѣхъ нацiй свободно заходятъ во всѣ порты и пользуются тамъ самымъ широкимъ гостепрiимствомъ, дѣлаютъ всѣ нужныя исправленiя и пополняютъ запасы. Это невозможно, конечно, въ такой мѣрѣ въ военное время.

Конвенціей прежде всего, безусловно запрещаются въ нейтральныхъ водахъ всякія враждебныя дѣйствія, къ каковымъ относится и захватъ призовъ и разумѣется устройство базъ въ нейтр. предѣлахъ (предусмотрѣно было еще 2-мъ пунктомъ Вашингтонскихъ правилъ).

Но и самое пребываніе въ нейтральныхъ водахъ и портахъ подвергнуто ограниченіямъ. Допускается свободно лишь проходъ черезъ нейтральныя воды.

Срокъ пребыванія военныхъ судовъ, за исключеніемъ случаевъ сильныхъ поврежденій или бури на морѣ, опредѣляется въ 24 часа, если это не противорѣчитъ законодательству заинтересованной нейтральной державы. Кромѣ того, въ виду устраненія накопленія эскадры воюющаго, число судовъ одной воюющей державы ограничено тремя.

На случай единовременнаго нахожденія въ нейтр. порту военныхъ судовъ обѣихъ воюющихъ странъ, установленъ порядокъ выхода:—въ порядкѣ входа, съ разстояніемъ, но не менѣе какъ въ 24 часа между противниками.

Снабженіе военныхъ судовъ воюющихъ допускается лишь «для пополненія своего нормальнаго запаса мирнаго времени», топливо же выдается «только для достиженія ближайшаго порта ихъ собственной страны»; возобновленіе запасовъ въ портѣ той же нейтр. державы тѣми же судами разрѣшено лишь «по истеченіи 3-хъ мѣсяцевъ».

Что касается привода въ порты призовъ, — это позволено лишь въ случаяхъ «неспособности къ плаванію, дурного состоянія моря, недостатка топлива и припасовъ». Съ устраненіемъ этихъ причинъ призы должны немедленно уйти подъ угрозой освобожденія. Однако ст. 23 допускаетъ доступъ призовъ, которые должны «оставаться подъ секвестромъ въ ожиданіи рѣшенія призового суда».

На случай нарушенія Конвенціи, нейтр. державѣ предоставлено и даже вмѣнено въ обязанность принимать тѣ или другія предупредительныя мѣры. Въ частности, несоблюденіе воюющими сроковъ выхода влечетъ за собою разоруженіе судна и задержаніе всего экипажа.

Текущая война поднимаетъ въ связи съ правомъ нейтралитета, много важныхъ вопросовъ которые интересно разсмотрѣть отдѣльно. Это не только нарушеніе правилъ, примѣровъ чего также можно привести довольно. Не вдаваясь въ подробности, достаточно вспомнить снабженіе всѣмъ необходимымъ германскихъ крейсеровъ, устроившихъ себѣ базу въ южно-американскихъ водахъ, а равно положеніе «Гебена» въ тогда еще нейтральныхъ турецкихъ водахъ и его самоуправство относительно французскихъ и англійскихъ коммерческихъ судовъ.

Въ связи съ происходящимъ, любопытна возможная эволюція права нейтралитета. Его колебанія въ сильной степени обусловятся общими измѣненіями характера права войны. Но необходимо учесть при этомъ, здѣсь это особенно почувствуется, что міровая война не можетъ быть типической, ея мѣропріятія экстренны, и если сейчасъ сумма интересовъ воюющихъ значительно перевѣшиваетъ интересы нейтральныхъ,—то во всякой другой войнѣ положеніе будетъ замѣтно иное.

Въ первыхъ словахъ «Очерковъ» я упоминалъ о кризисѣ, переживаемомъ правомъ войны. На минуту вернусь къ этому вопросу, скажу нѣсколько «общихъ словъ».

Война текущая—необыкновенная война, но не только по внѣшней ея грандіозности, небывалому количеству сражающихся и выбрасываемымъ массамъ снарядовъ. Ея главное отличіе—по существу; въ ряду другихъ войнъ, малыхъ и большихъ, ея характерная особенность въ томъ, что это настоящая международная война.

Въ XX-мъ вѣкѣ наглядно опровергается теорія о «веденіи войны государствами». Въ наши дни это невѣрно, этого мало.

Эта война слишкомъ глубоко вторгается во всѣ сферы народной жизни, она вызвана не отвлеченной идеей, а настоятельной необходимостью. Въ наши дни «мобилизаціи промышленности» и всѣхъ жизненныхъ силъ страны, устремляемыхъ на одно дѣло подъ лозунгомъ «все для войны»,—организованныя спеціально для войны силы государства были бы ничтожны безъ самой дѣятельной поддержки всего населенія.

Для всѣхъ воюющихъ это одинаково вѣрно.

Характеръ текущей войны поэтому совсѣмъ иной, всѣ вопросы поставлены особенно остро, и то или иное рѣшеніе пріобрѣтаетъ особую важность.

Останется ли это безъ вліянія на право войны?

Конечно, нѣтъ. Съ наибольшей рѣзкостью это отзовется на сухопутной войнѣ, дастъ свой откликъ и на морѣ. Такъ или иначе измѣнится кругъ участниковъ войны, съ увеличеніемъ числа факторовъ побѣды значеніе каждаго будетъ учтено и онъ займетъ свое мѣсто въ веденіи войны, а слѣдовательно и въ правѣ войны.

Трудно даже приблизительно предрѣчь дальнѣйшее развитіе права войны; въ предисловіи я уже высказалъ свое мнѣніе, что логическимъ послѣдствіемъ нынѣшней грозы должно быть вырожденіе войны съ того или иного конца: путемъ ли мелочной регламентаціи и серьезнаго санкціонированія международныхъ постановленій или путемъ самоупраздненія права войны.

Предположенія и выводы всякаго рода, конечно, преждевременны.

Но такъ или иначе, перемѣны неизбѣжны, — и перемѣны коренныя.

О МОРСКОМЪ НЕЙТРАЛИТЕТѢ ВЪ МІРОВОЙ ВОЙНѢ.

1.

Въ печатавшихся въ «Морскомъ Сборникѣ» (ноябрь 1914—авг. 1915) «Очеркахъ призового права» (*) и «Очеркахъ права морской войны» мнѣ уже приходилось упоминать о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ.

Однако, чрезвычайное значеніе нейтральныхъ державъ въ текущей войнѣ требуетъ спеціальнаго и болѣе внимательнаго разсмотрѣнія вопроса о морскомъ нейтралитетѣ: относящіяся сюда правила измѣняются съ неимовѣрной быстротой. Самыя простыя и общепринятыя условія сожительства нейтральныхъ съ воюющими подвергаются коренной ломкѣ сообразно создающейся обстановкѣ.

Въ настоящей войнѣ столкнулись почти всѣ міровыя державы, напрягающія всѣ свои силы. Мобилизованы всѣ средства къ достиженію побѣды, воюютъ уже не государства, а подлинно *народы*, и, жадно оглядываясь вокругъ въ стремленіи найти новую поддержку, противники пробуютъ использовать и постороннія пока борьбѣ силы, привлечь на свою сторону нейтральныя государства.

За текущую войну это удавалось нерѣдко — до сихъ поръ насчитывается кажется уже 22 объявленія войны, можно ожидать и дальнѣйшаго расширенія круга воюющихъ: міровая война захватываетъ въ свой водоворотъ слишкомъ большіе интересы,—и такъ полна заманчивыми обѣщаніями...

Но, конечно, многія страны до конца удовольствуются ролью нейтральныхъ, и воюющіе должны будутъ ограничиваться ихъ услугами въ рамкахъ нейтралитета, — болѣе или менѣе широко понимаемаго. Такое обращеніе воюющихъ за помощью къ нейтральнымъ—встрѣчаетъ со стороны послѣднихъ самый сочувственный откликъ.

(*) См. также отдѣльный оттискъ. Петроградъ, 1915.

Особенно существенна помощь нейтральныхъ нашимъ противникамъ, отрѣзаннымъ отъ внѣшняго міра со стороны суши — враждебными имъ границами, а съ моря — союзными флотами. Сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ мыслимо лишь черезъ нейтральныя государства — Голландію, Данію, Швецію, Норвегію и Румынію, при чемъ черезъ послѣднюю же, да еще при посредствѣ Болгаріи приходится Австріи и Германіи сноситься и съ союзной Турціей.

При такомъ положеніи дѣлъ отношенія съ нейтральными имѣютъ первостепенное значеніе,—и немудрено, что для обезпеченія ихъ помощи нашими врагами пущены въ ходъ всѣ средства—и династическія связи, и широко поставленная газетная кампанія, и попытки подкупа вліятельныхъ лицъ, и запугиваніе своими успѣхами, и обѣщанія щедрыхъ наградъ въ будущемъ.

Сказаннымъ обуславливается важность поддержки нейтральныхъ и для державъ «четверного» согласія. Задача передъ ними двоякая—прежде всего помѣшать непріятелю получать нейтральную помощь; а затѣмъ использовать эту помощь самимъ.

При нѣкоторыхъ условіяхъ это достижимо и относительно сухопутныхъ государствъ. Но особенно важно при пресѣченіи снабженія нашихъ враговъ морскимъ путемъ, черезъ посредство нейтральныхъ. Тутъ право войны даетъ воюющимъ большой просторъ и здѣсь они непосредственно сталкиваются съ правами нейтральныхъ.

Какъ извѣстно, морская торговля нейтральныхъ призовымъ правомъ признается свободной, за немногими лишь исключеніями;—и кружное направленіе германской торговли (черезъ нейтральныхъ) могло бы свести на нѣтъ всѣ усилія наши и нашихъ союзниковъ отрѣзать Германію отъ внѣшней поддержки.

Возможность такого результата подтверждается данными за первые мѣсяцы войны, приводимыми англійскимъ правительствомъ въ перепискѣ съ Американскими Соединенными Штатами.

Вотъ нѣсколько цифръ, показывающихъ непомѣрное увеличеніе ввоза различныхъ продуктовъ изъ Америки въ пограничныя съ нашими врагами нейтральныя страны:

Вывозъ изъ Нью-Iорка въ долларахъ на сумму (*):

	Ноябрь 1913.	Ноябрь 1914.
Въ Данiю	558 000	7 101 000
» Швецiю	377 000	2 858 000
» Норвегiю	477 000	2 318 000
» Италiю	2 971 000	4 781 000
» Голландiю	4 389 000	3 960 000

Для одной Голландiи замѣчается пониженiе суммы ввоза.

Остальныя же страны свой избытокъ направили очевидно по вражескому назначенiю.

Дальнѣйшiя англiйскiя цифры указываютъ (**):

Мѣдь. Вывозъ изъ Ам. Соед. Штатовъ:

въ Италiю:	дек. 1913: 15 202 000 ф.	дек. 1914: 36 285 000 ф.
въ Норвегiю, Швецiю, Данiю и пр.	» 1913: 7 271 000 ф.	» 1914: 35 347 000 ф.

За сентябрь и октябрь изъ Ам. Соед. Шт. вывозилось (***):

въ Данiю:	Сало	Въ 1913: — ф.	Въ 1914: 23 674 793 ф.
	Мясо разл.	» 1913: 42 901 »	» 1914: 1 120 215 »
	Смазочн. минер. масло	1913: 179 252 галл.	1914: 280 176 галл.
въ Норвегiю:	» » »	1913: 151 179 »	1914: 335 468 »
въ Швецiю:	» » »	1913: 385 476 »	1914: 896 193 » и т. д.

Дальнѣйшее развитiе германской торговли въ томъ же направленiи, при любезномъ посредничествѣ нейтральныхъ могло обезцѣнить владычествованiе союзниковъ на морѣ, — и Германiя имѣла бы все желаемое лишь съ небольшой задержкой и нѣсколько дороже. Врядъ-ли это было бы ей помѣхой.

Создать ей въ этомъ дѣйствительную помѣху—и составляло первую задачу союзниковъ.

Въ то же время и Англiя, и Францiя, и Россiя старались использовать благопрiятное положенiе свое относительно внѣшняго мiра, — въ смыслѣ военныхъ заказовъ, полученiя пищевыхъ продуктовъ и пр.

По даннымъ, приводимымъ г. Закомъ («В. Европы» iюнь, 1915 г.) на основанiи офицiальныхъ американскихъ свѣдѣнiй,

---

(*) Correspondence between H. M. Gt and the U. S. Gt respecting the rights of belligerents. Miscellaneous № 6 (1915) стр. 4.

(**) Correspondence, стр. 5.

(***) Тамъ же, стр. 15.

«за декабрь 1914 г., напр., огнестрѣльнаго оружія, патроновъ, взрывчатыхъ веществъ, автомобилей, лошадей, одежды для арміи и проч. было вывезено на 17 209 495 долл. больше, чѣмъ въ декабрѣ 1913 г. Въ 1914 г., вслѣдствіе войны, одной только пшеницы изъ Америки Франція ввезла къ себѣ на 24 057 549 долл. больше, чѣмъ въ 1913 г. Англія ввезла на 25 421 732 долл. больше. Италія почти удвоила свой ввозъ пшеницы,—съ 29 646 713 долл. въ 1913 г. до 55 068 505 долл. въ 1914 г.».

Всѣ практическія цѣли, къ которымъ стремились (и стремятся) съ одной стороны Германія, съ другой — ея враги, имѣютъ непосредственную связь съ положеніемъ нейтралитета: достиженіе широкихъ задачъ воюющихъ осложнено ограничительными условіями, рамками права нейтралитета.

Это уже можетъ подсказать «нажимъ» на эти рамки.

И дѣйствительно. Положеніе становится угрожающимъ для Германіи, и она пускаетъ въ ходъ все, чтобы не дать союзникамъ рѣшающаго козыря: безъ помощи извнѣ ей воевать невозможно.

Наряду съ крупповскими орудіями противъ союзниковъ обращаютъ нѣсколько неожиданно упреки въ правонарушеніяхъ.

Съ особенной силой вновь подымается вѣчный споръ о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ въ морской войнѣ и ихъ взаимоотношеніяхъ съ воюющими.

Гирманія старается облачиться въ тогу защитницы правъ на свободу торговли, не стѣсняясь впадать въ противорѣчія.

По странной логикѣ оспариваются права нейтральныхъ (хотя бы частныхъ лицъ) снабжать «союзниковъ» контрабандой; зато исполненіе нѣкоторыхъ формальностей признается дающимъ несомнѣнное право на доставку контрабанды въ Германію. И въ качествѣ рѣшительнаго аргумента пущены подводныя лодки, топящія и правыхъ и виноватыхъ.

«Рѣшительные» германскіе аргументы вызываютъ союзниковъ на весьма серьезный отвѣтъ.

И силою вещей, нейтральные невольно втягиваются въ кругъ интересовъ воюющихъ и переплетаются съ ними крѣпкими нитями. Такъ или иначе они подчиняются войнѣ. Ихъ про-

мышленность и торговля дѣлаютъ прекрасныя дѣла въ финансовомъ отношенiи, но съ ними перестаютъ церемониться въ отношенiи правовомъ.

Право нейтралитета переживаетъ кризисъ, оно почти исчезаетъ за военными событiями, съ нимъ едва считаются.

Постараемся, однако, разобраться въ создавшемся положенiи.

2.

Надо вспомнить, что борьба нейтральныхъ съ воюющими на почвѣ бóльшей или меньшей свободы торговли ведется со стародавнихъ временъ (см. «Очерки приз. права», истор. очеркъ).

Роли воюющихъ и нейтральныхъ исполнялись, конечно, то одними государствами, то другими, — и въ зависимости отъ соотношенiя силъ воевавшихъ съ силами остававшихся нейтральными находилась степень предупредительности той или другой группы государствъ.

Въ эту войну, конечно, перевѣшиваетъ несравненно чашка воюющихъ. Собственно, вопросъ всегда шелъ только о томъ или иномъ истолкованiи принципа, который уже очень давно считается общепризнаннымъ. Основное правило нейтралитета—безпристрастное отношенiе къ враждующимъ сторонамъ.

Нейтральными являются государства постороннiя столкновенiю, и пока ихъ дружба съ однимъ воюющимъ не вредитъ другому, послѣднiй не имѣетъ права на нее претендовать.

Здѣсь, однако, приходится оперировать съ понятiями довольно шаткими и растяжимыми, легко толкуемыми то въ ту, то въ другую сторону.

Въ названныхъ моихъ работахъ мною указывались результаты многовѣковой исторiи борьбы нейтральныхъ съ воюющими. За послѣднее время стремленiе къ опредѣленности повело къ выработкѣ цѣлаго ряда соглашенiй, которыми установлены права и обязанности нейтральныхъ; — это Парижская Декларацiя 1856 г., Гаагскiя Конвенцiи 1907 г. и Лондонская Декларацiя 1909 г.

Этими договорами провозглашалась свобода нейтральной торговли за исключенiемъ предметовъ военной контрабанды и

случаевъ блокады; подлежали захвату лишь непріятельскіе грузы на непріятельскихъ корабляхъ (и самые эти корабли). Большинство спорныхъ пунктовъ въ этихъ областяхъ были разрѣшены къ общему удовольствію; согласились державы и относительно того, какъ взаимно обезопасить воюющихъ и нейтральныхъ отъ злоупотребленій при веденіи чисто военныхъ операцій на морѣ.

А вотъ началась война,—и всѣ эти ясныя и непреложныя соглашенія оказались неспособными сдержать бойцовъ тамъ, гдѣ правила могли помѣшать достиженію военнаго успѣха.

Конечно, уже сама по себѣ знаменательна война, начавшаяся нарушеніемъ бельгійскаго нейтралитета. Конечно, полнымъ презрѣніемъ къ международнымъ соглашеніямъ Германія поставила себя внѣ закона, и по отношенію нея можно считать конвенціи потерявшими обязательную силу.

Вообще говоря, несоблюденіе договора само по себѣ не означаетъ его непригодности. Это вѣрно и по отношенію къ нѣкоторымъ новѣйшимъ правонарушеніямъ.

Но во многомъ и конвенціи оказались «неправыми», во многомъ жизнь опередила ихъ и разорвала, какъ невозможныя путы.

Прежде всего по существу.

Въ войнѣ другого размаха навѣрное не сказалось бы въ такой мѣрѣ напряженіе народной воли къ побѣдѣ — и соотвѣтственно — полное исчерпываніе силъ и средствъ борьбы. При создавшихся же условіяхъ помощь изъ за границы пріобрѣтаетъ роковой, рѣшающій характеръ. Понятна поэтому нервность Германіи, толкающая нѣмцевъ на самые рискованные шаги, чтобы воспрепятствовать усиленію «союзниковъ» за счетъ нейтральныхъ, понятно и нежеланіе англичанъ спокойно относиться къ удобной позиціи сѣверныхъ государствъ, а за послѣдніе мѣсяцы — Греціи, служившихъ передаточной станціей германской торговли.

Право въ конечномъ результатѣ имѣетъ въ виду жизненное примѣненіе,—и если для него обязательно безпристрастіе,— то въ такой же степени преступно безстрастіе.

Нейтральные теперь, конечно, приносятъ огромную пользу однимъ государствамъ, — и слѣдовательно—вредятъ другимъ, ихъ врагамъ. Если юридически такія дѣйствія оправдываются, — не значитъ-ли это, что въ данномъ случаѣ нормы уже отстали отъ жизни?

Надо, впрочемъ, оговориться, что практически это неважно. Въ «жизни» имѣется поправка. Ибо воюющій, которому вредятъ нейтральные, прекрасно освѣдомленъ объ этомъ и терпитъ невыгодное ему положеніе вещей только пока не становится удобнѣе открытая война. А такъ какъ и на случай несоблюденія нейтралитета пока не существуетъ болѣе дѣйствительной санкціи, — то несообразность получается лишь логическая: нейтральные подъ покровомъ своего привилегированнаго положенія безпрепятственно наносятъ одному изъ воюющихъ смертельный ударъ!

Съ этой точки зрѣнія и германскія и британскія самовольныя ограниченія правъ нейтральныхъ безусловно логичны, хоть и отдаютъ добрымъ старымъ временемъ. Лишній разъ у права не хватаетъ логики, обнаруживаемой самоуправствомъ.

Что касается формальной стороны, то и здѣсь постановленія конвенцій во многомъ оказались устарѣвшими.

Таковы, главнымъ образомъ, правила о военной контрабандѣ, а по увѣренію германцевъ—и о блокадѣ.

Ниже мы подробнѣе разберемъ эти случаи, коснемся также и просто нарушеній конвенцій, не оправдываемыхъ новыми методами борьбы, и въ большинствѣ, не вызванныхъ какой-либо настоятельной военной необходимостью.

3.

Начало войны, ознаменовавшееся на сушѣ попраніемъ бельгійскаго и люксембургскаго нейтралитета,—для морской войны сулило какъ будто другую перспективу.

Всѣ воюющіе приняли къ руководству, съ небольшими измѣненіями, Лондонскую Декларацію 1909 г., оставшуюся нератификованной: союзники особымъ объявленіемъ, германцы—

переизданіемъ своей Prisenordnung. Прочіе договоры тоже, конечно, оставались въ силѣ.

«Суждены намъ благіе порывы...».

Сразу выяснившееся безсиліе Германіи на морѣ и ея боязнь лишиться необходимаго подвоза, вызвали съ ея стороны крутую перемѣну фронта.

Какъ увидимъ дальше, первоначальныя англійскія мѣры были очень недѣйствительны: по даннымъ г. Агафонова («Рѣчь», 31-го авг. с. г.), съ 1-го сент. 1914 г. въ Швецію, Данію, Норвегію и Голландію ввезено около 600 тыс. тоннъ хлопка вмѣсто обычныхъ 45 тыс. тоннъ; также льняного масла въ Голландію съ 1-го сент. 1914 г. по 1-ое мая 1915 г. ввезено 197 милл. килограммовъ (вмѣсто 2 милл. за соотвѣтственный періодъ 1913—1914 гг.), — главнымъ образомъ *изъ Англіи* (170 милл. кгр.). Хлопокъ шелъ на порохъ (1 000 тоннъ въ мѣс.), льняное масло—на глицеринъ—нитро-глицеринъ. И то и другое непосредственно создавало германскіе боевые успѣхи и ввозилось цѣлый годъ безпрепятственно подъ прикрытіемъ болѣе чѣмъ прозрачной ширмы нейтральной торговли (*).

Но и эта ширма стѣсняла Германію, и совершенно закономѣрныя дѣйствія англичанъ толкнули ее на несчастный для нея самой шагъ по проторенной дорожкѣ полнаго пренебреженія къ своимъ же обязательствамъ и чужимъ правамъ.

Это — знаменитое февральское объявленіе «военной зоны», привычно, хотя неправильно, именуемое «подводной блокадой».

Я неоднократно уже касался юридической стороны германскаго образа дѣйствій, поскольку пиратство имѣетъ «юридическую сторону». Bertin въ цитировавшейся статьѣ протестуетъ противъ называнія экипажей германскихъ подводныхъ лодокъ пиратами: по приводимой имъ справкѣ, пираты никогда не топили своей добычи, а захватывали ее, считая добычею же и экипажъ подвергшагося нападенію судна, за

(*) По указанію Bertin (Revue des 2 Mondes, 15 Août 1915), вывозъ хлопка за мартъ изъ Америки въ Германію былъ на 29 717 тоннъ менѣе, чѣмъ въ 1914 г.; зато вывозъ въ скандинавскія страны за тотъ же мартъ увеличился на 27 303 тонны по сравненію съ предыдущимъ годомъ. Простая перемѣна маршрута!

который брали потомъ выкупъ. По мнѣнію Bertin, германцевъ нельзя назвать и морскими разбойниками, топившими послѣ грабежа суда и экипажъ изъ боязни доноса и послѣдующей кары: «хотя германцы на подводныхъ лодкахъ дѣйствуютъ подобно морскимъ разбойникамъ, но они имѣютъ національность, которой вѣроятно гордятся, и имъ не грозитъ веревка; если у нихъ есть какое-нибудь названіе по нѣмецки, его слѣдуетъ принять ни пытаясь переводить».

Какъ бы, однако, ни называть германскіе подводные подвиги, они явно нарушаютъ права и воюющихъ и нейтральныхъ. Заявленіе объ учрежденіи «военной зоны», доступъ въ которую запрещенъ какимъ бы то ни было коммерческимъ судамъ подъ страхомъ потопленія и даже безъ предупрежденія,—такое заявленіе не имѣетъ прецедентовъ и вѣроятно составитъ унику въ исторіи международнаго права, такъ какъ не вызоветъ подражанія.

Подводныя лодки—обусловятъ большой переворотъ въ пріемахъ морской войны. Нетрудно представить себѣ и блокаду подводнымъ флотомъ; но для всего этого теперь есть свои правила, которыя должны быть соблюдены. Если подводныя лодки могутъ удовлетворять требованіямъ какой-либо предпринимаемой мѣры, — кто можетъ возражать противъ ихъ участія въ такой операціи?

Къ сожалѣнію, путь Германіи оказался иной, и ея объявленіе о «военной зонѣ» вокругъ Великобританіи обусловило все дальнѣйшее нарушеніе воюющими правъ нейтральныхъ. Въ этомъ пунктѣ право морской войны сошло съ рельсовъ, и эта катастрофа трудно поддается ликвидаціи.

Слово было за нейтральными, и если бы они нашли въ себѣ достаточно силы и твердости для немедленнаго обузданія германцевъ, — у Англіи не было бы повода къ репрессаліямъ, о которыхъ рѣчь ниже.

И надо признать, что нейтральныя государства взяли сразу невѣрный тонъ, вступивъ въ пререканія съ Германіей по поводу нарушенія ихъ несомнѣнныхъ правъ. Въ нотахъ Вильсона Германіи много любопытныхъ и тонкихъ замѣчаній, но это подобно Крыловскому ларчику, «просто открывавшемуся»:

конечно, Германіи была ясна неправомѣрность ея объявленія, какъ ясна была беззаконность вторженія въ Бельгію. И подобно Крыловскому же коту-Васькѣ, она слушала—и продолжала свое разбойное дѣло.

Попытки нейтральныхъ отстоять свои права (совпадавшія въ этомъ случаѣ съ интересами союзниковъ) остались тщетными. Воюющіе вынуждены были сами отвѣтить врагу, — и ихъ отвѣтъ билъ Германію по тому же мѣсту,—дальнѣйшее сокращеніе ея внѣшней торговли; — а съ другой стороны отвѣтныя репрессіи падали снова на плечи нейтральныхъ, несравненно, впрочемъ, легче и «деликатнѣе».

4.

Къ сожалѣнію, насколько извѣстно, текстъ ни англійскаго Order in Council, ни французскаго Décret du Président de la République, появившихся 2(15)-III-с. г., нигдѣ въ Россіи не былъ напечатанъ.

Между тѣмъ, мѣры, къ которымъ рѣшили прибѣгнуть наши союзники при полномъ господствѣ на морѣ, разумѣется, вполнѣ дѣйствительны; и это, а также значительныя новшества, вносимыя этими мѣрами въ призовое право, въ частности и въ право нейтралитета (пусть только на текущую войну), побуждаетъ отнестись къ нимъ внимательнѣе.

Интересно и то, что, преслѣдуя однѣ цѣли, постановленія не одинаковы, а различны и не всегда только по формѣ. Во многомъ одни правила дополняютъ другія.

Въ англійскомъ Order'ѣ обстоятельно изложены мотивы и дословными повтореніями нарочито подчеркнута аналогичность однихъ постановленій другимъ.

«Order in Council» 11-го марта 1915.

«Въ виду того, что Германское Правительство издало нѣкоторыя правила, имѣющія цѣлью въ нарушеніе обычаевъ войны объявить окружающія Соединенное Королевство воды военной зоной, въ которой всякое Британское и союзной

коммерческое судно будетъ уничтожаемо независимо отъ безопасности жизней пассажировъ и экипажа, и въ которой нейтральное судоходство будетъ подвержено подобной же опасности вслѣдствіе случайностей морской войны. Въ виду того, что въ Меморандумѣ, сопровождающемъ помянутыя правила, нейтральные предупреждаются не довѣрять экипажа, пассажировъ или грузовъ Британскимъ или союзнымъ судамъ; въ виду того, что подобное покушеніе со стороны непріятеля даетъ Его Величеству несомнѣнное право возмездія; въ виду того, что Его Величество рѣшилъ на этомъ основаніи предписать дальнѣйшія мѣры, чтобы помѣшать германскимъ выгодамъ всякаго рода отъ ввоза и вывоза, при чемъ такія мѣры будутъ примѣняться безъ опасности для нейтральныхъ кораблей или для жизни нейтральныхъ и не-комбаттантовъ и со строгимъ соблюденіемъ велѣній гуманности; въ виду также того, что Союзники Его Величества присоединились къ нему въ нынѣ объявляемыхъ мѣрахъ для дальнѣйшаго ограниченія германской торговли; Его Величеству на основаніи этого и согласно съ мнѣніемъ Его Тайнаго Совѣта угодно издать слѣдующее постановленіе:

1. Ни одно коммерческое судно, вышедшее изъ порта отправленія послѣ 13-го марта 1915 г. не будетъ допущено продолжать путь къ какому либо германскому порту, кромѣ судовъ, получившихъ пропускъ, уполномочивающій ихъ плыть къ отечественному, нейтральному или союзному порту, названному въ пропускѣ. Грузъ такихъ судовъ долженъ быть выгруженъ въ Британскомъ порту и сданъ подъ охрану Маршала Призового Суда. Предметы, выгруженные такимъ образомъ, если не составляютъ военной контрабанды и если не реквизируются для надобностей Его Величества, будутъ возвращаться по приказу Суда лицу, имѣющему на нихъ право, на такихъ условіяхъ, какія Судъ признаетъ справедливыми въ зависимости отъ обстоятельствъ.

2. Ни одно коммерческое судно, вышедшее изъ какого-либо германскаго порта позже 1-го марта 1915 г., не будетъ допущено продолжать свой путь съ какимъ либо грузомъ, взятымъ въ такомъ порту. Всѣ предметы, нагруженные въ

такомъ порту, должны быть разгружены въ Британскомъ или союзномъ порту. Предметы, разгруженные такимъ образомъ въ Британскомъ порту, должны быть сданы подъ охрану Маршала Призового Суда и если не реквизируются для надобностей Его Величества, то должны быть задержаны или проданы по приказу Призового Суда. Вырученная цѣна товаровъ, проданныхъ такимъ образомъ, должна быть внесена Суду и съ нею должно быть поступлено такъ, какъ сочтетъ справедливымъ Судъ въ зависимости отъ обстоятельствъ; лишь бы эта вырученная цѣна не была Судомъ выдана до заключенія мира иначе, какъ по требованію подлежащаго чиновника Короны, развѣ что будетъ доказано, что товары стали нейтральной собственностью до изданія настоящаго постановленія; и лишь бы также это нисколько не помѣшало освобожденію нейтральной собственности, нагруженной въ непріятельскомъ порту,—по требованію подлежащаго чиновника Короны.

3. Каждое коммерческое судно, вышедшее изъ порта отправленія позже 1-го марта 1915 г. и направляющееся не въ германскій портъ, везущее грузъ съ непріятельскимъ назначеніемъ или принадлежащій непріятелю, — должно быть принуждено разгрузить такой грузъ въ Британскомъ или союзномъ порту. Снятый такимъ образомъ грузъ долженъ быть сданъ подъ охрану Маршала Призового Суда и если не окажется военной контрабандой и не реквизируется для надобностей Его Величества, то будетъ возвращенъ по приказу Суда лицу, имѣющему право на грузъ, на такихъ условіяхъ, какія Судъ признаетъ справедливыми въ зависимости отъ обстоятельствъ, лишь бы только этотъ пунктъ не былъ примѣненъ къ какому либо случаю, предусмотрѣнному пунктами 2 и 4 настоящаго Постановленія.

4. Каждое коммерческое судно, вышедшее изъ не германскаго порта позже 1-го марта 1915 г. и имѣющее на борту грузъ непріятельскаго происхожденія или принадлежащій непріятелю, должно быть принуждено разгрузить такой грузъ въ Британскомъ или союзномъ порту. Снятый такимъ образомъ въ Британскомъ порту грузъ долженъ быть сданъ подъ охрану Маршала Призового Суда и если не реквизируется

для надобностей Его Величества, то будетъ задержанъ или проданъ по приказу Призового Суда. Вырученная цѣна товаровъ, проданныхъ такимъ образомъ, должна быть внесена Суду и съ нею должно быть поступлено такъ, какъ сочтетъ справедливымъ Судъ въ зависимости отъ обстоятельствъ; лишь бы только эта вырученная цѣна не была Судомъ выдана до заключенія мира иначе, какъ по требованію подлежащаго чиновника Короны, развѣ что будетъ доказано, что товары стали нейтральной собственностью до изданія настоящаго Постановленія; и лишь бы также это нисколько не помѣшало освобожденію нейтральной собственности непріятельскаго происхожденія,—по требованію подлежащаго чиновника Короны.

5. (1.) Каждое лицо, заявляющее о своей заинтересованности или имѣющее какую либо жалобу относительно грузовъ, «не составляющихъ военной контрабанды», сданныхъ подъ охрану Маршала Призового Суда по его приказу, или относительно вырученной цѣны при продажѣ такихъ грузовъ,—должно немедленно предъявить въ Призовомъ Судѣ подлежащему чиновнику Короны требованіе о выдачѣ приказа о возвращеніи груза или объ уплатѣ вырученной при продажѣ цѣны или о выдачѣ какого либо иного приказа, который нуженъ въ зависимости отъ обстоятельствъ дѣла.

(2.) Практика и Производство Призового Суда должны слѣдовать настоящему Постановленію, примѣняя его mutatis mutandis (*) во всѣхъ дѣлахъ, возникшихъ въ связи съ нимъ.

6. Коммерческое судно, вышедшее въ нейтральный портъ изъ Британскаго или союзнаго порта или получившее пропускъ по точному назначенію въ нейтральный портъ и прошедшее въ портъ непріятельскій,—подлежитъ за это конфискаціи при захватѣ въ какомъ либо послѣдующемъ плаваніи.

7. Ничто въ настоящемъ Постановленіи не касается подлежанія захвату или конфискаціи какого либо судна или груза независимо отъ настоящаго Постановленія.

8. Ничто въ настоящемъ Постановленіи не помѣшаетъ освобожденію отъ предуказаній этого Постановленія—коммер-

(*) Съ надлежащими измѣненіями. *А. С.*

ческихъ судовъ всякой страны, которая объявитъ, что никакая торговля предметами, предназначенными для Германіи или вывозимыми оттуда или принадлежащими германскимъ подданнымъ,—не будетъ пользоваться защитой флага вышепомянутой страны».

Будучи вызванъ германскими правонарушеніями, слѣдовательно явно направленный противъ Германіи, Order всюду говоритъ о «непріятелѣ» вообще; при томъ же, что Англія воюетъ и съ Австріей и Турціей, можно было бы вывести логическое заключеніе о примѣненіи репрессивныхъ мѣръ и къ этимъ странамъ.

Однако и по аналогіи съ французскимъ Декретомъ, приводимымъ ниже, и по сопроводительнымъ объясненіямъ, и по соблюдающейся практикѣ очевидна простая неточность языка.

5.

Въ противность принятой Order'омъ системы разбора возможныхъ случаевъ, вмѣсто «казусной» обстоятельности, — порядокъ французскаго Декрета строго логическій.

Декретъ президента французской республики, данный 15-го марта 1915 г.

Пунктъ 1. Всѣ товары, принадлежащіе подданнымъ Германской Имперіи, или исходящіе изъ Германіи, или отправленные на Германію, и вывезенные въ море послѣ изданія настоящаго декрета, будутъ задерживаемы крейсерами (т. е. вообще военными судами *А. С.*) Республики. Территорія, занятая Германскими вооруженными силами, уподобляется Германской территоріи.

Пунктъ 2. Будутъ считаться товарами, исходящими изъ Германіи, всѣ вещи и товары съ германскимъ торговымъ знакомъ, или германскаго производства, или сдѣланные въ Германіи, а также продукты Германской почвы, какъ и всѣ вещи и товары всякаго рода, мѣсто отправленія (прямо или транзитомъ) которыхъ находится на Германской территоріи.

Однако это положеніе не будетъ примѣняться къ вещамъ или товарамъ, относительно которыхъ подданнымъ нейтральной страны будетъ доказано, что они были дѣйствительно («добросовѣстно» *А. С.*) ввезены въ нейтральное государство до изданія настоящаго декрета, или относительно которыхъ онъ (поданный нейтральной страны *А. С.*) докажетъ ихъ законную и дѣйствительную («добросовѣстную» *А. С.*) принадлежность ему до упомянутаго изданія.

Пунктъ 3. Будутъ считаться товарами, отправленными на Германію, всѣ вещи и товары всякаго рода, отправленные прямо или транзитомъ въ Германію или въ страну, сосѣднюю съ Германіей, если сопроводительные документы этихъ вещей или товаровъ не доказываютъ окончательнаго и дѣйствительнаго («искренняго» *А. С.*) назначенія въ нейтральное государство.

Пунктъ 4. Нейтральныя суда, на борту которыхъ найдутся товары, означенные въ п. 1, будутъ направляемы во Французскіе или союзные порты; по приводѣ судна во Французскій портъ, товары будутъ выгружены, если не состоится относительно нихъ иного постановленія, какъ оговорено ниже, судно же затѣмъ будетъ оставлено свободнымъ. Товары, признанные принадлежащими германскимъ подданнымъ, будутъ секвестрованы или проданы, при чемъ вырученная отъ продажи сумма должна быть до подписанія мира внесена въ депозитную кассу на имя подлежащаго лица.

Товары, принадлежащіе нейтральнымъ и исходящіе изъ Германіи, будутъ оставлены въ распоряженіи нейтральныхъ владѣльцевъ для возвращенія въ портъ отправленія въ назначенный срокъ. По прошествіи этого срока означенные товары будутъ реквизированы или проданы за счетъ владѣльцевъ и съ возложеніемъ на нихъ проторей и убытковъ. Товары, принадлежащіе нейтральнымъ и направленные на Германію, будутъ оставлены въ распоряженіи нейтральныхъ владѣльцевъ или для возвращенія въ портъ отправленія, или для отправки въ тотъ или иной Французскій, союзный или нейтральный портъ, что разрѣшается въ зависимости отъ обстоятельствъ. Для этого назначается срокъ, по прошествіи кото-

раго товары подлежатъ реквизиціи или продажѣ за счетъ владѣльца и съ возложеніемъ на него проторей и убытковъ.

Пунктъ 5. Исключительно по предложенію Министра Иностранныхъ Дѣлъ и съ согласія Военнаго Министра, Морской Министръ можетъ выдавать разрѣшеніе провоза опредѣленной партіи груза или какой либо особой категоріи товаровъ, назначаемыхъ въ опредѣленное нейтральное государство или вывозимыхъ изъ него. Товаръ, происходящій изъ Германіи, можетъ быть предметомъ такого разрѣшенія только въ томъ случаѣ, если былъ нагруженъ въ нейтральномъ порту по уплатѣ всѣхъ таможенныхъ сборовъ нейтральной страны.

Пунктъ 6. Настоящій декретъ не затрагиваетъ распоряженій относительно товаровъ, объявленныхъ военной контрабандой абсолютной или условной.

Пунктъ 7. Вопросъ о томъ, принадлежитъ ли захваченный («отклоненный отъ своей дороги». *А. С.*) товаръ германскимъ подданнымъ, происходитъ ли онъ изъ Германіи и въ Германію ли направленъ,—рѣшается призовымъ судомъ, дѣйствующимъ согласно слѣдующему:

По прибытіи захваченнаго («отклоненнаго отъ своей дороги» *А. С.*) корабля, судовыя бумаги и прочіе документы, оправдывающіе захватъ, должны быть отправлены призовымъ управленіемъ порта отъ имени Морского Министра Комиссару Правительства при Призовомъ Судѣ, который спѣшно извѣщаетъ Предсѣдателя этого Суда. Предсѣдатель созываетъ Судъ, который выноситъ рѣшеніе на основаніи документовъ въ недѣльный срокъ со времени поступленія дѣла въ Судъ. Несмотря на эти сроки, Судъ имѣетъ право предписывать мѣры слѣдствія, которыя ему покажутся необходимыми, а также въ случаѣ надобности предоставлять сторонамъ по ихъ просьбѣ отсрочки для доказательства ихъ правъ. Постановленіе Призового Суда сообщается Морскому Министру, обязанному приведеніемъ въ исполненіе такого постановленія.

Пунктъ 8. На Министра Иностранныхъ Дѣлъ, Министра Финансовъ, Военнаго Министра и Морского Министра, на каждаго въ предѣлахъ его вѣдомства, возлагается исполненіе настоящаго декрета».

6.

Новшества, вводимыя репрессивными англо-французскими мѣропріятіями, замѣтны съ перваго взгляда.

Слабость, обнаруженная нейтральными въ протестахъ противъ германскихъ правонарушеній, позволила союзникамъ отбросить излишнія стѣсненія и поставить вопросъ въ той формѣ, какая требовалась дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, — т. е. добиваться своей цѣли, перешагнувъ через мѣшавшія правовыя постановленія.

Нельзя отказать этому акту въ послѣдовательности и логичности. Нейтральные не сумѣли охранить своихъ правъ отъ германской безцеремонности, — имъ не приходится протестовать, когда и противники Германіи выходятъ изъ узкихъ рамокъ, въ которыхъ ихъ положеніе было бы невыгодно. Къ тому же, мѣры союзниковъ должны быть признаны очень мягкими. Кара въ нихъ отсутствуетъ, поскольку она не связана съ самымъ фактомъ промедленія, вызваннаго захватомъ судовъ.

О протестахъ Германіи нечего и упоминать, ибо исполненіе договоровъ должно быть взаимнымъ.

Фактически, въ силу пунктовъ 1 и 3 англ. правилъ, прекращается весь непріятельскій ввозъ; не пропускаются ни нейтральные, ни непріятельскіе грузы, съ той разницей, что нейтральные товары возвращаются собственникамъ независимо отъ окончанія войны, тогда какъ владѣльцы-непріятели, очевидно могутъ претендовать на полученіе своихъ товаровъ лишь по подписаніи мира (оговорка о примѣненіи пп. 2 и 4).

Что же касается непріятельскаго вывоза и заграничной торговли принадлежащими непріятелю товарами, то и они пресѣкаются союзниками (пп. 2 и 4).

Такимъ образомъ прекращена повидимому германская торговля. Но насколько это задѣваетъ и нейтральныхъ!

Изъ неблагопріятныхъ для нихъ признаковъ можно отмѣтить возстановленіе droit de suite, отвергнутаго Лондонской Декларацiей 1909 г. и уже отчасти признаннаго въ ст. 2 измѣненій въ Лонд. Деклараціи, принятыхъ союзниками (Выс. Указъ 8-го дек. 1914 г., ст. 2: «Нейтральное судно..., которое, несмотря на назначеніе, явствующее изъ его бумагъ, направляется въ непріятельскій портъ, будетъ подлежать захвату и конфискаціи, если встрѣчено до окончанія слѣдующаго его плаванія»). Французы остались при цитированной редакціи, англичане же распространили кару до конфискаціи «при захватѣ въ *какомъ-либо* послѣдующемъ плаваніи».

Знаменательно и признаніе Франціей для репрессій англійскаго принципа «домициля» (пп. 2 и 3 Декрета, разъясняющіе понятіе «германскихъ грузовъ»).

Спорить не приходится. Репрессаліями затронуты существенные интересы нейтральныхъ и не приняты во вниманіе ихъ права. Однако, какъ не отмѣтить заботливаго стремленія избѣжать для нейтральныхъ всѣхъ ненужныхъ стѣсненій, не оправдываемыхъ необходимымъ результатомъ! И какая разница въ этомъ со слѣпой прямолинейностью Германіи, стремящейся къ своей непосредственной цѣли, не разбирая средствъ.

Любопытенъ англійскій п. 8 (имѣющій соотвѣтственную параллель въ 5-мъ французскомъ пунктѣ), подчеркивающій желаніе союзниковъ обойтись, гдѣ можно, безъ лишнихъ безпокойствъ для нейтральныхъ: предусматривается возможность отмѣны декретированныхъ мѣръ относительно страны, обязавшейся не поддерживать германской морской торговли.

Это вообще указываетъ на возможность того или иного соглашенія, пріемлемаго и одинаково удобнаго для всѣхъ... кромѣ врага. Практически во многомъ дѣло сводится ко взаимнымъ уступкамъ, и возникающіе иногда конфликты, какъ напримѣръ англо-шведо-русскій, улаживаются самымъ мирнымъ образомъ.

7.

Въ настоящей войнѣ изъ великихъ державъ не принимаетъ участія только одна:—Американскіе Соединенные Штаты. Они поэтому и являются оплотомъ и «надёжей» нейтральныхъ, президентъ Вильсонъ молчаливо признанъ «лидеромъ» посторонних войнѣ государствъ, на него обращаются всѣ взоры при каждомъ новомъ случаѣ пренебреженія воюющими «общепризнанныхъ и священныхъ» правъ нейтралитета.

Въ Америкѣ германское пиратство встрѣтило наиболѣе серьезный отпоръ. Я высказывалъ уже свое мнѣніе о недостаточной рѣшительности этого отпора вообще, и теперь нахожу, что при большей энергіи и согласованности нейтральные могли бы значительно раньше добиться благопріятныхъ результатовъ, притомъ болѣе значительныхъ, нежели недавній германскій отказъ топить суда безъ предупрежденія: это германское заявленіе, даже если и будетъ проведено въ жизнь (примѣръ Hesperian и пр.) въ сущности лишь очень мало мѣняетъ обстоятельства,—и систематическое потопленіе судовъ, хотя бы съ предупрежденіемъ—также составитъ нарушеніе права морской войны. При такомъ положеніи дѣла, германцамъ, впрочемъ, легче будетъ подводить каждый случай потопленія подъ оправдывающія исключительныя условія. «Неправда» (т. е. правонарушеніе) такимъ образомъ стала какъ бы немного ближе къ «праву».

Но и эта незначительная уступка германцевъ врядъ ли вызвана юридически обоснованными протестами Вильсона, а скорѣе неудобствами «подводной блокады» для самой Германіи (понесшей при этомъ большія потери, по свѣдѣніямъ брит. адмиралтейства (?) 67 лодокъ, т. е. $80^0/_0$ всего герм. подв. флота) и репрессаліями нашихъ союзниковъ, о которыхъ шла рѣчь выше. Стой нейтральные тверже за свои права и интересы,—можетъ быть не пришлось бы и Англіи съ Франціей прибѣгать къ ихъ суровымъ мѣрамъ.

При всемъ томъ, повторяю, изъ нейтральныхъ протестантовъ наиболѣе энергичными были Американскіе Штаты

(и вѣдь они же—пусть формально—добились какихъ бы то ни было уступокъ).

Эта позиція Штатовъ обусловила необходимость протеста и противъ англо-французскихъ правилъ. Но положеніе Вильсона здѣсь было, разумѣется, безнадежно. Слабость, обнаруженная имъ относительно Германіи, предоставившая англо-французамъ иниціативу борьбы съ германскими правонарушеніями, въ связи съ правовой небезупречностью поведенія Америки въ междоусобной войнѣ 1862 г., предрѣшали весь вопросъ. Къ тому же необходимымъ условіемъ успѣха является искреннее стремленіе къ нему. А врядъ ли Вильсонъ особенно желалъ лишить Англію оружія въ текущей страшной борьбѣ.

Я уже приводилъ выдержки изъ англо-американской дипломатической переписки по вопросамъ права морской войны. Въ августѣ выпущено продолженіе этой переписки, содержащее протесты Штатовъ по поводу Order'а 11 марта и соотвѣтственныхъ дѣйствій англійскаго флота, а также отвѣтныя заявленія сэра Грея.

Въ виду того, что опубликованные документы представляютъ большой интересъ съ правовой точки зрѣнія, а также чрезвычайно характерны для создавшагося положенія нейтральныхъ относительно воюющихъ,—я остановлюсь на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Протестъ президента Вильсона врученъ посломъ въ Лондонѣ м-ромъ Page 2 апрѣля н. ст. Настроеніе общественнаго мнѣнія Штатовъ обѣщало лишь формальный протестъ, и на американской нотѣ лежитъ этотъ отпечатокъ: надо протестовать изъ приличія, нельзя не протестовать. «...Допустить это—было бы отказомъ отъ нейтральнаго положенія относительно теперешнихъ противниковъ Великобританіи, что не отвѣчало бы торжественнымъ обязательствамъ правительства въ настоящихъ обстоятельствахъ».

Нота начинается указаніями на стѣснительность для нейтральной торговли репрессалій, ограничивающихъ не только торговыя сношенія съ воюющими, но и нейтральныхъ другъ съ другомъ, что противорѣчитъ международному праву. Ссыл-

ками на Парижскую Декларацію 1856 г. и призовую практику нота устанавливаетъ, что примѣняемыя мѣры, не касаясь контрабанды и не будучи блокадой, представляютъ собой большое новшество. Разбирая далѣе, оправдываются ли эти новшества эволюціей способовъ веденія морской войны, нота приходитъ къ отрицательному выводу. Въ частности относительно мотивированія новыхъ мѣръ германскимъ разбоемъ, С. Штаты, напоминая о принципахъ, до сихъ поръ строго соблюдавшихся Англіей, находятъ, что германскія нападенія должны бы вызвать лишь усиленную дѣятельность англійскаго флота, а не служить извиненіемъ и поводомъ какихъ либо незаконныхъ дѣйствій. «Еслибы и было доказано, что мѣры теперешнихъ враговъ Великобританіи дѣйствительно запятнаны беззаконіемъ и неуваженіемъ принциповъ войны, принятыхъ просвѣщенными націями, невозможно предположить, и Правительство ни минуты не должно предполагать, что Правительство Его Величества захочетъ запятнать такъ же и свои собственныя дѣйствія или будетъ считать такія незакономѣрные акты въ какомъ либо смыслѣ или мѣрѣ оправданіемъ подобныхъ поступковъ со своей стороны».

Въ дальнѣйшемъ, отмѣчая съ удовлетвореніемъ, что нота, переданная американскому Правительству одновременно съ Order'омъ, позволяетъ надѣяться на осторожное примѣненіе англійскихъ правилъ, протестъ указываетъ на то, что торговля съ Германіей въ Балтійскомъ морѣ свободна, и жалуется на то, что Данія и Швеція, имѣя право на ввозъ отовсюду и фактическую возможность вывоза въ Германію, поставлены Order'омъ въ болѣе выгодныя условія сравнительно съ другими странами.

Протестъ выражаетъ опасеніе, что примѣненіе Order'а создастъ почву для недоразумѣній, а это можетъ повести къ значительнымъ осложненіямъ. Нота предупреждаетъ объ обязанности Англіи загладить каждое возможное нарушеніе правъ нейтральныхъ, и напоминаетъ, что сообщеніемъ 22-го окт. 1914 г. С. Штаты заявили о томъ, что, какъ ихъ права и обязанности, такъ и ихъ гражданъ въ текущую войну опре-

дѣляются существующими правилами международнаго права и трактатами С. Штатовъ, независимо отъ постановленій Л. Декларацiи; нота заключается предупрежденіемъ о протестѣ или предъявленіи иска въ каждомъ случаѣ нарушенія этихъ правъ и обязанностей, произведеннаго съ полномочія Британскаго Правительства.

Надо отмѣтить, что въ нотѣ есть неточности; такъ, торговля Даніи и Швеціи кромѣ Order'a ограничивается и прежнимъ постановленіемъ о томъ, что въ случаѣ перепродажи какой либо страной ввезенныхъ товаровъ въ Германію—дальнѣйшій ввозъ товаровъ въ такую страну можетъ быть прекращенъ. Можно указать также и по существу ноты, что если врагъ прибѣгнулъ къ мѣрамъ, не принятымъ цивилизованными націями, то онъ и не можетъ сѣтовать на репрессіи. Конечно, американскому Правительству ясно, что эти репрессіи ни въ какой мѣрѣ не могутъ быть сравниваемы съ подводнымъ германскимъ пиратствомъ даже и по вреду, наносимому нейтральной торговлѣ.

8.

Американская нота была получена 2-го апр., а только 23-го іюля послѣдовалъ отвѣтъ сэра Grey. Это уже показываетъ, что англійское правительство оцѣнило протестъ по достоинству и не спѣшило съ отвѣтомъ. Отвѣтъ британскаго министра (*) очень интересенъ, хотя врядъ ли можно согласиться съ нѣкоторыми высказываемыми имъ сужденіями. До этого отвѣта не было упоминанія о правовомъ оправданіи англо-французскихъ репрессій. Эти репрессіи объяснялись лишь однимъ—германскими правонарушеніями, съ которыми безсильны были бороться нейтральныя государства. Въ виду создавшагося положенія вещей, наши союзники приняли изложенныя выше мѣры,—и такъ какъ и для нейтральныхъ эти

(*) Онъ полностью напечатанъ г. А. Канъ въ «Правѣ», № 31, столбцы 2179—2189. Въ этомъ переводѣ и приведены слѣдующія выдержки.

мѣры являлись «изъ двухъ золъ меньшимъ»,—то онѣ и были молчаливо признаны неизбѣжными; отсюда, однако, отнюдь не слѣдовала претензія на ихъ правовое обоснованіе.

Вотъ почему, когда сэръ Grey разсчитываетъ убѣдить «вашингтонское правительство въ томъ, что мѣры, объявленныя нами... разумны и необходимы сами по себѣ», а также когда говоритъ объ «обязательствѣ, лежащемъ на союзникахъ, сдѣлать рѣшительно все, что въ ихъ власти, чтобы осилить ихъ общаго врага въ виду возмутительныхъ нарушеній имъ общепризнанныхъ правилъ и обычаевъ культурнаго веденія войны»,—эти утвержденія не могутъ быть оспорены, ибо каждый день военныхъ событій приноситъ имъ лишнее доказательство...

Но нужно ли дѣлать натяжку и утверждать, будто Order вноситъ очень мало новаго въ дѣйствующее право, что принятыя мѣры «являются ничѣмъ инымъ, какъ примѣненіемъ старыхъ принциповъ блокады къ тѣмъ особымъ обстоятельствамъ, которыя стоятъ передъ нами» или, еще неожиданнѣе, «что мѣры, къ которымъ мы обратились, не только оправдывались требованіями обстоятельствъ, но должны считаться закономѣрными и съ точки зрѣнія общихъ принциповъ, признанныхъ правительствами обѣихъ странъ».

Это послѣднее заявленіе конечно противорѣчитъ началу той же ноты, въ которой сэръ Grey ссылается «на мѣры, которыя мы были *принуждены принять вслѣдствіе угрозы мирной торговлѣ*, создавшейся отъ образа дѣйствій германскаго подводнаго флота». Ясно, что закономѣрный образъ дѣйствій не требовалъ бы такихъ выраженій.

Самая отвѣтная нота написана превосходно и стремится отклонить американскій протестъ, исходя изъ аналогичнаго образа дѣйствій Штатовъ при подобныхъ обстоятельствахъ и благожелательнаго поведенія Англіи. Однако указаніе на то, что и у другихъ «рыльце въ пушку», не рѣшаетъ вопроса по существу.

Ходъ мысли сэра Grey слѣдующій:

«Во время гражданской войны Соединенные Штаты были принуждены объявить блокаду береговой линіи, длиною около

3 000 миль». Кромѣ малочисленности флота, осуществленію блокады мѣшали сосѣднія нейтральныя территоріи, изъ которыхъ контрабанда могла быть ввозима на территорію ихъ (С. Штатовъ *А. С.*) враговъ и откуда прорывы блокады могли быть облегчены. Въ связи съ этимъ «старые принципы, касающіеся контрабанды и блокады, были развиты, и была выработана и примѣнена доктрина безпрерывнаго рейса, согласно которой грузы, предназначенные для непріятельской территоріи, задерживались раньше, чѣмъ они успѣвали достигнуть нейтральныхъ портовъ, изъ которыхъ они должны были быть переотправлены».

Британское правительство, не взирая на мнѣнія выдающихся юристовъ, согласилось тогда съ точкой зрѣнія американскаго верховнаго суда.

Съ этой же точки зрѣнія слѣдуетъ отнестись къ англофранцузскимъ мѣрамъ, ибо положеніе сходно. «Блокада, ограниченная только непріятельскими портами, оставила бы открытыми такія дороги, черезъ которыя всякій германскій товарообмѣнъ могъ бы производиться такъ же безпрепятственно, какъ черезъ порты собственной страны. Такъ, Роттердамъ является даже самымъ близкимъ выходомъ для нѣкоторыхъ промышленныхъ раіоновъ Германіи.

«Въ противовѣсъ свободѣ, съ которой одинъ изъ комбаттантовъ можетъ направлять свою торговлю черезъ нейтральную страну, не компрометируя ея нейтралитета, другой комбаттантъ можетъ стремиться остановить таковую торговлю прежде, чѣмъ товаръ достигнетъ нейтральнаго государства, или же до того, какъ этотъ товаръ выйдетъ изъ предѣловъ нейтральнаго государства, однако при томъ, конечно, условіи, что комбаттантъ сможетъ установить, что торговля, которую онъ нарушилъ, является торговлей его врага, а не имѣетъ bona fide (добросовѣстно. *А. С.*) назначеніемъ или происхожденіемъ нейтральное государство. Изъ изложеннаго, казалось бы, слѣдуетъ, что если признавать, что блокада является въ извѣстныхъ случаяхъ подходящимъ способомъ преграждения торговли непріятельской страны и если блокада можетъ стать дѣйствительной только при распространеніи ея на не-

пріятельскую торговлю, проходящую черезъ нейтральные порты, то такое распространеніе можетъ быть оправдываемо и находится въ соотвѣтствіи съ принципами, являющимися общепризнанными».

Вотъ сущность английской ноты, смягченной оговоркой о томъ, что «если окажутся успѣшными старанія, которыя мы прилагаемъ къ тому, чтобы отличать торговлю нейтральныхъ странъ отъ торговли непріятельской, то не произойдетъ существеннаго вмѣшательства съ нашей стороны въ торговлю нейтральныхъ портовъ кромѣ какъ постольку, поскольку они являются портами ввоза и вывоза изъ непріятельской территоріи. Въ настоящее время существуетъ много нейтральныхъ портовъ, которые было бы сущимъ притворствомъ считать удобными только для торговли нейтральной страны, въ которой они расположены, и единственная торговля, которую мы полагаемъ пресѣчь, это — торговля врага, который стремится использовать такіе порты въ цѣляхъ транзита въ свою страну или изъ нея».

Какъ бы искусно ни была написана нота, ея попытки правового обоснованія репрессій, о которыхъ идетъ рѣчь,— врядъ ли кого либо убѣдятъ.

Право торговли нейтральныхъ съ непріятелемъ имѣетъ за собой уже солидную давность и, какъ и указывало американское правительство, ограничено лишь тремя случаями:—оказанія услугъ непріятелю, блокады и военной контрабанды. Сэръ Grey ссылается на большое разнообразіе практики по этимъ 3-мъ вопросамъ, но никакое разнообразіе не давало прецедента для мартовскихъ правилъ. Къ тому же, на Лондонской конференціи были установлены довольно ясныя рамки всѣхъ этихъ понятій,—и съ ними англо-французскія мѣры никакъ не согласуются. Въ частности вопросъ о блокадѣ категорически рѣшается пп. 1 (блокада должна ограничиться портами и побережьемъ, принадлежащими непріятелю или занятыми имъ), 9,18 (блокирующія силы не должны преграждать доступа къ нейтральнымъ портамъ и побережью), 19 (отказываетъ въ примѣненіе къ блокадѣ теоріи «единаго плаванія») и пр.

Международноправовыя постановленія по затронутому вопросу совершенно ясны. Если имѣется въ виду ихъ дальнѣйшее измѣненіе въ сторону расширенія правъ воюющихъ и допустимости запрета торговли нейтральныхъ съ противникомъ,— это совсѣмъ другое дѣло. Лондонская Декларація дѣйствительно не ратификована еще никѣмъ, и заявленіе о примѣненіи ея въ текущей войнѣ можетъ быть замѣнено другими правилами.

Однако кромѣ Лондонской Деклараціи есть и другіе акты— и Гаагскія Конвенціи и Парижская Декларація; п. 2 послѣдняго договора устанавливаетъ, что нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ за исключеніемъ контрабанды.

Сэръ Grey при ссылкѣ Штатовъ на этотъ пунктъ могъ намекнуть на то, что этимъ государствомъ Парижская Декларація еще не подписана, но къ другимъ державамъ этотъ отводъ непримѣнимъ. Правда, по сообщенію Grey, тамъ, «гдѣ признаки непріятельскаго права собственности не указываютъ на таковое же происхожденіе или назначеніе грузовъ, мы по установившейся практикѣ ихъ не задерживаемъ». Однако ясно, конечно, что такихъ грузовъ совершенно ничтожное количество. А какъ же относительно другихъ грузовъ?—т. е. непріятельской собственности и непріятельскаго назначенія или происхожденія, а также нейтральной собственности при непріятельскомъ назначеніи или происхожденіи?

Очевидно, что здѣсь Order примѣняется буквально; это понятно, иначе онъ потерялъ бы весь смыслъ. Но это же сохраняетъ всѣ возраженія противъ него.

Разумѣется при желаніи узаконить декретированное расширеніе теоріи единаго плаванія, это возможно путемъ объявленія контрабандой «всѣхъ товаровъ, имѣющихъ назначеніе въ непріятельскую страну», но для узаконенія прекращенія непріятельскаго вывоза пришлось бы перестроить всѣ положенія о блокадѣ. Въ такомъ случаѣ было бы справедливо проектируемымъ новшествамъ присвоить и особое названіе во избѣжаніе смѣшенія съ настоящей блокадой, у которой вѣроятно еще большое будущее.

Я не устану напоминать, что настоящая война—совершенно исключительная, для нея законъ оказывается не писанъ,—и ей также нельзя писать законовъ для другихъ войнъ.

Напрасно сэръ Grey пробуетъ найти правовую почву для исключительнаго отвѣта на неслыханныя германскія выходки. Въ настоящей войнѣ силою обстоятельствъ допустимы факты, не имѣющіе прецедентовъ въ прошломъ и неповторимые въ будущемъ. Развѣ можно представить себѣ, чтобы Англія оставаясь нейтральной, допустила примѣненіе кѣмъ либо декретированныхъ ею теперь мѣръ! А признавъ ихъ закономѣрность, она даетъ основаніе прибѣгать къ нимъ и другимъ державамъ.

9.

Въ этой же «Бѣлой» (Синей?) книгѣ сэръ Grey касается другого вопроса, затронутаго вашингтонскимъ правительствомъ и относящагося къ области призового процесса.

Вопросъ, въ томъ видѣ, въ которомъ рѣшалъ его британскій министръ, сводился къ слѣдующему:

При столкновеніи постановленій международнаго права и указнаго права (Order in Council),—какимъ должно быть отдано предпочтеніе? (Если считать, что мартовскій Order нарушалъ международноправовыя постановленія, то долженъ ли судъ слѣдовать ему?).

Изъ исторіи призового права можно припомнить, что въ войнѣ 1870—71 гг. инструкціей морского министра 25—VII—1870 п. Х. Французскимъ судамъ было предложено при опредѣленіи непріятельскаго или нейтральнаго характера судна и груза руководствоваться принципомъ домициля (мѣсто пребыванія, мѣстообоснованія) владѣльца вмѣсто обычнаго до того времени во Франціи «національнаго» принципа. Суды, однако, съ большимъ единодушіемъ отказались примѣнять указанный имъ новый принципъ и предпочли слѣдовать тому, что считали международноправовыми постановленіями.

А разногласіе между закономѣрностью «домициля» и «національности» владѣльца гораздо менѣе спорно, чѣмъ мартовскія правила: и «домициль» и «національность» имѣютъ за собой почтенную давность въ международномъ правѣ. Къ тому же «домициль» былъ знакомъ и французскому дореволюціонному праву.

Въ общемъ отвѣтъ сэра Grey нѣсколько уклончивый. Основой его служитъ ссылка на рѣшеніе Stowell'я по дѣлу «Fox» въ сходномъ случаѣ (*): «Съ одной стороны высказывалось мнѣніе, что судъ будетъ во всякомъ случаѣ примѣнять указы тайнаго совѣта; съ другой стороны—что судъ будетъ вынужденъ примѣнить постановленіе международнаго права, относящееся къ данному случаю, не взирая на указы тайнаго совѣта... Настоящій судъ обязанъ судить на основаніи международнаго права подданныхъ другихъ странъ въ разныхъ отношеніяхъ, въ которыя они могутъ быть поставлены къ настоящей странѣ и къ ея правительству. Это есть то, чего имѣютъ право просить для своихъ подданныхъ другія страны и правительства, и на что они могутъ жаловаться, если оно не дается имъ. Это—его неписанное право, засвидѣтельствованное въ рядѣ его рѣшеній и составившееся изъ общихъ обычаевъ цивилизованныхъ государствъ». Order in Council же являются писанымъ правомъ. Stowell рѣшаетъ вопросъ просто—отказомъ отъ рѣшенія: онъ предполагаетъ невозможнымъ самый фактъ противорѣчія между писанымъ и неписаннымъ правомъ,—и заключеніе такимъ образомъ дается легко: «Каковы были бы обязанности лицъ, предсѣдательствующихъ въ этихъ судахъ (въ общихъ судахъ, руководствующихся «принципами естественнаго разума и справедливости», какъ и актами парламента. *А. С.*), еслибы имъ пришлось примѣнить актъ парламента, который противорѣчилъ бы этимъ принципамъ, это—вопросъ, котораго, я предполагаю, они не допустили бы a priori, потому что они не допустятъ a priori предположенія, что подобный случай произойдетъ. Равнымъ же образомъ и настоящій судъ не предастся спекуляціямъ о томъ, каковы были бы его обязан-

(*) Выдержки также въ переводѣ г. А. Канъ. Право, № 34.

ности въ подобномъ случаѣ, потому что онъ не можетъ, безъ крайняго нарушенія приличій, предположить, что таковой случай вообще возможенъ».

Цитируемый далѣе сэромъ Grey теперешній предсѣдатель призового суда, творящій прецедентное право, сэръ Evans, выразился столь же неопредѣленно: «Я осмѣливаюсь выразить надежду и увѣренность, что народы міра не должны опасаться того, что указы тайнаго совѣта будутъ исходить отъ правительства Великобританіи съ такимъ нарушеніемъ признаннаго международнаго права, что можно было бы допустить, что наши призовые трибуналы, относящіеся къ международному праву съ уваженіемъ, будутъ чувствовать себя призванными пренебречь предписаніями таковыхъ указовъ и отказать имъ въ послушаніи».

Въ концѣ концовъ совершенно очевидно, что указы тайнаго совѣта будутъ примѣняться безпрекословно (что, впрочемъ, только строго логично).

За витіеватостью юридическихъ словопостроеній и у Stowell'я и у Evans'а все же прекрасно чувствуется лейтъ-мотивъ, подчеркнутый еще Holland'омъ въ протестахъ противъ ратификаціи Гаагской Конвенціи о Международной Призовой Палатѣ: Вы говорите, что иностранные судьи будутъ слѣдовать англійскому праву! это невозможно. Англійскіе судьи повинуются и національному чувству, а иностранные судьи не будутъ ему слѣдовать...

Справедливо, однако, отмѣтить, что сэръ Grey указываетъ традиціонный нынѣ способъ разрѣшенія споровъ Англіи со Штатами въ международномъ трибуналѣ.

Недостатки всякаго вообще національнаго призового суда въ достаточной степени выяснены. Все же въ предѣлахъ возможнаго англійскіе суды всегда внимательны; это особенно важно послѣ безпощаднаго Order'а 11-го марта, ибо интересы нейтральныхъ будутъ въ значительной степени зависѣть именно отъ того или иного отношенія сэра Evans'а къ постановленіямъ нынѣшняго «писанаго права».

10.

Отмѣченныя выше нарушенія права нейтралитета воюющими произошли въ той его сферѣ, которая считалась уже безспорной. Можно думать, что въ предстоящей послѣ войны ломкѣ понятій всѣ эти необычайные факты найдутъ нелицепріятную оцѣнку, и дальнѣйшая судьба ихъ будетъ зависѣть отъ того, на какой изъ двухъ діаметрально противоположныхъ путей станетъ человѣчество въ несомнѣнномъ стремленіи надолго обезпечить себя отъ возможности повторенія кошмара міровой войны.

Однако и въ другихъ областяхъ, гдѣ сталкиваются интересы воюющихъ и нейтральныхъ, сказалось вліяніе этой міровой войны,—и все въ ту же сторону предпочтенія требованій военной необходимости.

При этомъ отрадно подчеркнуть, что собственно нарушеніе правъ нейтральныхъ здѣсь исходило всегда лишь отъ нашихъ противниковъ, мѣропріятія же Россіи и ея союзниковъ ограничивались правомѣрнымъ расширеніемъ нѣкоторыхъ понятій призового права, главнымъ образомъ объема контрабандныхъ списковъ. Это же, хотя и несогласно кое въ чемъ съ постановленіями Лондонской Деклараціи 1909 г.,—не противорѣчитъ общимъ принципамъ международнаго права; а въ виду нератификованности Деклараціи, ея измѣненія должны быть признаны вполнѣ допустимыми, тѣмъ болѣе, что относительно, напримѣръ, контрабанды Декларація преступлена лишь формально, т. к. всѣ добавленія въ спискахъ вызваны эволюціей военной техники. Упомяну еще объ одномъ мѣропріятіи, сильно отягчающемъ нейтральную торговлю, но несомнѣнно вполнѣ правомѣрномъ. Я говорю объ изданіи союзниками актовъ, имѣющихъ цѣлью ограниченіе вывоза различныхъ продуктовъ изъ своихъ же предѣловъ въ нейтральныя страны, для пресѣченія пересылки такихъ грузовъ во вражескія государства. Въ Англіи въ видахъ борьбы съ такими злоупотребленіями изданъ Customs-Exportation Restriction-Bill, т. к. обнаружилось, что, несмотря на ранѣе принятыя мѣры, бри-

танскіе товары попадаютъ въ Германію. Учрежденъ военно-промышленный департаментъ, безъ разрѣшенія котораго не допускается вывозъ довольно значительнаго количества предметовъ. Департаментъ же руководствуется сообщеніями британскихъ консуловъ, наводящихъ на мѣстахъ справки о нейтральныхъ покупателяхъ. По сообщенію г. Сесиль Мидъ Алленъ («Ж. М-ства Юстиціи», Сент. 1915, стр. 281), «въ Голландіи нѣкоторые купцы и промышленники образовали особую ассоціацію, подъ наименованіемъ «Нидерландскій союзъ морской торговли» (The Netherlands over Seas Trust), которая дала гарантію въ томъ, что англійскіе товары, проданные ей съ разрѣшенія военно-промышленнаго департамента, не проникнутъ на непріятельскую территорію». Поэтому биллемъ установлено воспрещеніе вывоза въ Голландію какихъ либо товаровъ, адресованныхъ не «Нидерл. союзу морской торговли». Правительству предоставлено право примѣнить эти же правила и къ прочимъ нейтральнымъ государствамъ.

Международнаго права эти мѣры, конечно, не касаются, однако отдадутся весьма ощутительно во всѣхъ заинтересованныхъ государствахъ.

Перейду теперь къ создавшемуся для нейтральныхъ положенію и слѣдуемымъ изъ него выводамъ въ вопросахъ блокады и военной контрабанды, а затѣмъ и другихъ, установленныхъ правомъ нейтралитета и затронутыхъ въ міровой войнѣ.

11.

Что касается блокады, я упорствую въ мнѣніи, что ни германскіе разбойничьи подвиги, ни карательныя мѣры нашихъ союзниковъ не могутъ быть признаны отвѣчающими ея требованіямъ. Это особенности міровой войны,—и въ качествѣ таковыхъ я ихъ выдѣлилъ уже и здѣсь къ нимъ возвращаться не буду.

Блокада въ ея чистомъ видѣ, т. е. согласно подробнымъ правиламъ Лондонской Деклараціи (статьи 1—21) объявлена за текущую войну, если не ошибаюсь уже въ 6-й разъ 3-го октября (см. мои «Очерки права морской войны»

«М. Сб.» сентябрь, стр. 60 и 61; тамъ указано 5 случаевъ, возможны пропуски): «Оффиціально сообщается: «Вице-адмиралъ, командующій восточной средиземноморской эскадрой союзныхъ флотовъ, объявилъ, что блокада болгарскаго побережья Эгейскаго моря началась въ 6 час. утра 3-го октября. Судамъ нейтральныхъ государствъ предоставленъ 48-часовой льготный срокъ для выхода изъ водъ блокированнаго раіона». (Аг. Рейтера. ПТА).

Блокада объявлена съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, какъ и предыдущія извѣстныя мнѣ пять блокадъ. Поддерживаются ли онѣ также согласно Лондонскимъ пунктамъ, главнымъ образомъ въ смыслѣ «дѣйствительности»?—Я не сомнѣваюсь, что и тутъ эти блокады безукоризненны.

Увѣренность основывается на полной осуществимости всѣхъ объявленныхъ блокадъ при наличіи тѣхъ средствъ, которыми располагаютъ союзники. Вѣдь признано, что дѣйствительность блокады—это вопросъ факта, а до сихъ поръ не слышно о морскомъ сообщеніи съ блокированными мѣстностями иначе, какъ на подводныхъ лодкахъ, нерѣдко при этомъ попадающихся.

Вотъ эти подводныя лодки, вкупѣ съ летательными аппаратами, должны вызвать значительныя поправки въ вопросѣ о блокадѣ.

Трудности здѣсь нѣсколькихъ видовъ:

1°. Прежде всего чисто техническая. — Появленіе подводныхъ лодокъ страшно усложняетъ заботу о безопасности блокирующихъ судовъ. Это, конечно, тоже «вопросъ факта», такого рода обстоятельства формально и не должны бы занимать юриста. Однако практически жизнь поставитъ передъ правомъ войны эту задачу. Ближе всего съ этой стороной дѣла придется считаться морякамъ, но она сыграетъ свою роль и на дипломатическихъ конференціяхъ—и тѣмъ большую, чѣмъ жизненнѣе будутъ постановленія этихъ конференцій.

2°. Трудность вторая тоже зависитъ отъ успѣховъ техники, но уже прямо возбуждаетъ юридическія недоумѣнія.

Вѣдь назначеніе блокады — прервать всякое сообщеніе съ запретной зоной, чтобы нельзя было туда ни пройти, ни

проѣхать, ни рыбѣ не проплыть, ни птицѣ не пролетѣть, выражаясь фигурально.

А тутъ и подводное и воздушное сообщенія фактически не могутъ быть прерваны пока никакой блокадой.

Спрашивается: можетъ ли считаться дѣйствительной блокада, когда фактически сообщеніе съ блокированнымъ побережьемъ не прервано и совершается безпрепятственно?

3°. Этими двумя пунктами еще не исчерпываются затрудненія. И подводныя лодки и нѣкоторые виды летательныхъ аппаратовъ достаточно окрѣпли, чтобы принимать дѣятельное участіе и въ самой операціи блокады (*). Ихъ право на это не подлежитъ сомнѣнію, но по самой природѣ новаго оружія—для его употребленія должны быть выработаны особыя правила, ибо приноровленіе къ существующимъ не позволило бы примѣнить и «подводки» и самолеты съ дирижаблями во всей ихъ силѣ.

Всѣ эти вопросы предопредѣляютъ эволюцію блокады.

Сейчасъ же развитіе техники застало право врасплохъ,—и послѣдствіемъ этого явилось несовершенство изданныхъ постановленій.

Трудно сказать, конечно, во что современемъ выродится блокада. Можно все же думать, что эволюція не будетъ очень значительной, и особыя правила для подводнаго и воздушнаго флота повліяютъ на измѣненіе «надводныхъ» (обычныхъ!) морскихъ законовъ не очень радикально, если только въ выраженіе о «дѣйствительности» блокады включена будетъ соотвѣтственная оговорка.

Интересно отмѣтить заключенія г. Laghezza, посвятившаго въ мартовской книжкѣ «Rivista Marittima» статью о «законахъ морской войны въ англо-германскомъ столкновеніи». Выводы свои Laghezza выразилъ въ слѣдующихъ пунктахъ:

1. Допускается блокада непріятельской территоріи посредствомъ минъ и подводныхъ судовъ.

(*) Это, конечно, совершенно безотносительно къ поведенію германскихъ лодокъ.

2. Воюющіе обязаны оповѣщать о минированныхъ зонахъ и пользоваться минами отвѣчающими международнымъ конвенціямъ.

3. Корабли, прорывающіе блокаду завѣдомо, что выясняется судовыми бумагами, подлежатъ конфискаціи и могутъ быть уничтожены.

4. Корабли, которые не знали объ установленіи блокады, получаютъ объявленіе объ этомъ и отпускаются въ море.

5. Уничтоженіе нейтральнаго или непріятельскаго коммерческаго корабля можетъ быть произведено лишь спустя достаточное время для посадки на лодки и пр. экипажа и пассажировъ. На капитанѣ лежитъ обязанность спасти судовыя бумаги.

6. Коммерческія суда, получившія отъ подводныхъ лодокъ приказаніе остановиться, должны немедленно повиноваться и на собственномъ катерѣ послать судовыя бумаги для ихъ осмотра.

7. Нейтральныя суда не могутъ быть конфискованы или уничтожены за прежнее нарушеніе блокады. Они свободны съ момента выхода изъ блокированой зоны, если только они не преслѣдуются изъ предѣловъ самой зоны подводной лодкой или другимъ блокирующимъ судномъ. Прекращается преслѣдованіе, судно свободно.

8. Закономѣрность операцій подводныхъ лодокъ подлежитъ компетенціи во 1-хъ національнаго призового суда, затѣмъ,— въ случаѣ апелляціи, — международнаго призового суда. («Rivista Marittima», Marzo 1915, стр. 414).

Минированіе непріятельскаго побережья допускается современнымъ международнымъ правомъ при соблюденіи нѣкоторыхъ условій (см. напр. ст. 2 объ оповѣщеніи). Собственно пункты 2, 4, 6 и 7 также не составляютъ новшества.

Центръ тяжести этихъ правилъ въ признаніи за подводными лодками права топить всякія суда, пытающіяся прорвать блокаду:—это вѣдь очень недалеко и отъ теперешняго положенія вещей.

Правила Laghezza конечно только краткая схема, въ ней не затронуто много деталей, вытекающихъ изъ сотрудниче-

ства «подводокъ», но интересны самыя попытки немедленно реагировать на создающееся положеніе вещей. Причемъ у Lagħezza были причины быть безпристрастнымъ, т. к. въ то время Италія еще оставалась нейтральной.

Болѣе подробное разсмотрѣніе этого вопроса отвлекло бы насъ отъ темы; изъ сказаннаго же, мнѣ кажется, должно быть ясно, что со стороны блокады нейтральные обидъ (правовыхъ) не потерпѣли, тутъ правила не нарушались,—и міровая война только намѣтила грядущія необходимыя поправки въ этой области (*).

12.

Военная контрабанда какъ, конечно, и ожидали, оказалась очень важнымъ оружіемъ,—и вскорѣ же послѣ начала войны всѣ три лондонскихъ списка—(абсолютной и условной контрабанды и свободный)—были немилосерднымъ образомъ перетасованы.

Конечно, все это было вызвано практикой, подчеркнувшей огромныя перемѣны въ дѣлѣ военной техники со времени составленія лондонскихъ списковъ на Конференціи 1909 г.

(*) Кстати о блокадѣ. Въ рецензіи на мои «Очерки призового права» въ «Изв. М. Иностр. Д.» (1915, кн. III) г. Д. С. С. ставитъ мнѣ въ упрекъ, что я не разъяснилъ значеніе ст. 4 Лонд. Декл. 1909 г. о блокадѣ. «Что понимала Конференція подъ словами «не почитается снятою»?» (если блокирующія силы временно удалятся вслѣдствіе непогоды).

Смыслъ этихъ словъ мнѣ кажется настолько очевиднымъ, что не нуждается въ объясненіи: «не почитается снятою»—конечно означаетъ, что блокада «не снята», слѣдовательно дѣйствительна; еще далѣе—слѣдовательно при попыткѣ прорвать блокаду при этомъ положеніи судно можетъ быть захвачено. Если некому захватить,—прорывъ блокады удался, что не вызываетъ никакихъ послѣдствій (для судна: по Лонд. Декл., отвергнувшей droit de suite; иныхъ же правилъ ст. 4 не предполагаетъ, какъ неразрывная часть Декларації; для блокирующаго—по разсматриваемой ст. 4, по которой такой прорывъ не можетъ быть предлогомъ для возбужденія вопроса объ объявленіи блокады снятой, т. е. недѣйствительной). Если есть кому захватить,—дѣйствительность блокады подтверждается лишній разъ,—и значитъ въ обоихъ случаяхъ всѣ споры на эту тему сводятся къ «веревкѣ—вервію простому».

Въ «Очеркахъ призового права» (стр. 75—96) я приводилъ подробно эти измѣненія. Съ тѣхъ поръ списки еще увеличены включеніемъ новыхъ запретныхъ предметовъ. Именнымъ Высочайшимъ Указомъ 10-го авг. с. г. къ списку контрабанды абсолютной прибавлено:

«30. Шерсть необработанная, концы и очески, шерстяная пряжа и крученая шерсть.

31. Олово, хлористое олово, оловянная руда.

32. Касторовое масло.

33. Парафинъ.

34. Іодистая мѣдь.

35. Смазочныя вещества.

36. Шкуры рогатаго скота, буйволовъ, лошадей, телятъ, свиней, барановъ, козловъ, оленей. Кожи, выдѣланныя или невыдѣланныя, годныя для сѣделъ, упряжи, военной обуви или военной одежды.

37. Амміакъ и его соли, простыя или составныя, растворы амміака; мочевина; анилинъ и его соединенія.

38. Тулцолъ и всѣ соединенія тулцола, смолистаго, нефтяного или иного происхожденія.

39. Станки и иные машины или инструменты, годные для выдѣлки предметовъ боевого снаряженія.

40. Карты и планы всѣхъ частей территоріи воюющихъ странъ или мѣстностей, входящихъ въ раіонъ военныхъ дѣйствій,—въ масштабѣ болѣе $^1/_{250\,000}$, а также воспроизведенія ихъ во всякомъ масштабѣ такихъ картъ и плановъ посредствомъ фотографіи или иныхъ способовъ».

Понятіе контрабанды условной также расширено:

«13. Дубильныя вещества всякаго рода (включая всякаго рода примѣняемые въ дубленіи экстракты).

14. Льняное масло».

А къ двумъ первымъ пунктамъ опубликовано также расширяющее объясненіе:

«Подъ выраженіемъ «съѣстные припасы» и «фуражъ и кормовыя средства для животныхъ» (пп. 1 и 2) надлежитъ понимать также: маслянистыя сѣмена, орѣхи и зерна; масла и жиры животнаго и растительнаго происхожденія, годныя

для употребленія при выдѣлкѣ маргарина; жмыхи и мука изъ маслянистыхъ сѣмянъ; орѣховъ или зеренъ».

Не лишнимъ будетъ вспомнить, что въ лондонскомъ «свободномъ» спискѣ (т. е. предметовъ, которые нельзя было объявлять военной контрабандой) числятся и орѣхи и маслянистыя сѣмена (п. 2) и пр. и пр., по обстоятельствамъ времени перекочевавшіе въ запретные два списка.

Необходимость такого перекочеванія очевидна, и если на это имѣется право, то неиспользованіе его было бы слишкомъ большой жертвой въ нынѣшней тяжелой борьбѣ.

По ироніи судьбы на первомъ мѣстѣ «свободнаго» списка стоялъ хлопокъ, а Order'омъ in Council 14-го сент. 1915 г. Англія включила его въ число контрабанды. «Иронія судьбы» глубже, чѣмъ кажется съ перваго взгляда, потому что у этого вопроса есть своя исторія.

Во время русско-японской войны, 8-го апр. 1904 г. Россія объявила хлопокъ военной контрабандой; послѣдствіемъ была длинная переписка съ Англіей, заключившаяся рѣшеніемъ Россіи считать хлопокъ лишь условной контрабандой. Въ Англіи этому вопросу тогда придавали большое значеніе, и проф. Holland доказывалъ неправильность русской точки зрѣнія (см. его Letters on War and Neutrality 2-nd ed. Стр. 137—140).

Съ той поры прошло не много лѣтъ. Новыя условія дали и Англіи взглянуть на обстоятельства съ новой стороны. Хлопокъ объявленъ абсолютной контрабандой. И проф. Holland радостно привѣтствуетъ это объявленіе (см. письмо въ Times, 24 сент. н. ст. 1915).

Конечно, англичане и французы въ правѣ были не считаться со свободнымъ спискомъ, конечно можно припомнить взглядъ British Admiralty Manual of Prize Law, что «расширеніе или ограниченіе списковъ предметовъ абсолютной и условной контрабанды во время войны составляетъ прерогативу Короны», но вѣроятно немалое значеніе (разумѣется главное!) имѣетъ разница въ положеніи зрителя или участника войны.

Хлопокъ оказывается столь необходимымъ для веденія войны, что непонятно, какъ давно уже Англія не настояла на объ-

явленіи его контрабандой. Важную роль сыграло въ этомъ желаніе избѣжать непріятностей съ Америкой, и если дѣйствительно, какъ объ этомъ писалось, нашими союзниками скупленъ весь урожай хлопка, то такимъ образомъ найденъ весьма остроумный и никому не обидный выходъ изъ положенія.

13.

Британское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ 30-го авг. сообщило англійскимъ газетамъ интересныя данныя о попыткѣ германскаго призового суда уничтожить на практикѣ разницу между абсолютной и условной контрабандой. Дѣло касалось двухъ голландскихъ пароходовъ «Maria» и «Bataviar», везшихъ пшеницу изъ Портланда (въ Орегонѣ) въ Дублинъ и Бельфастъ и потопленныхъ въ сентябрѣ 1914 г. герм. крейсеромъ «Карлсруэ». Судъ въ Гамбургѣ отказалъ въ вознагражденіи. Также и пшеница на суднѣ «Batavier V», шедшемъ въ Лондонъ, была конфискована; при чемъ въ обоихъ случаяхъ основаніемъ послужило «назначеніе въ базы или укрѣпленныя мѣстности»,—что дѣлало грузъ контрабанднымъ, т. к. направленіе въ эти порты, безъ наличія очевидныхъ доказательствъ противнаго, показывало назначеніе для употребленія сухопутныхъ или морскихъ силъ или для правительства.

Этотъ ходъ разсужденій, крайне просто сглаживающій разницу между двумя видами контрабанды, предсказывался еще въ преніяхъ о Naval Prize Bill въ англійской палатѣ лордовъ въ 1911 г.

«Law Times» вспоминаетъ по этому поводу, что впервые это выражено было лордомъ Stowell въ дѣлѣ The Jonge Margaretha (см. 1 Rob. Adm. 189), везшей сыры изъ Амстердама въ Брестъ, мѣсто стоянки значительной эскадры.

Установивъ общее правило, что «съѣстные продукты не контрабанда, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ создается особая обстановка войны» и положеніе борющихся сторонъ, Stowell перечисляетъ 3 условія, освобождающія продукты отъ захвата

въ качествѣ контрабанды: во 1-хъ нужно, чтобы они были произведеніемъ страны, которая ихъ вывозитъ; во 2-хъ—чтобы они были въ натуральномъ необработанномъ видѣ; и въ 3-хъ—чтобы они предназначались для обычнаго, а не военнаго употребленія. «Такъ какъ невозможно удостовѣриться въ конечномъ употребленіи предмета ancipitis usus (т. е. годнаго и для мирныхъ и для военныхъ цѣлей *А. С.*), то можно считать справедливымъ правило судить о конечномъ употребленіи по ближайшему назначенію, и предположеніе о враждебномъ употребленіи, основанное на назначеніи въ военный портъ, сильно подтверждается, если въ то время, какъ продукты направляются въ портъ, тамъ собираются значительныя силы, которымъ прибытіе этихъ продуктовъ было бы весьма полезно».

Надо согласиться съ тѣмъ, что въ наше время быстрыхъ и легкихъ сообщеній, какъ писалъ сэръ Grey въ отвѣтѣ Ам. Штатамъ, иногда и заграничные порты служатъ удобнѣйшими путями снабженія. Что же сказать о портахъ одной страны, гдѣ своя рука—владыка, а организація желѣзныхъ дорогъ, напр. въ Германіи, почти не даетъ замѣтить переброски огромнаго количества грузовъ.

При такихъ обстоятельствахъ дѣйствительно вопросъ о различіи абсолютной и условной контрабанды становится призрачнымъ. Почему въ базу флота или крѣпость нельзя ввозить какіе то предметы, а въ портъ рядомъ можно? Наконецъ если бы была гарантія, что условную контрабанду,—хотя бы съѣстные припасы,—получатъ мирные жители, а не войска;—даже въ этомъ случаѣ мѣняется ли дѣло? Порція мирныхъ гражданъ передается войску, а они сами, никого не обманывая, питаются доставленными продуктами. Но очевидно, что отъ этого выиграли и военныя цѣли!

Для нейтральныхъ этотъ вопросъ опять-таки связанъ съ торговлей. Торговли вообще казалось бы быть не могло: ибо Германія воспретила ввозъ въ Англію и Францію и вывозъ оттуда, а эти державы, какъ мы видѣли, въ свою очередь, прекращаютъ всю германскую торговлю. Однако общеизвѣстно, что огромное количество военныхъ заказовъ Англіи и ея союзницъ на много увеличиваетъ оборотъ нейтральныхъ, и замѣняетъ потерянные германскій и австрійскій рынки.

14.

Совсѣмъ недавно англійская призовая практика обогатилась прецедентомъ изъ области примѣненія къ контрабандѣ теоріи «единаго плаванія». Все дѣло велось сэромъ Evans'омъ тщательно, оно заняло 15 засѣданій суда, съ 12-го іюля по 16-е сентября с. г.,—и представляетъ большой интересъ (*).

Рѣшенію суда подлежалъ вопросъ объ осужденіи или освобожденіи грузовъ 4-хъ нейтральныхъ пароходовъ (3-хъ норвежскихъ и 1 шведскаго), Kim, Alfred Nobel, Björnstierne Bjornson и Fridland. Судьба самихъ пароходовъ была выдѣлена и составитъ предметъ особаго разбирательства.

Надо тутъ же оговориться, что репрессивный Order 11-го марта къ разбираемому дѣлу отношенія не имѣлъ, т. к. суда вышли изъ Америки въ теченіе 3 недѣль въ концѣ октября и началѣ ноября 1914 г. и въ ноябрѣ же были и захвачены. Къ захваченнымъ грузамъ должны были быть примѣнены Лондонская Декларація (пункты 30—42) и измѣненія ея, внесенныя къ тому времени Order'ами 20-го августа и 29-го октября, а также объявленія о контрабандѣ условной и абсолютной.

Грузъ состоялъ главнымъ образомъ изъ сала, свиныхъ и мясныхъ продуктовъ, хлѣба и прочихъ пищевыхъ продуктовъ, а также нефти. На двухъ судахъ были также грузы каучука, ложно объявленнаго гумми, и на одномъ были найдены сырыя кожи. Корабли шли изъ Нью-Іорка въ Копенгагенъ, но грузы были отправлены изъ Чикаго и по предположенію генеральнаго атторнея Carson'a назначались въ Германію.

Для подтвержденія этихъ предположеній были приведены слѣдующіе факты.

Данія, въ которую адресовали грузы, страна съ небольшимъ 3-милліоннымъ населеніемъ, слѣдовательно не ввозитъ, а вывозитъ свои продукты. Ея положеніе дѣлаетъ удобнымъ ея посредничество для перевозки грузовъ къ германскимъ

(*) Подробно мотивированное рѣшеніе напечатано въ «Times» 17—IX—915 стр. 3, а также въ «The Law Times» Vol. 139 № 3782, 25—IX—915 стр. 442—448.

портамъ и городамъ, напр. въ Гамбургъ, Любекъ, Штеттинъ, Берлинъ.

Въ началѣ статьи я приводилъ цифры ввоза въ Данію какъ разъ сала и мяса. Призовой судъ приходитъ къ одинаковымъ выводамъ: «общее годовое количество сала, ввезенное въ Данію отовсюду было 1 459 тыс. фунтовъ. Количество сала, направленное въ Копенгагенъ лишь на этихъ 4 судахъ—19 252 тыс. ф. По сравненію этихъ цифръ,—результатъ тотъ, что эти суда везли въ Копенгагенъ менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ количество сала, болѣе чѣмъ въ 13 разъ превышающее годовой ввозъ за каждое изъ 3 лѣтъ передъ войной». Вообще ввозъ сала изъ Ам. С. Штатовъ «въ части Европы кромѣ Соед. Королевствъ, Франціи, Бельгіи, Германіи, Нидерландовъ и Италіи» за октябрь и ноябрь 1914 г. достигъ 50 647 849 ф. вмѣсто 854 856 ф. за тѣ же мѣсяцы 1913 г., т. е. давъ за 2 мѣсяца болѣе на 49 732 993 ф., иными словами, — въ 60 разъ больше, чѣмъ въ 1913 г. за соотвѣтственное время. Еще: за авг.—дек. 1913 изъ Ам. Соед. Шт. въ Германію ввезено 68 664 975 ф. сала, въ авг. — дек. 1914 — лишь 23 800 ф. Зато за это-же время на Скандинавскій полуостровъ въ 1914 г. ввезено 59 694 497 ф., вмѣсто 2 125 579 ф., доставленныхъ въ 1913 г.

Сравненіе этихъ цифръ ясно показываетъ, какой путь выбралъ себѣ американскій ввозъ въ Германію: съ присчетомъ задержанныхъ грузовъ цифра германскаго обычнаго ввоза была бы достигнута.

Предсѣдатель произвелъ огромнѣйшую и внимательную работу по разбору отдѣльныхъ грузовъ, число которыхъ достигало 625, хотя главная масса была сосредоточена въ рукахъ 5 фирмъ. Это интересно отмѣтить, какъ спеціальность англійскаго внимательнаго и подробнаго разбора дѣла.

Суть конечно ясна сразу. Къ тому же сэръ Evans показалъ, что по общему характеру груза, особенно по приготовленію и упаковкѣ копченаго мяса и сала онъ несомнѣнно предназначенъ для употребленія войска въ походѣ.

Допустимо ли явное снабженіе Германіи предметами условной и абсолютной контрабанды черезъ посредство нейтраль-

ныхъ или нѣтъ? Съ того времени, какъ теорія «единаго плаванія» нашла признаніе въ призовомъ правѣ, путь рѣшенію сэра Evans'а былъ уже намѣченъ. Конечно свобода торговли одной нейтральной страны съ другой не можетъ быть оспорена. Но когда это ведетъ къ едва прикрытому обходу правилъ, когда торговля называется нейтральной лишь по недоразумѣнію,—удовлетвориться формальной справкой съ однимъ текстомъ закона было бы непростительной невнимательностью.

Къ сожалѣнію, я лишенъ возможности, не отклоняясь отъ темы, подробно передать замѣчательное во многихъ отношеніяхъ рѣшеніе по дѣлу «Kim» и приведу лишь его главныя черты.

Сэръ Evans постановилъ конфисковать пищевые продукты, оправдывая свое рѣшеніе многочисленными ссылками на американскіе и даже германскіе прецеденты, равно какъ и на ученые авторитеты.

Это постановленіе для нейтральной торговли чревато послѣдствіями большой важности. Ихъ интересы конечно здѣсь могутъ сильно пострадать. Однако рѣшеніе такъ ясно показало, что грузы предназначались для германскихъ войскъ, что невозможенъ протестъ противъ англійскаго приговора. Дѣло было разсмотрѣно необыкновенно тщательно, но рѣшеніе его въ смыслѣ освобожденія отъ конфискаціи при выяснившихся обстоятельствахъ было бы немыслимо.

15.

Еще за полгода до приведеннаго только что рѣшенія по дѣлу «Kim», 1-го и 8-го марта 1915, въ англійскомъ призовомъ судѣ разсматривалось до извѣстной степени аналогичное дѣло «The Antares» (*). Аналогія заключалась во вмѣшательствѣ въ торговлю одной нейтральной страны съ другой предметами военной контрабанды — вслѣдствіе подозрѣнія въ окончательномъ вражескомъ назначеніи этихъ предметовъ.

(*) См. умѣло и интересно составленный «Обзоръ англійской призовой практики настоящей войны». І. Н. Михайловскаго. «Изв. Мин. Ин. Дѣлъ» 915, II и III.

Постановка дѣла судомъ, однако, была совершенно иная. Въ частности въ указанныхъ засѣданіяхъ разрѣшался лишь вопросъ о правильности реквизиціи груза, 150 тоннъ мѣди, захваченнаго англійскимъ крейсеромъ 7-го ноября и реквизированнаго 18-го дек. 1914 г. по требованію адмиралтейства и съ разрѣшенія канцеляріи призового суда.

«Antares», норвежское судно, вышло 24-го окт. 1914 изъ Нью-Іорка въ Готеборгъ (Швеція) съ грузомъ мѣди (объявлена 21-го сент. условной контрабандой, а 29-го окт.—абсолютной); мѣдь эта была куплена шведской компаніей во время плаванія, но еще до захвата, съ гарантіей невыпуска груза изъ Швеціи и Норвегіи.

Въ видѣ основанія реквизиціи канцелярія суда указала отд. 29 (Requisition by Admiralty) ст. 1 Prize Court Rules (*), допускающей реквизицію, если «нѣтъ никакихъ основаній полагать, что судно (грузъ) впослѣдствіи будетъ отпущено на свободу» и «подъ условіемъ, однако, что ни одно приказаніе суда не будетъ касаться судна (груза), относительно котораго судъ полагаетъ, что имѣются основательныя предположенія о его нейтральной національности». (Выдержка по Михайловскому).

При наличныхъ обстоятельствахъ нельзя не признать реквизиціи недостаточно обоснованной, т. к. грузъ былъ безусловно нейтральный, врядъ ли также можно было бы безапелляціонно утверждать, что грузъ будетъ конфискованъ. Это вызвало протестъ собственниковъ.

Несмотря на возраженія генеральнаго атторнея, ссылавшагося на право государства реквизировать нейтральную собственность для военныхъ надобностей и на основательность предположенія о невозможности освобожденія груза абсолютной контрабанды при примѣненіи теоріи «единаго плаванія»,— рѣшеніе суда дало удовлетвореніе нейтральнымъ собственникамъ. Постановлено, что реквизиція произведена вопреки закону (не сочтясь съ нейтральностью груза), и мѣдь должна

(*) Переизданы 15-го авг. 1914 г., напечатаны въ «Manual of emergency legislation» г. Pulling. 1914, стр. 256—352.

быть выдана обратно, если дѣло о конфискацiи закончится освобожденiемъ отъ задержанiя.

Это дѣло, конечно, имѣетъ свое значенiе въ качествѣ благопрiятнаго нейтральнымъ прецедента. За изданiемъ репрессивнаго Order'a 11-го марта примѣняются другiя правила, но и въ нихъ, какъ мы видѣли выше, нейтральные грузы убережены отъ реквизицiй.

Въ общемъ, конечно, понятiе контрабанды сильно расширилось за текущую войну, но въ этомъ повинна прежде всего современная техника, использующая въ военныхъ цѣляхъ все новые и новые предметы, еще недавно имѣвшiе самый мирный характеръ. Характернымъ является уже отмѣченное выше стремленiе къ уничтоженiю разницы между условной и абсолютной контрабандой, находящее себѣ подкрѣпленiе въ измѣненiи обстановки веденiя войны, въ томъ, что подчеркивалъ сэръ Grey въ перепискѣ съ американскимъ правительствомъ,—въ упрощенiи и ускоренiи перевозокъ, въ облегченномъ вслѣдствiе этого обмѣнѣ грузами различныхъ мѣстностей и государствъ и пр.

16.

Обсуждавшiяся выше мѣры воюющихъ въ области соприкосновенiя съ интересами нейтральныхъ касаются главнѣйшихъ пунктовъ создающихся на этой почвѣ взаимоотношенiй.

Однако немаловажны и особенно частыя въ текущей войнѣ отдѣльные случаи пренебреженiя воюющими правъ нейтральныхъ. Ихъ значенiе опредѣляется главнымъ образомъ ихъ совокупностью, создающей характерный фонъ общаго отношенiя къ праву, не опирающемуся на внушительную силу.

Въ явленiяхъ этого порядка надо считать всѣ нарушенiя германцами нейтралитета Чили путемъ превращенiя въ свою базу береговыхъ водъ этого государства; нарушенiе нейтралитета Данiи обстрѣломъ въ ея водахъ выбросившейся английской подводной лодки; нарушенiе нейтралитета Швецiи обстрѣломъ въ ея водахъ шведской подводной лодки, принятой за англiйскую (нарушенiе заключается въ фактѣ стрѣльбы

независимо отъ національности лодки); нарушеніе нейтралитета захватомъ почтовой корреспонденціи въ противность постановленіямъ VI Гаагской Конвенціи. И много другихъ случаевъ, которые у всѣхъ еще свѣжи въ памяти.

17.

Въ конечномъ итогѣ—какъ же рисуется право морского нейтралитета въ его теперешнемъ видѣ?

Несомнѣнно оно переживаетъ кризисъ одновременно съ правомъ войны въ его цѣломъ,—и конечно по одной и той же причинѣ, ближайшимъ образомъ по отсутствію санкціи. Воюющимъ не страшны одинокіе протесты отдѣльныхъ государствъ, обреченные на судьбу гласа вопіющаго въ пустынѣ. Большею частью изъ вѣжливости соблюдается видимость нарушаемаго права, или же на протесты слѣдуютъ извиненія, но суть дѣла не можетъ быть исправлена извиненіями, какъ и нѣкоторыми все же болѣе вещественными доказательствами раскаянія,—возмѣщеніемъ убытковъ, когда вообще мыслимо такое возмѣщеніе.

Врядъ ли стоитъ указывать на то, что въ ведущейся борьбѣ за удачный ударъ врагу, хотя бы черезъ голову нейтральныхъ, не жаль и крупныхъ жертвъ, не говоря уже объ извиненіяхъ и прочихъ весьма дешево стоящихъ шаговъ къ успокоенію обиженныхъ, но безсильныхъ нейтральныхъ.

Права нейтральныхъ оказались необыкновенно эластичны, право стало почти прямо зависѣть отъ внѣшней политики. Завершился конечно логическій кругъ: при очевидномъ пренебреженіи права силой создался культъ силы въ ущербъ цѣнностямъ нравственнымъ, стремленіе къ коимъ имѣло до сихъ поръ облагораживающее значеніе въ международномъ общеніи. О какой бы то ни было идеализаціи народныхъ стремленій не стало болѣе слышно. Выступленіе на той или другой сторонѣ сдѣлалось предметомъ аукціона, на которомъ профанировались и многолѣтнія традиціи и народные интересы и чувствованія и расовыя привязанности. Иногда это принимало чудовищные размѣры,—и выступленіе Болгаріи напримѣръ—настоящій кошмаръ.

Создающаяся развращающая обстановка врядъ ли измѣнится къ лучшему и въ ближайшемъ будущемъ.

Сила гипнотизируетъ всѣ еще не вовлеченныя въ страшную схватку государства,—и, терпя отъ силы, они прибѣгаютъ къ ней же, внося и свою лепту на алтарь войны.

Жаль затемненной происходящимъ и тускло мерцающей идеи права, пренебреженіе къ которой конечно не пройдетъ даромъ и еще больно отзовется въ будущемъ. Что же до самихъ нейтральныхъ,—то врядъ ли слѣдуетъ особенно жалѣть ихъ: несомнѣнно, причиняя имъ большія непріятности, война приноситъ и огромныя выгоды.

Снабжая борющихся всѣмъ необходимымъ для войны, облегчая слѣдовательно ихъ усиліе,—не принимаютъ ли нейтральные довольно замѣтнаго участія въ войнѣ?

Этотъ вопросъ въ связи съ нѣкоторыми другими измѣнившимися условіями веденія войны поведетъ къ радикальной перестройкѣ всего зданія, оказавшагося построеннымъ на пескѣ.

18.

Въ заключеніе позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о роли, которую могли бы сыграть нейтральныя государства въ міровой войнѣ, еслибы дѣйствовали болѣе сплоченно и единодушно.

При настоящихъ условіяхъ учитывается все, имѣющее матеріальную силу,—и оказываетъ свое вліяніе на ходъ событій.

Въ исторіи мы знаемъ примѣры первой и второй лигъ вооруженнаго нейтралитета. Провозглашенные еще Екатериной II лозунги фактически до сихъ поръ не получили признанія, но успѣхъ ея начинанія показываетъ достижимость результата при аналогичныхъ условіяхъ.

Тѣ ли однако теперь условія создаютъ обстановку міровой войны?

Поведеніе нейтральныхъ относительно воюющихъ диктуется конечно ихъ интересами. Въ чемъ же заключаются правильно понятые ихъ интересы?

Причины, побудившія Екатерину II къ созданію отпора воюющимъ, были и стѣсненіе нейтральной торговли и чувство своего достоинства, оскорбленнаго безцеремонными поступками то англійскихъ, то французскихъ судовъ. Положеніе было такое, что представлялось предпочтительнымъ воевать, чѣмъ терпѣть притѣсненія воюющихъ, проникавшихъ даже вглубь Балтійскаго моря въ погонѣ за нейтральной добычей.

Нынѣ развитіе торговли достигло апогея. Казалось бы, что всякій ущербъ ей, наносимый нарушеніемъ нейтральныхъ правъ, долженъ понудить заинтересованныхъ къ принятію крайнихъ мѣръ, объединить протестантовъ въ какую то третью лигу вооруженнаго нейтралитета, которая властно и твердо напомнила бы объ обязательности установленныхъ нормъ, сыграла бы роль недостающей санкціи, безъ которой такъ страдаетъ право войны (именно теперь особенно сильно: въ обычныхъ войнахъ въ качествѣ сдерживающаго начала выступалъ разстроившійся нынѣ «европейскій концертъ»).

Однако подлинно ли такъ страдаетъ въ общемъ нейтральная торговля, какъ это кажется съ перваго взгляда? Разстройство обычныхъ путей несомнѣнно, и потеря германо-австрійскаго рынка конечно не могла не отразиться на нормальномъ ходѣ торговли. Окольныя дороги, по которымъ направились было грузы въ Германію — черезъ сѣверныя государства,—послѣ охарактеризованныхъ выше мѣръ нашихъ союзниковъ и ихъ призовыхъ рѣшеній могутъ считаться фактически перехваченными.

Однако, въ этомъ случаѣ война одной рукой беретъ, а другой отдаетъ сторицею. Выдвинутыя этой войной небывалыя и разнообразнѣйшія потребности воюющихъ фактически возмѣщаютъ создающіеся пробѣлы; транспорты грузовъ направляются вмѣсто однѣхъ рукъ въ другія, однако, выгоды отправителей отъ этого не меньше. Въ перепискѣ съ правительствомъ Ам. С. Штатовъ (цит. письмо 23—VII—1915) сэръ Grey съ удовлетвореніемъ подчеркнулъ, что внѣшняя торговля Штатовъ за время войны не потерпѣла ущерба, а наоборотъ процвѣла: «статистика послѣднихъ мѣсяцевъ указываетъ, что увеличившійся, благодаря войнѣ, спросъ на американскіе то-

вары болѣе чѣмъ компенсировалъ за утрату германскаго и австрійскаго рынковъ».

Затруднительнѣе, конечно, положеніе нейтральныхъ касательно ввоза изъ Германіи. Но видимо и этотъ вопросъ нашелъ удовлетворительное разрѣшеніе.

Это относительно одной стороны дѣла, «матеріалистическихъ» интересовъ нейтральныхъ, которымъ происходящее даетъ все большій вѣсъ.

Но какъ ни низко падаетъ за послѣднее время престижъ интересовъ «невѣсомыхъ», «идеалистическихъ», къ которымъ теперь относится и «чувство собственнаго достоинства» нейтральныхъ, попираемое воюющими,—надо согласиться съ тѣмъ, что часто невмѣшательство можетъ быть объяснено и побужденіями не только корыстолюбія или опасенія за собственную шкуру.

Въ существующемъ обликѣ своемъ право нейтралитета все же очень неопредѣленно. Основное правило невмѣшательства и равнаго отношенія къ воюющимъ допускаетъ въ примѣненіи на практикѣ такіе оттѣнки, которые могутъ представлять разницу весьма существенную.

Пунктъ 7-й XIII Гаагской конвенціи о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ державъ въ случаѣ морской войны, какъ и п. 7 соотвѣтственной V конвенціи о войнѣ сухопутной, опредѣляетъ, что «нейтральная держава не обязана препятствовать вывозу или транзиту, за счетъ того или другого изъ воюющихъ, оружія, боевыхъ припасовъ и вообще всего, что можетъ быть полезно арміи или флоту». Здѣсь дается возможность самаго широкаго истолкованія предоставляемой свободы, лишь бы формально государство было «не причемъ».

Можно припомнить, что въ испано-американской войнѣ Бразилія воспретила вывозъ изъ своихъ портовъ въ порты воюющихъ предметовъ военнаго снаряженія,—и не только подъ бразильскимъ флагомъ, а вообще подъ всякимъ. Аналогично запрещеніе Даніи датчанамъ вывозить военную контрабанду въ воюющія страны.

Какъ этимъ путемъ, такъ и путемъ невмѣшательства въ торговлю своихъ подданныхъ нейтральныя державы могутъ регулировать какое угодно свое поведеніе, соблюдая «доброжелательный» нейтралитетъ въ зависимости отъ обстоятельствъ и сообразно своимъ симпатіямъ.

Вѣроятно прозвучало бы парадоксомъ мнѣніе о томъ, что вообще нейтральныхъ нѣтъ, особенно въ текущую войну. Однако теперь это можно бы заключить: не съ формальной точки зрѣнія конечно всѣ принимаютъ участіе въ войнѣ, различествуя лишь большей или меньшей активностью; — какъ, впрочемъ, и воюющіе.

Есть какая то трудно опредѣлимая грань, гдѣ «доброжелательный нейтралитетъ» только маска, плохо прикрывающая ведущуюся войну.

Въ настоящее время столкнулись двѣ огромныя волны, двѣ системы міровой жизни,—и отъ побѣды той или другой зависитъ слишкомъ много для всего международнаго общенія.

Захватывающій интересъ, съ которымъ міръ слѣдитъ за борьбой, обусловленъ этимъ размахомъ, который все захлестываетъ и вовлекаетъ въ свой круговоротъ.

Съ одной стороны, какъ опредѣляетъ аналогичную мысль P. (Les neutres et la crise européenne. «Revue Fauchille» 1914—№ 6), сила, «основанная на свободной индивидуальной иниціативѣ, на не менѣе свободномъ дѣйствіи автономныхъ частей». Съ другой—стремленіе къ «завоеванію съ послѣдующимъ энергическимъ давленіемъ, которому одному приписывалось достиженіе тѣснаго единенія и непреодолимой силы».

Передъ этимъ гигантскимъ столкновеніемъ нейтральные не считаютъ возможнымъ настаивать на вопросахъ самолюбія, у нихъ отнимается голосъ. Развернувшаяся картина слишкомъ подавляетъ своей значительностью.

Пусть это невѣрно въ отдѣльныхъ случаяхъ,—это вѣрно въ цѣломъ.

19.

Однако несомнѣнно, что согласованное выступленіе нейтральныхъ имѣло бы сильное вліяніе на создавшееся положеніе.

Это вліяніе сказалось бы прежде всего на упорядоченіи способовъ борьбы, къ которымъ воюющіе относились бы осмотрительнѣе, «съ оглядкой»; затѣмъ—кто знаетъ?—можетъ быть энергичная и планомѣрная политика союза нейтральныхъ ускорила бы и водвореніе мира. Пока это обусловлено рядомъ «бы», — теряется необходимый характеръ реальности и всѣ предположенія обречены остаться предположеніями. Но несмотря на приведенныя выше сдерживающія нейтральныхъ обстоятельства, идеи о болѣе значительномъ воздѣйствіи нейтральныхъ отнюдь не исчезаютъ, а наоборотъ, пріобрѣтаютъ болѣе конкретное выраженіе.

Въ интересно написанной статьѣ, на которую я только что ссылался, Р. горячо доказываетъ, что вмѣшательство въ защиту пренебреженнаго права—не только въ интересахъ нейтральныхъ, но и составляетъ ихъ несомнѣнную обязанность. Дезорганизація, которую вноситъ въ человѣческое общеніе отсутствіе твердыхъ устоевъ, должна сказаться на всей дальнѣйшей жизни человѣчества.

Программа, которую Р. набрасываетъ для предлагаемаго имъ соглашенія нейтральныхъ въ цѣляхъ воздѣйствія на воюющихъ, слишкомъ обширна, и это, къ сожалѣнію, отнимаетъ у нея надежду на осуществленіе.

Намѣченныя требованія слѣдующія:

1° Немедленное очищеніе территорій Бельгіи и Люксембурга съ возмѣщеніемъ имъ убытковъ.

2° Безусловное соблюденіе воюющими всѣхъ подписанныхъ ими договоровъ. Для контроля за этимъ предположена нейтральная комиссія въ Бернѣ или въ Гаагѣ,—съ полномочіемъ на производство слѣдствій по жалобамъ.

3° Облегченіе веденія мирныхъ переговоровъ черезъ посредство этой комиссіи.

4° Въ качествѣ санкціи предполагается установить для воюющаго, который нарушитъ впредь право,—изгнаніе изъ человѣческаго общенія, прекращеніе какихъ бы то ни было отношеній съ нимъ до полнаго раскаянія, а въ случаѣ его нападенія на кого либо—единодушный вооруженный отпоръ со стороны всѣхъ участниковъ соглашенія.

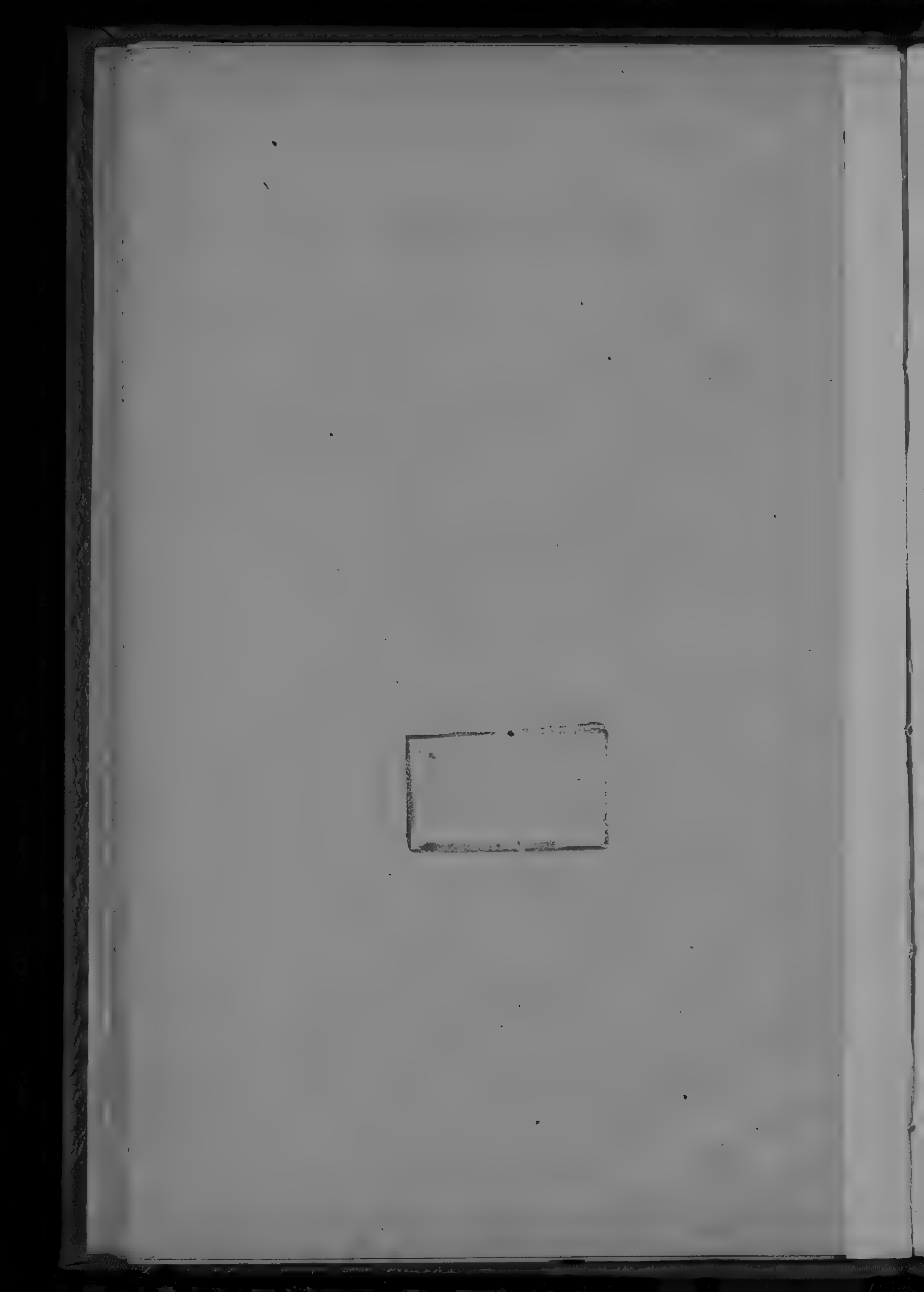
Въ этомъ видѣ и при настоящихъ обстоятельствахъ неосуществимость такой программы очевидна, но помѣщеніе ея въ серьезномъ спеціальномъ журналѣ международнаго права очень знаменательно.

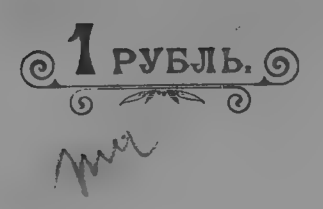
Теперь или черезъ немного времени,—но санкція въ той или иной формѣ найдетъ мѣсто и въ правѣ войны, если сама война не будетъ поставлена внѣ отношенія къ какому бы то ни было праву.

Въ міровой войнѣ морской нейтралитетъ мало опредѣляется установленными принципами права, исключеніемъ теперь кажется уже не правонарушеніе, а исполненіе международныхъ законовъ.

Но всякое злоупотребленіе вызываетъ реакцію, тѣмъ болѣе рѣзкую, чѣмъ болѣе ярко злоупотребленіе. Это даетъ увѣренность въ томъ, что ломка понятій послѣ войны будетъ основана во всякомъ случаѣ на уваженіи къ праву.

А. Соболевъ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

ОЧЕРКИ ПРИЗОВОГО ПРАВА.

ПТР. 1915. 1 руб.

